B118 439

В118
439

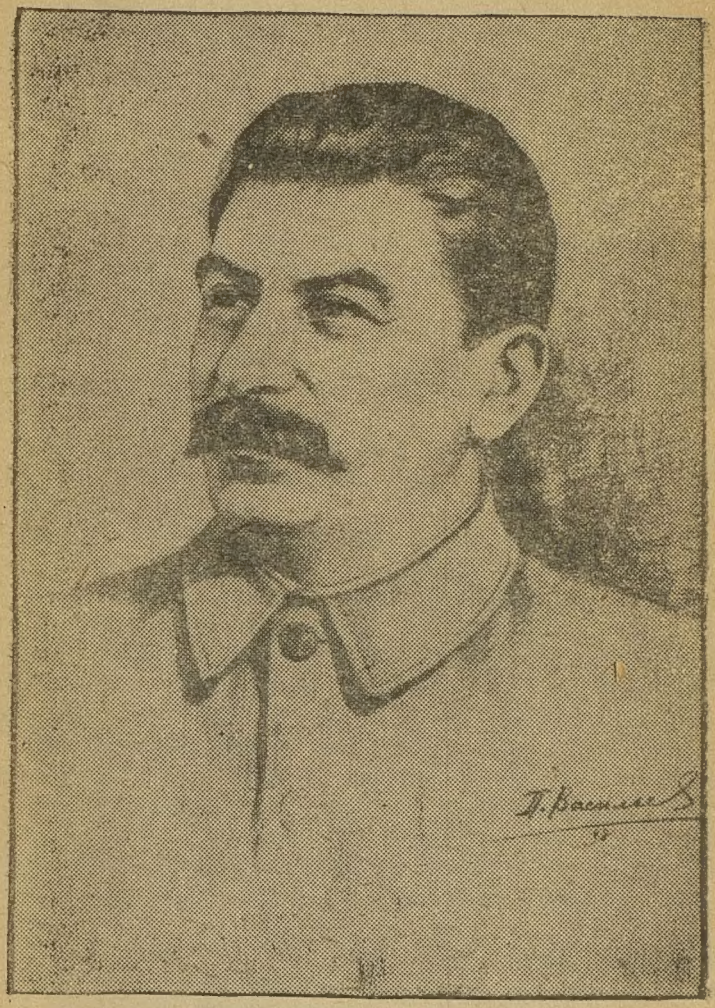
ГЕРОИЧЕСКИЙ СТАЛИНГРАД

ОБЛАСТНОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
СТАЛИНГРАД 1943

Сборник „Героический Сталинград" издается Сталинградской Областной Комиссией по истории Отечественной войны под редакцией М. А. Водолагина. Настоящий сборник посвящен героической обороне Сталинграда. Выпускается вторым дополненным и переработанным изданием. Готовятся материалы к выпуску второго сборника, который будет посвящен разгрому немцев под Сталинградом и победоносному наступлению Красной Армии.

Составители сборника: Р. П. Терновая,
М. А. Лобачев.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
801146



ГЕРОИЧЕСКИЙ СТАЛИНГРАД

Сталинград.

Сколько раз на протяжении четверти века этот город стоит в центре внимания человечества! Как много в нем заключено для сердца советского народа! С этим городом связана ярчайшая страница гражданской войны. С ним неразрывно связан бурный взлет нашей индустриализации. И сейчас снова над миром, объятым огнем пожарищ и войны, полыхает слава Сталинграда.

Город-герой, город-воин, город прекрасных наших традиций и стальной большевистской воли.

Вспомним 1918 год.

Огненное кольцо контрреволюции стягивается все туже и туже вокруг Царицына. Белогвардейские генералы уже предвкушают падение волжской твердыни. Партия, Ленин поручают оборону города товарищу Сталину. В кратчайший срок были созданы дивизии, бригады, полки. Аппарат очистили от врагов и бездельников. Город превратился в военный лагерь. Под ружье встали рабочие царицынских заводов.

Сталинградцы! Все — на защиту своих улиц, своих домов, своей земли, политой кровью отцов! К вам, ко всем защитникам Сталинграда, взывают герои царицынской обороны в своем обращении: «Не сдавайте врагу наш любимый город! Любой ценой защитите город Сталина! Бейтесь так, чтобы слава о вас, как и о защитниках Царицына, звенела в веках!»

Под Царицыном в 1918 году решался исход борьбы, происходившей на всей огромной территории юго-востока Советской России, от донских степей до Северного Кавказа и Туркестана.

Так и теперь героическая оборона Сталинграда нарушает широкие планы гитлеровского командования. Гитлер предполагал быстро разделаться с городом, разрубить наш фронт. Немцы бешено рвутся к Сталинграду, надеясь, что им удастся, овладев Сталинградом, направить войска на Москву, на Баку. Героические защитники Сталинграда своей стойкостью срывают эти планы гитлеровских разбойников. Не удались Гитлеру и далеко идущие планы, связанные со Сталинградом, — расширить фронт борьбы против СССР. Героическая оборона Сталинграда еще более укрепила уважение к силе Советского Союза со стороны других государств. И чем тверже вы, защитники Сталинграда, будете стоять на своих рубежах, чем крепче будете бить ненавистного врага, тем прочнее и прочнее будут позиции СССР.

Как закаленный в битвах солдат, твердо стоит Сталинград на своем посту. Под яростной бомбардировкой немецких самолетов заводы продолжали выпускать свою продукцию, а когда вражеские бомбы повредили часть заводских зданий, в наспех организованных мастерских ремонтировались танки, которые тут, же выйдя из ворот завода, вступали в бой.

Бессмертна в наших сердцах память о защитниках Царицына. Никогда не угаснут в сердцах советского народа и имена рабочих Сталинградского тракторного завода, первенца социалистической индустриализации, которые жизнью и смертью своей преградили врагу путь к городу. Вечным ореолом славы покрыли себя сталевары Кузьмин, Орлов, Ольга Ковалева, слесари Володин, Иванов, Савченко, рабочие Симонов, Познышев и другие.

С затаенным дыханием следит мир за гигантской битвой, развернувшейся на берегах Волги. Каждое сообщение мгновенно облетает весь свет. Газеты всех стран на первых страницах печатают телеграммы о положении в районе Сталинграда, о ходе небывалого в истории сражения.

Мировая печать единодушно отмечает беспримерный героизм защитников города. Турецкая газета «Икдам», высмеивая болтовню о «непобедимости» германской армии, пишет: «Один только Севастополь боролся дольше, чем французская армия, один только Сталинград оказывает более упорное и сильное сопротивление, чем вся Европа».

Так же, как в 1918 году, могучая воля товарища Сталина и стойкость советских людей обеспечили успех обо-

роны Царицына, так и теперь Сталинград держится этой непреклонной волей, этой чудесной стойкостью.

Немцы бросили на подступы к городу десятки моторизованных и пехотных дивизий, более тысячи самолетов. Порою до сотни танков штурмуют узкие участки, по нескольку сот самолетов пытаются проложить дорогу пехоте. Обозленные героическим сопротивлением советских воинов, гитлеровцы с яростью вандалов, обрушились на прекрасный город. Его просторные площади изрыты воронками от разрыва бомб и снарядов, его театры, дворцы культуры, школы, больницы, дома разрушены и сожжены. Над городом стоит багровый дым пожарищ.

Но выше его вознеслась слава героев Сталинграда. Вся Красная Армия должна брать с них пример!

Немцы пытались с хода прорваться танками к важному участку под Сталинградом. Путь врагу преградили тридцать три советских воина. Два дня они держали свой рубеж, хотя фашисты окружили их со всех сторон. Советские богатыри выстояли против 70 танков, сожгли 27 из них, истребили свыше 150 немцев и покрыли неблекнущей славой боевые знамена родины. Родина увенчала их заслуженной наградой. Так надо стоять против вражеских танков!

Отчизна требует от всех воинов Красной Армии, от всех защитников Сталинграда, чтобы они сражались с такой же беззаветной стойкостью, как славные гвардейцы, обороняющие город на самом тяжелом участке. Порой они выдерживают по 12—15 атак в день, лежат под градом вражеских бомб и снарядов, но не отступают ни на шаг. Среди горящих развалин их сердца стали тверже немецкой стали. Немецкие танки отходят назад, но советские гвардейцы остаются на местах. За один только сутки они уничтожили 42 вражеских бронированных машины. Так надо бороться с врагом.

Все ожесточеннее и кровопролитнее становятся бои за Сталинград. Враг несет колоссальные потери. Подступы к городу и улицы окраин устланы остовами сотен сгоревших немецких танков, трупами тысяч немецких солдат и офицеров. Недаром сами немцы назвали путь к городу «дорогой мертвецов». Но враг не унимается. Несмотря на огромные потери, он все еще бросает в бой новые силы. Лишь на днях под Сталинград прибыли две новых пехотных дивизии

и одна танковая. Судьба города зависит от железной стойкости, выдержки, воинского уменья защитников Сталинграда.

Вспомните товарищи, что на этих окраинах ваши отцы защищали свою родину, свой дом, ваше счастье. Вспомните, товарищи, что вашими руками были созданы заводы и фабрики города, театры и институты. Помните, товарищи, что бои под Сталинградом имеют важнейшее значение для всего хода великой отечественной войны против немецких разбойников, помните, что от исхода вашей борьбы во многом зависит будущее ваших детей! Так будьте же достойны памяти своих отцов, оборонявших Царицын, будьте достойны трудовой доблести строителей «СТЗ», выигравших битву за индустриализацию, равняйтесь по героям, защищающим свои рубежи до последнего дыхания!

Весь наш народ с волнением следит за ходом битвы на берегах Волги. Стойкость и мужество защитников Сталинграда воодушевляют советских людей на новые трудовые подвиги. Сталевары дают ускоренные плавки—в помощь защитникам Сталинграда! Шахтеры выдают на-гора уголь сверх плана — в помощь защитникам Сталинграда! Колхозники убирают хлеб до зерна — в помощь защитникам Сталинграда!

Весь советский народ, вся Красная Армия, партия, правительство, товарищ Сталин — с вами, дорогие защитники нашей волжской твердыни! С вами миллионы людей, миллионы верных сердец во всех странах мира. Так еще упорнее ведите, товарищи, бой за Сталинград, чтобы обессилить, а затем отбросить и разгромить врага!

(*Передовая „Правды" за 5 окт. 1942 г.*).

А. ЧУЯНОВ,

Секретарь Сталинградского Обкома ВКП(б) и Председатель Городского Комитета Обороны

СТАЛИНГРАДСКАЯ ЭПОПЕЯ

Сталинградская эпопея войдет в историю великой отечественной войны, как одна из самых ярких и славных ее страниц.

Оборона Сталинграда стала символом стойкости, мужества, беззаветного героизма.

В стратегических планах немецко-фашистского командования летней и осенней кампании 1942 года наш город занимал особое место. Захватом Сталинграда гитлеровские стратеги рассчитывали обойти Москву с востока, отрезать ее от волжского и уральского тыла и таким образом кончить войну на Востоке. Именно поэтому Сталинград явился ареной жесточайших сражений, масштабы которых затмили собой все, что знала история войн.

Героическая оборона Сталинграда сорвала стратегические планы и спутала карты гитлеровского командования. Город, носящий имя нашего вождя великого Сталина, город славных боевых традиций гражданской войны, выстоял и отразил невиданный доселе натиск врага, и не только остановил движение немецких полчищ, но и перешел в наступление, послужил началом разгрома немецко-фашистских войск, последствия которого скажутся на всем ходе отечественной войны.

Можно без преувеличения сказать, что поражение немецко-фашистских войск под Сталинградом явилось поворотным пунктом войны, новым ее этапом, который создает важнейшие предпосылки для окончательного разгрома врага и очищения советской земли от гитлеровской нечисти.

Под Сталинградом немцы сосредоточили в первое время 4 танковых, 15 пехотных и 3 моторизованных дивизий. Впоследствии же это количество значительно увеличилось. Тот факт, что на подступах и в районе Сталинграда были перемолоты десятки немецко-фашистских дивизий, говорит, какие большие силы сосредоточил враг под Сталинградом.

Только за первые два месяца враг сбросил на город 170 тысяч фугасных бомб разного калибра (без мелких—осколочных и зажигательных), из них 100 тысяч бомб весом в 100 килограммов, 40 тысяч бомб весом в 250 килограммов, 25 тысяч бомб весом в 500 килограммов и 1.000 бомб весом в 1000 килограммов каждая. На каждый квадратный километр площади сбрасывалось в среднем до 2 тысяч фугасных бомб, а на направлении главного удара количество их удваивалось. В течение 3 месяцев немцы ежедневно предпринимали в среднем до 1000—2000 самолетовылетов, а дни в 600—800 самолетовылетов считались сравнительно «тихими». Наконец, на участок фронта в 25 километров враг ежедневно выбрасывал до 7 тысяч тяжелых снарядов. Этого достаточно, чтобы понять какого небывалого ожесточения достигли бои под Сталинградом, какое нечеловеческое мужество и упорство должны были проявить части Красной Армии, защищавшие город, чтобы выдержать бешеный натиск врага — беспрерывный ливень пуль, снарядов и бомб.

Трудящиеся города, не жалея сил и самой жизни, помогали родной Красной Армии. Городская партийная организация создала в каждом районе города отряды народного ополчения, истребительные батальоны, послужившие резервом частям Красной Армии, защищавшим Сталинград. В самые тяжелые дни обороны, когда враг рвался к заводским поселкам города, на заводах «Красный Октябрь», «Баррикады», СТЗ и других предприятиях по призыву городского комитета обороны организовались рабочие батальоны. Из рабочих Сталинградского тракторного завода был сформирован рабочий восстановительный батальон для ремонта танков. Рабочие батальоны, истребительные отряды, бойцы народного ополчения впоследствии влились в состав регулярных частей Красной Армии и в ее рядах защищали Сталинград.

Городская партийная организация подняла трудящихся на строительство оборонительных рубежей. В течение короткого времени трудящиеся города и области сумели создать не-

сколько укрепленных линий обороны общим протяжением более чем в две тысячи километров. Промышленность города организовала производство железобетонных и броневых колпаков, ежей, эскадров и других средств, необходимых для оборонительных рубежей.

Многие рубежи создавались руками трудящихся города без отрыва их от производства, от основной работы на предприятиях. Рабочие и работницы отработав 11 часов на заводе, ве-

Заседание Военного Совета Сталинградского фронта. На снимке (слева направо): члены Военного Совета *Н. С. Хрущев, А. С. Чуянов* и командующий Сталинградским Фронтом генерал-полковник *А. И. Еременко.*

чером с энтузиазмом работали на строительстве оборонительных сооружений. Именно таким путем был построен внутренний городской оборонительный рубеж, задержавший продвижение немцев в город. Точно так же строились десятки и сотни баррикад и завалов на улицах города—строились во многих случаях под бомбами с воздуха, под артиллерийским и минометным огнем.

Партийная организация города задолго до того, как возник-

ла непосредственная опасность, приняла ряд мер к тому, чтобы максимально использовать местные возможности для обороны города. С этой целью особое внимание было обращено на развитие тех отраслей военной промышленности, которые позволили бы без помощи извне снабжать армию необходимым вооружением, боеприпасами и снаряжением.

В городе по решению городского комитета обороны было организовано производство взрывчатых веществ, всех видов боеприпасов—от тяжелых снарядов до ручных гранат,—налажено производство минометов, мин к ним, автоматов и т. д. За 2—3 месяца до прорыва врага к городу был резко увеличен выпуск дивизионной артиллерии, которая сыграла исключительно большую роль в отражении танковых атак противника. На предприятиях города были организованы строительство и ремонт бронепоездов.

В самые тяжелые дни осады, когда враг нажимал на город, а коммуникации, питающие наши части с левого берега Волги не были как следует налажены, сталинградские предприятия бесперебойно снабжали Красную Армию орудиями, снарядами, минами и т. д.

В конце августа враг приблизился к городу. Начались массовые воздушные бомбардировки, на город налетало сразу 300—400 фашистских стервятников, сбрасывавших тысячи фугасных и зажигательных бомб. Рушились здания, горели целые кварталы. В этих условиях важнейшей задачей являлось не допустить паники, обеспечить порядок в городе, организованную эвакуацию населения и одновременно оборонять город от приближающегося врага.

В каждом районе были созданы чрезвычайные комиссии по обеспечению порядка в городе. Комиссии, возглавлямые секретарями райкомов, принимали экстренные меры по восстановлению таких жизненно важных артерий города, как водопровод, электроосвещение, по налаживанию снабжения населения, эвакуации материальных ценностей, людей и оборудования. Чрезвычайные комиссии в связи со специфическими условиями города, растянувшегося по берегу Волги на протяжении почти 60 километров, организовывали оборону и защиту своих районов.

Секретари обкома и горкома партии были раскреплены по районам и предприятиям и находились при частях Красной Армии. Наряду с организацией военно-хозяйственной работы они лично вели политическую работу среди населения, поднимали людей на борьбу за свой город.

На собрании городского партийного актива коммунисты, как один, заявили: «Драться до конца, защищать город до последней капли крови, преградить врагу путь к Волге».

Эта решимость коммунистов передавалась трудящимся города. Она проникла в душу и сердце каждого бойца и командира, прибывшего на защиту Сталинграда; она создала тот дух стойкости, отваги и мужества, которым прославили себя защитники города.

25 августа город был объявлен на осадном положении. Через несколько дней городской комитет обороны обратился с воззванием к трудящимся Сталинграда. Напоминая о славных традициях обороны Царицына под руководством товарища Сталина, комитет обороны призывал сталинградцев подняться всех до единого на защиту родного города.

«Дорогие товарищи! Родные сталинградцы! — говорилось в воззвании. — Не отдадим родного города на поругание немцам. Встанем все, как один, на защиту любимого города, родного дома, родной семьи. Покроем все улицы города непроходимыми баррикадами. Сделаем каждый дом, каждый квартал, каждую улицу неприступной крепостью.

Все на строительство баррикад! Все, кто способен носить оружие, на баррикады, на защиту родного города, родного дома!»

И в осажденном городе действительно все стали бойцами. Тысячи рабочих сражались с оружием в руках на передовой линии фронта, тысячи их товарищей здесь же, рядом, под артиллерийским и минометным огнем готовили оружие и боеприпасы.

До самого последнего дня не прекращалась работа на предприятиях города. На город налетали сотни самолетов, а в цехах Тракторного завода рабочие ремонтировали танки, краснооктябрьцы изготовляли снаряды, баррикадцы делали минометы. Лишь когда враг приближался вплотную к заводам и заводские территории становились местом боев, замирала жизнь в цехах и рабочие покидали свои предприятия.

Рабочие Тракторного завода в сентябре, когда воздушные бомбардировки следовали беспрерывно одна за другой и не давалось даже отбоя воздушной тревоги, выпустили сотни танков и тягачей тракторов. На «Красном Октябре» собирали оставшийся задел и сдавали вооружение фронту.

В течение всех пяти месяцев обороны города работал завод, где директором тов. Уфлянд. Завод выпустил десятки тысяч бутылок зажигательной жидкости, он ремонтировал пушки,

пулеметы, автомашины, изготовлял походные кухни и даже выпускал туалетное мыло. В оставшихся неразрушенными цехах другого завода был организован ремонт танков. Рабочие не уходили из цехов неделями, но сдавали танки досрочно, зная, что они прямо с завода отправляются на передовую линию обороны.

Исключительно самоотверженно работал коллектив Сталинградской ГРЭС. Станция действовала до тех пор, пока артиллерия противника не вывела ее фугасными снарядами из строя. А как прекрасно проявили себя водники речного пароходства! Когда враг захватил вокзал и перерезал железные дороги, идущие на юг и север, все питание фронта шло через волжские переправы. Враг день и ночь бомбил переправы и суда, стремясь парализовать эту единственную нить, связывавшую Сталинград со страной и фронт с тылом. Но переправы продолжали действовать, люди работали под огнем и снарядами и обеспечивали своевременную переброску пополнений, боеприпасов, оружия.

Труд сталинградских рабочих — яркая страница в обороне города, показатель несгибаемой воли сталинградцев. И здесь, как и на передовых позициях, в самые суровые и тяжелые дни можно было слышать: «Мы сталинградцы, мы отстоим Сталинград!»

Да, собственно говоря, трудно было иной раз определить, где кончался завод и начинался фронт. Сталинградский рабочий с опасностью для жизни оставался у станка, а когда обстоятельства требовали, выходил с оружием в руках навстречу врагу.

Городской комитет обороны принял решение мобилизовать 1000 коммунистов и рабочих завода для пополнения действующих на фронте частей. Принятое 26 августа, в 12 часов ночи решение на следующий день было реализовано. На линию огня ушло 1.200 коммунистов и лучших беспартийных рабочих сталинградских предприятий.

Огромную роль в защите города сыграли вооруженные отряды рабочих. Первые немецкие танки, прорвавшиеся к Сталинграду, встретили 1200 бойцов истребительных батальонов. Два дня до подхода частей Красной Армии вооруженные отряды рабочих держали оборону и отражали яростные атаки, а потом с подходом подкреплений перешли в наступление и отбросили врага.

Старый мастер Тракторного завода тов. Москалев, участник обороны Царицына, боец отряда тракторозаводцев, рассказывает, что наступление их отряда было настолько стремительным и неожиданным, что немцы быстро стали откатываться назад. Взятые при этом пленные показали, что немецкие офицеры долго рассматривали в бинокль позиции рабочих и никак не могли определить, какой это род войск, решив, что это моряки.

Героически действовали сталевары «Красного Октября». Батальон краснооктябрьцев под командованием рабочего листопрокатного цеха тов. Позднышева выбил немцев с окраины своего поселка. В этот батальон вступили прославленные сталевары Соколков, Орлов, Кузьмин, токарь Илюшин, механик цеха Борисов, вступила в него и Ольга Ковалева, первая женщина-сталевар. Коммунистка Ковалева первая поднялась в атаку с возгласом: «За родной Сталинград!» В этом бою она пала смертью храбрых, но на ее место встали сотни новых бойцов.

Не одну атаку на свой завод отбили тракторозаводцы. Сходившие с конвейера танки они укомплектовывали экипажами из рабочих завода, произносили им теплое напутственное слово, и с заводского двора танки шли на линию фронта, преграждали путь врагу.

В рядах сталинградцев сражались два поколения: старые ветераны, участники гражданской войны и обороны Царицына, и молодые рабочие, выросшие и воспитанные при советской власти. С первых дней обороняли свой родной город механик одного из сталинградских заводов Алексей Миронович Иванов и его сын, диспетчер заводского транспорта, Виктор. Бывший партизан, участник обороны Царицына в 1918 году, тов. Иванов стал бойцом истребительного батальона сталинградцев. Вместе с сыном он под шквальным огнем противника подносил на батареи снаряды. Ночью отец с сыном ходили в разведку, служили проводниками для подразделений, а днем становились в ряды атакующих. Отец награжден орденом Красного Знамени, сын представлен к правительственной награде.

Вместе со своим сыном сражался в частях Красной Армии бывший партизан, рабочий одного из сталинградских заводов Михаил Федорович Палагушкин. В боях с фашистами отец и сын неоднократно показывали примеры мужества и отваги. 16-летний Юрий Палагушкин под непрерывной бомбежкой подносил снаряды и выполнял обязанности связного.

Организовывать трудящихся на защиту города, поддерживать в них дух боевой отваги, укреплять их уверенность в окончательной победе над врагом — такова была важнейшая задача партийно-политической работы в эти дни.

В боях за Сталинград воины Красной Армии проявили невиданный героизм. За период боев за Сталинград награждено орденами и медалями 17 тысяч человек. Звание Героя Советского Союза присвоено 9 командирам и бойцам. Орден Ленина получили 70 человек, орден Красного Знамени — 922 человека, орден Александра Невского — 4, орден Отечественной войны первой степени — 156 и 2-й степени — 173, орден Красной Звезды—2.516 человек, медаль «За отвагу»—6.792 человека и медаль «За боевые заслуги»—5.980 человек.

Среди награжденных сотни сталинградцев, бывших бойцов истребительных батальонов, рабочих дружин и частей народного ополчения, влившихся в дивизии Красной Армии.

Сталинградцами чувствовали себя не только коренные жители города: сталинградцами по праву считали себя все бойцы героической 62-й армии, оборонявшей Волжскую твердыню. К городу Сталина было приковано внимание всей страны, и люди сражались с удесятеренной энергией.

Обком и горком партии часто обращались к защитникам Сталинграда и населению города с короткими призывными листовками. После эвакуации областной газеты был налажен выход городского издания газеты «Сталинградская правда».

Широкое развитие в дни обороны получила наглядная агитация как в самом городе, так и на дорогах, ведущих в Сталинград. Еще за многие десятки километров до города бойцов, идущих на помощь Сталинграду, встречали боевые лозунги: «Отстоять Сталинград!», «Ни шагу назад!», «Боец, твой путь только вперед!», «Слава защитникам Сталинграда!».

Эти лозунги — а их были сотни и тысячи—можно было встретить на специальных щитах по обочинам дорог и на перекрестках, на белых стенах колхозных хат и общественных зданий, на телеграфных столбах. Эти лозунги писали, расклеивали и устанавливали пионеры и комсомольцы, школьные работники, сами красноармейцы, ремонтировавшие дороги, колхозники и колхозницы. Лозунги встречали и провожали бойца в каждом населенном пункте, на каждой улице города. В городе лозунги вывешивались на всех видных местах.

Обращения через печать дополнялись живым словом про-

пагандистов и агитаторов. В связи с тем, что сильные воздушные бомбардировки и артиллерийский обстрел не позволяли собираться в помещениях, вся агитационная работа была перенесена в бомбоубежища и щели. Туда шли агитаторы с сообщениями Совинформбюро, с газетами, с листовками; там развертывались живые беседы; там же агитаторы призывали трудящихся города к беззаветной поддержке воинов Красной Армии.

Весь советский народ жил одними мыслями и думами с защитниками Сталинграда; он поддерживал и ободрял их в трудную минуту. Эту поддержку народа Сталинград чувствовал, она вливала в него новые силы.

Ленинградцы и москвичи, уральцы и дальневосточники, сибиряки и горьковчане — люди всех городов и республик, люди разных наций участвовали в героической обороне Сталинграда. За время обороны на имя защитников Сталинграда поступили тысячи приветствий из самых различных уголков нашей страны, десятки тысяч писем, десятки тысяч посылок и подарков.

К защитникам Сталинграда обращались с приветствиями узбекский и туркменский народы, Академия наук, рабочие Челябинска, моряки Мурманска. Они находили особые слова, которые согревали своим теплом сталинградцев. В своих приветствиях трудящиеся брали боевые обязательства, они рассказывали о своей работе, о том, как они в тылу помогают защитникам Сталинграда отстаивать город на Волге.

Героическая эпопея обороны Сталинграда, продолжавшаяся 5 месяцев, закончилась исторической победой. Измотанный и обескровленный героическим сопротивлением Красной Армии, враг получил удар сокрушительной силы.

19 ноября началось наступление Красной Армии. Если оборона Сталинграда войдет в историю как образец непревзойденной стойкости, то наступление наших войск в районе Сталинграда стало образцом воинского искусства и мощного наступательного духа. За короткий срок армия противника была отрезана, окружена и уничтожена.

2 февраля 1943 года закончилось историческое сражение под Сталинградом. Величайшая битва, какую когда-либо знала военная история, закончилась полной победой Красной Армии. В этот день, в 16 часов по московскому времени, части Красной Армии ликвидировали последний очаг сопротивления,

уничтожив и частично пленив крупную группировку немецко-фашистских войск северо-западнее Сталинграда. 330-тысячная гитлеровская армия, сосредоточенная в районе Сталинграда, до предела насыщенная военной техникой, перестала существовать: значительная часть ее была истреблена, десятки тысяч погибли от голода и холода, 91 тысяча оказалась в плену вместе с командующим сталинградской группировкой фельдмаршалом Паулюсом, 24 генералами, десятками полковников и тысячами офицеров.

Немецко-фашистские изверги разрушили город. Потребуется много времени и труда, чтобы залечить глубокие раны. Нужно заново создавать город, заново создавать промышленность.

На митинге, посвященном ликвидации немецко-фашистских войск в районе Сталинграда, собравшись в центре города, среди развалин когда-то прекрасных зданий, трудящиеся Сталинграда дали клятву восстановить город.

И Сталинград будет восстановлен! Город, носящий имя нашего вождя, возродится вновь и станет еще прекраснее. Он останется в сердцах многих поколений как символ немеркнущей славы и несгибаемого мужества советских людей.

Командующий Донским фронтом генерал-лейтенант
К. К. Рокоссовский, ныне генерал армии

Генерал-майор А. САРАЕВ

В БОЯХ ЗА СТАЛИНГРАД

I

Стратегический план немецкого командования летней кампании 1942 года намечал захват города Сталинграда в июле месяце. Активная оборона частей Красной Армии в излучине Дона сорвала выполнение этого авантюристического плана. В ожесточенных, длительных боях многочисленные гитлеровские дивизионы обескровливались. Лишь ценой огромных потерь в людях и технике им удалось продвигаться на восток.

23 августа 1942 года, во второй половине дня, немцы начали чудовищную бомбежку жилых кварталов города. В этот же день, прорвав фронт на рубеже реки Дон двумя ударными группировками, противник начал развивать наступление. Стремясь быстро захватить Сталинград внезапным массированным ударом, немецкое командование бросило в прорыв крупные массы танковых и механизированных соединений.

Силам врага на подступах к городу в это время противостояли части гарнизона Сталинграда, в том числе наша стрелковая дивизия, отряд моряков и отряды рабочих сталинградских заводов.

О положении Сталинграда в дни прорыва немцев газета «Красная звезда» писала в передовой статье 24 декабря 1942 года: «Когда немцы подошли к городу, он был почти беззащитен. Но немногочисленные его защитники сумели отбросить немецкие авангарды. Когда же подошли главные немецкие силы, город встретил их жестоким отпором. Это казалось почти чудом, но чудо это сделали советские люди.

Волжская твердыня устояла. Немцы понесли под Сталинградом огромные потери. Доблестные защитники Сталинграда спутали все карты германского командования. Пока Сталинград стоял, не могло быть и речи о дальнейшем продвижении и о дальнейшем осуществлении пресловутого плана удара по Москве с тыла.

А тем временем Красная Армия собралась с силами, подтянула свои резервы и нанесла неприятелю в районе Сталинграда жестокое поражение.

В суровый час испытаний Родина, Верховный Главнокомандующий товарищ Сталин дали приказ: «Любой ценой

остановить и задержать врага, отстоять Сталинград. Ни шагу назад! Стоять на-смерть!» И защитники Сталинграда ответили клятвой: «Умрем, но не отступим!».

На красноармейских митингах, проведенных во всех подразделениях, бойцы, командиры и политработники, выражая горячую любовь к Родине, ненависть к врагу, давали клятву партии, советскому народу, великому Сталину биться до последней капли крови, но не отдать немцам Сталинграда. В страстных словах их был голос сердца.

Как бы подводя итог всех наступлений, выражая мысли и чувства всех защитников Сталинграда, младший командир-пулеметчик Чагин произнес тогда слова, ставшие историческими:

«Над нашим родным городом нависла серьезная опасность. Впереди нас враг, позади Волга. Отступать некуда. Не допустим фашистских мерзавцев к великой русской реке. За Волгой для нас земли нет».

Варварская бомбежка (с первых же дней воздушного нападения немцы совершали от 1000 до 2000 самолетоналетов в день) вызвала в городе массовые пожары, дезорганизовала железнодорожное и трамвайное сообщение, нарушила нормальную жизнь города.

Перед гарнизоном Сталинграда встала задача — отбить наступление ударных немецких частей, дав возможность другим частям Красной Армии перегруппироваться и выйти на оборонительные рубежи. Части гарнизона заняли оборону на ближних подступах к Сталинграду.

Огромную роль в эти, как и в последующие дни сыграла городская партийная организация, возглавляемая секретарем Сталинградского обкома партии, председателем городского комитета обороны А. Чуяновым. Она формировала рабочие отряды, помогала командованию гарнизона в строительстве оборонительных сооружений, наведении железной дисциплины в городе, организовывала снабжение населения продуктами питания, оказание медицинской помощи, эвакуацию в тыл женщин, стариков и детей.

Первый удар немцы нанесли с северо-запада. 23 августа 1942 года головные части мотопехоты и танков противника вторглись в район поселка Орловка и Рынок, с ярко выраженным направлением наступления на Сталинградский тракторный завод. Выполняя приказ военного совета Сталинград-

Заседание Сталинградского Городского Комитета Обороны.
На снимке: члены Городского Комитета Обороны (слева направо) *А. И. Воронин, А. С. Чуянов* и *И. Ф. Зименков.*

ского фронта, части гарнизона вступили в ожесточенную борьбу с противником.

В районе завода первыми приняли бой сводный отряд двух учебных танковых батальонов, находившихся на территории танкодрома Тракторного завода, и рабочий истребительный батальон заводов СТЗ, «Красный Октябрь» и «Баррикады», собранный по тревоге и вооруженный танковыми пулеметами и винтовками. На танки, сходящие с конвейера завода, сели рабочие и также двинулись в бой. Так началась великая Сталинградская битва.

Немцы рассчитывали с хода овладеть Тракторным заводом. Это им не удалось. Героические сталинградские рабочие и танкисты учебных батальонов, воскрешая и приумножая традиции сталинской обороны Царицына, смело двинулись навстречу танкам и мотопехоте врага. Часть немецких танков была выведена из строя, остальная остановлена. На поддержку истребительным отрядам и танкистам на северную окраину города были спешно выброшены Н-ский полк нашей дивизии, отряд моряков речной флотилии и танковая бригада.

Задолго до боев командиры частей хорошо изучили местность, на рубежах обороны проводились учения. Рельеф и особенности местности были знакомы не только командирам, но и бойцам. Подразделения действовали в знакомой обстановке.

Позиции севернее СТЗ прочно удерживались, а в 12.00 часов 25 августа защитники СТЗ контратаками выбили немцев из района лесопосадки и потеснили их.

Исключительно энергично действовал в часы суровых испытаний Тракторозаводский райком ВКП(б) (секретарь тов. Приходько). Буквально в течение 2—3 часов из цехов завода на рубежи обороны было направлено более полсотни танков. Рабочие ветераны — защитники Красного Царицына— и их сыновья — два поколения сталинградцев — стали плечом к плечу с частями Красной Армии. Среди них находились бывший партизан механик Алексей Миронович Иванов с сыном Виктором, участник обороны Царицына мастер Тракторного завода Москалев, стахановцы - сталевары «Красного Октября» Кузьмин, Орлов и Ольга Ковалева и многие другие рабочие и работницы. Они героически бились с врагом, с честью оправдав гордое имя граждан Сталинграда.

II

Натиск немцев возрастал с каждым днем. Враг бросал в сталинградский котел все новые дивизии, не щадя своих солдат и техники, беспрерывно бомбардируя боевые порядки обороняющихся с воздуха и обстреливая их из сотен орудий и минометов.

Особенно ожесточенными продолжали оставаться атаки немцев в районе Тракторного завода. Там с конца августа прочно удерживал рубежи Н-ский полк. Отбивая многочисленные, порой более десятка в день, вражеские атаки, он наносил гитлеровцам большой урон.

27 августа 1942 года Н-ский полк перешел в наступление на пятикилометровом фронте против высоты, господствовавшей над районом СТЗ. Наступление Н-ского полка поддерживала Н-ская стрелково-пулеметная часть с группой танков. В многодневных боях враг, несмотря на явное превосходство в силах, был смят и отброшен от окраин Тракторного завода на 3—4 километра.

Первой достигла высоты рота лейтенанта Шкурихина. Противник соорудил на высоте дзоты и встретил наступающих кинжальным огнем крупнокалиберных и станковых пулеметов. С обратных скатов высоты били немецкие минометы. Презирая смерть, бойцы продвигались вперед. В ожесточенной схватке они буквально выковыривали немецких солдат из окопов штыками и тотчас же закреплялись. Крайнего ожесточения достигла схватка у позиции минометной батареи, где немцы сопротивлялись особенно упорно. Успех решили смелость и находчивость красноармейца Стародубова. Ворвавшись в расположение батареи, он гранатами уничтожил ее прислугу.

Гитлеровцы, разъяренные неудачей, обрушили на роту Шкурихина удар артиллерийских и минометных батарей. В течение часа высоту бомбили пикировщики. Личный состав роты не дрогнул, вынес шквал огня и стали, удержав высоту до подхода подкрепления.

Район Тракторного завода долгое время был самым тяжелым участком Сталинградской обороны. На позиции полка наступало несколько немецких дивизий, состоящих из самых отборных гитлеровских молодчиков—6-й армии Паулоса.

И именно здесь, в исключительно напряженной обстановке, родился священный документ дивизии—клятва И. В. Сталину.

Бойцы, командиры и политработники полка решили лечь костьми, но не пропустить врага, не отступить перед неимоверными трудностями, не отступить перед смертельной опасностью, до конца выполнить приказ командования. Клятвой вождю они скрепили свою волю к победе. Текст этого исторического документа гласит:

„ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Здесь, на подступах к Сталинграду, как и в 1918 году, создалось тяжелое положение. Подлый враг уничтожает все на своем пути, он занес свою кровавую лапу над славным городом, имеющим огромное военно-политическое значение для нашей страны. Но немецкие захватчики жестоко просчитаются в своих планах, это они уже испытывают на своей шкуре. Они забыли 1918 год, когда под Твоим руководством враг был разбит.

Мы, бойцы, командиры и политработники, верные героическим традициям защитников Царицына, даем клятву священной ненависти к врагу, преданности Родине и Тебе, наш любимый вождь.

В суровый час, когда враг черной тучей навис над Сталинградом, мы клянемся Тебе, дорогой вождь, беспощадно уничтожать ненавистного врага, где бы он ни появился.

Мы обещаем Тебе, дорогой товарищ Сталин, что в тяжелый момент мы не дрогнем перед лицом смертельной угрозы. Мы покажем стойкость, высокую дисциплину, выдержку. Мы готовы лечь костьми, но не допустить врага в Сталинград.

Мы не потерпим, чтобы среди нас оказались трусы, паникеры. Нет им места в нашей среде. С предателями Родины у нас разговор короток: уничтожать беспощадно, как уничтожили труса и предателя 28 гвардейцев-панфиловцев.

Клянемся Тебе, что будем достойными сынами своей Родины!

Смерть немецким оккупантам!

Да здравствует наша Родина!

Да здравствует любимый товарищ СТАЛИН!

Бойцы, командиры и политработники полка.

9 сентября, 1942 года".

Принятие клятвы любимому вождю вызвало огромный патриотический подъем среди личного состава. Клятва звала на новые подвиги во славу Родины, на беспощадную месть врагу за разрушенный и окровавленный Сталинград.

Все, до единого, бойцы и командиры полка скрепили клят-

ву своей личной подписью, она стала самым святым, самым драгоценным документом защитников СТЗ.

Клятва И. В. Сталину была распространена среди всех частей и стала клятвой дивизии, еще крепче сплотив ряды бойцов вокруг большевистской партии, удесятерив их стойкость в борьбе.

Первыми в выполнении клятвы были коммунисты. Партийные организации обеспечили передовую роль коммунистов, они были подлинными вожаками масс, не знающими страха в борьбе, служили образцом в выполнении приказов командира, личным примером увлекая за собой в трудную минуту всех бойцов.

Вскоре после принятия клятвы 282-й полк снова получил приказ перейти в наступление, тактической целью которого был опять-таки захват новых, более выгодных рубежей обороны на окраинах Тракторного завода.

Воодушевленные торжественным обещанием товарищу Сталину, подразделения полка решительно контратаковали противника и выбили его с весьма важных позиций.

Бойцы и командиры полка дрались героически, и первым среди героев боев за Тракторный завод был мужественный большевик—батальонный комиссар Карпов. Во время атаки левый фланг одного батальона попал под убийственный огонь немцев и залег. Атака готова была захлебнуться. Задержка в наступлении батальона создавала угрозу вражеского удара во фланг другим подразделениям. Товарищ Карпов сел в танк и направил его на вражеские гнезда. Танк раздавил несколько пулеметов и орудий. Батальон получил возможность подняться и отбросил врага. Но мужественный большевик не дождался победы: немецкий снаряд угодил в танк—и Карпов погиб.

Упорные бои на окраинах СТЗ подтвердили, что крепко сколоченная, хорошо обученная часть, твердо знающая свои тактические задачи, воспитанная в духе стойкости, может в обороне не только успешно противостоять многократно превосходящим силам противника, но и наносить ему большой урон.

Эти бои подтвердили также большое значение участия в обороне населенного пункта рабочих батальонов. Умелое взаимодействие их с кадровыми частями, отличное знание обороняемой местности и высокое сознание долга играли первостепенную роль в борьбе с прорвавшимися к городу немецкими мотомехчастями.

III

Встретив жестокое сопротивление в районе Тракторного завода, немцы стали искать слабые места в нашей обороне для новых ударов. Удары эти наносились сразу в трех направлениях — на северных, западных и южных подступах к городу. Как и в первом наступлении на СТЗ, немцы пытались разрезать наши боевые порядки узкими коридорами и выйти на пути сообщения в тылу нашей обороны. Этому предшествовала длительная массированная «обработка» города бомбардировочной авиацией.

В передовые колонны противник включил кроме танковых и механизированных соединений солидное количество минометов (в том числе шестиствольных), противотанковую артиллерию и саперные части. Пехота была до предела насыщена автоматическим оружием.

Левым флангом немцам удалось выйти к Волге, занять деревню Латошинку и поселок Рынок, а правым флангом достигнуть рубежей на ближних подступах к городу с юга.

В эти дни 71-я пехотная и 24-я танковая дивизии противника после прорыва нашего фронта на рубеже Цыбенко — Гавриловка вышли к Сталинграду с запада, нанося удар в направлении Ежовка—Опытная станция—река Царица против полка, которым командовал майор Г. Савчук.

295-я немецкая пехотная дивизия наносила удар в направлении Городище против отряда курсантов. Такое соотношение сил—две пехотных и одна танковая дивизии против одного полка и отряда курсантов — показывает, какой бешеный натиск врага приходилось выдерживать обороняющимся частям. Немцы не жалели сил, рассчитывая многократным превосходством в людях и в танках сокрушить нашу оборону.

Как правило, атаки противника начинались бомбежкой с воздуха, затем шли танки, на них или следом за ними автоматчики и пехота в сопровождении легких орудий, находившихся непосредственно в боевых порядках наступающих.

Заняв отдельные каменные дома, немцы быстро укрепляли их по этажам, начиная с подвальных помещений. Станковые пулеметы, минометы втаскивали на 2—3-й этажи, но прицельного огня вели мало, стреляя больше по площадям.

Героические курсанты отбили атаку врага на обороняемом участке и удержали свои позиции.

Особенно яростные бои развернулись на фронте полка майора Савчука. Полку было приказано удержать район обороны любой ценой. Успех немцев у Опытной станции дал бы им возможность глубоко вклиниться в наши боевые порядки и поставил бы части дивизии в критическое положение. От стойкости полка в значительной мере зависел ход всей дальнейшей борьбы.

Мужественные бойцы, командиры и политработники полка с честью справились с возложенной на них сложной задачей, продемонстрировали образец выполнения приказа командования. Отбив яростные атаки танков и пехоты противника, полк в четырехдневных боях, неоднократно контратакуя, измотал части 71-й немецкой дивизии и затем, получив усиление одним батальоном и рабочим отрядом, перешел в наступление. Овладев важной высотой и скатами другой высоты, полк отбросил врага на запад. 71-я дивизия противника была настолько обескровлена в этих боях, что немецкое командование было вынуждено спешно отвести ее в тыл.

Значительный тактический интерес представляют контратаки 2-го батальона. На позиции батальона наступал полк вражеской пехоты совместно с танками. Потеряв в этом районе до 700 солдат и офицеров убитыми, немцы ослабили нажим, на время перешли к обороне и начали подтягивать в районе Ежовка—Поляковка свои резервы.

Чтобы упредить врага, подразделения 2-го батальона совместно с соседом справа перешли в контратаку. Завязался кровопролитный бой. Немцы не смогли сдержать наши подразделения и были вынуждены отступить.

Упорный, кровопролитный характер носил бой на правом фланге батальона, где оборонялась 4-я рота. Сюда немцы бросили большое количество пехоты и танков. Под прикрытием авиации, минометного и артиллерийского огня противнику удалось сосредоточить большие силы в балке Гнусина и в лощине перед передним краем обороны роты. Враг попытался ударом во фланг занять Опытную станцию. Командир роты лейтенант Кайгородов энергичной контратакой одного взвода отбросил противника. Решающее значение сыграл в контратаке штыковой удар. Лишь одно отделение младшего сержанта Гончарова уничтожило до двух десятков гитлеровцев, а сам Гончаров заколол штыком 7 фашистов. Немцы от-

катились, но затем большую часть своих сил бросили на правый фланг роты и в стыки подразделений.

В этот момент сосед взвода Гончарова—6-я рота—перешел в контратаку. Рота была поддержана огнем пулеметов. Совместно с 6-й ротой в контратаку пошел правофланговый взвод 4-й роты; задержав противника и нанеся ему большой урон, 4-я рота дала возможность развернуться 6-й роте, нанесшей стремительный удар по врагу. Таким образом, до батальона фашистов, накопившихся в балке Гнусина и стремившихся в центр города, было разгромлено.

6-я рота под командованием лейтенанта Волкова выбила немцев из 4 дзотов, захватила 10 станковых и ручных пулеметов и 17 пленных, истребила до 300 гитлеровцев.

Немцы вынуждены были отказаться от попытки нанести удар в этом месте, направив свои силы в стык между 2 и 3 батальоном. В тыл к нам стали просачиваться вражеские автоматчики. План врага — расчленить, окружить и уничтожить наши подразделения был опять сорван дерзкими контратаками. Только в течение двух дней 8 раз переходили в контратаку бойцы майора Савчука, отбрасывая врага на исходные рубежи.

В боях за Опытную станцию, под огнем мужали бойцы, командиры и политработники полка, проявляя доблесть и геройство, присущие нашему народу.

Первым среди героев полка и всей дивизии мы славим красноармейца Алексея Егоровича Ващенко. Участвуя в наступлении роты, он увлекал своим бесстрашием бойцов, атакующих дзоты. Огонь немецкого пулемета остановил наступающих. С возгласом: «За Родину! За Сталина!» Ващенко ринулся вперед и грудью закрыл амбразуру дзота. Вражеский пулемет захлебнулся.

Пожертвовав жизнью, герой спас жизни своих боевых товарищей и дал роте возможность развить успех атаки. Алексей Ващенко посмертно награжден орденом Ленина.

Стойкость и мужество проявил личный состав полка, равно как и других частей в борьбе с немецкими танками. Упорная учеба, проводившаяся до периода боев, принесла плоды. Бойцы и командиры смело вступили в единоборство с закованным в броню врагом, подразделения многократно отбивали атаки десятков танков.

Во время боев у Опытной станции против обороны 3-го

батальона немцы бросили 37 танков и свыше батальона пехоты. Только на участке 9-й роты шло 18 танков. Наступление врага поддерживалось авиабомбежкой и минометными батареями. В первых рядах сражающихся находились батальонный комиссар Иван Щербина и его помощник по комсомольской работе младший политрук Дмитрий Яковлев. Их бесстрашие воодушевляло бойцов.

Огнем противотанковых ружей, гранатами и бутылками с горючей смесью было подбито 6 танков, но остальным удалось прорваться в расположение нашей обороны; создалось весьма критическое положение. Решали буквально секунды. Большинство бойцов роты впервые участвовало в таком ожесточенном бою, но они не дрогнули. Танки врага пошли на окопы. В этот момент Дмитрий Яковлев схватил две противотанковые гранаты и бросился под фашистский танк, взорвав себя вместе с машиной. Бессмертный подвиг комсомольца послужил боевым сигналом. Рота поднялась, ринулась в контратаку и разгромила следовавшую за танками немецкую пехоту.

На другом участке обороны полка танки противника прорвались к мосту трамвайной линии и прямой наводкой били по нашему переднему краю. Продвижение танков остановил ефрейтор Шиндин, подбив из противотанкового ружья две машины.

IV

Когда части Красной Армии вышли к ближним подступам Сталинграда, дивизия заняла оборонительный рубеж по окраинам города.

Бои за город разгорались с новой, день ото дня нарастающей силой. Пехотная дивизия и мотодивизия противника, прорвавшись к Волге южнее Сталинграда, ударили по южной части города (Ельшанка, пригород Мишино), оборонявшейся другим нашим полком. В ходе боев в его район вышли и участвовали в боях немногочисленные подразделения соседних частей.

Одиннадцать дней в условиях массированной бомбардировки и артиллерийского и минометного обстрела полк отражал непрерывные атаки превосходящих сил противника, неоднократно переходя в контратаки. Отдельные части пригорода по несколько раз переходили из рук в руки и остались в конечном счете за нашими подразделениями.

В этих упорных боях немецким дивизиям были нанесены чрезвычайно большие потери. Активной обороной полк противодействовал проникновению противника в южную часть города и обеспечил выход в город частей Красной Армии. Тяжелы были потери полка, но он нанес врагу во много раз больший урон. 3500 истребленных солдат и офицеров, 11 минометных батарей, 30 пулеметов, около 900 винтовок, 4 танка уничтожили подразделения полка.

С 9-го сентября бои шли почти на всем фронте полка. Особого ожесточения они достигли в районе, где противник силой до батальона пехоты и 8 танков наступал в стык между 7-й и 8-й ротами. Ценою больших потерь — только убитыми немцы потеряли до 250 человек — им удалось проникнуть в тыл 7-й роте.

На другой день противник силою до двух батальонов устремился по балке на правый фланг 9-й роты. Предварительно с рассвета в течение 6 часов передний край обороны бомбила вражеская авиация. Сблизившись, противник начал забрасывать окопы роты гранатами и перешел в атаку, но атака была сорвана сильным огнем наших бойцов и командиров. Трижды немцы переходили в атаку, но безрезультатно. Бой утих только к вечеру. Подступы к обороне 9-й роты были устланы трупами немецких солдат и офицеров.

Бойцы, командиры и политработники полка бились, не жалея жизни, стойко перенося все тяготы боевой обстановки, честно выполняя воинскую присягу. В боях особенно отличился пулеметный взвод 1-го батальона. Пулеметчикам было приказано поддержать своим огнем 3-ю роту, перешедшую в контратаку в южной части города. Выдвинувшись вдоль балки, взвод комсомольца Чуйко открыл по немцам уничтожающий огонь. Только тов. Чуйко из своего станкового пулемета уничтожил до восьми десятков гитлеровцев, а всего его пулеметный взвод в этом бою истребил около 150 солдат и офицеров. Немцы дрогнули, и рота штыковым ударом выбила их из окопов.

Несмотря на огромное численное превосходство в живой силе и особенно в танках, немцам однако не удалось достигнуть на участках Опытной станции и южной окраины города решающих успехов. Командование полков до предела использовало свои силы и средства. Умелым маневрированием, огнем и движением, дерзкими контратаками наши подразделения

упреждали действия противника, мешали сосредоточению его резервов, выиграв время, необходимое для подтягивания резервов Красной Армии.

V

Одновременно с наступлением на южной окраине города немцы бросили весьма крупные силы в районе Гумрак — Разгуляевка против одного нашего полка. Полк вел длительные, упорные бои, среди которых выделяется активная оборона подступов к поселкам завода «Красный Октябрь».

С середины сентября перед фронтом этого полка создалась следующая обстановка: части трех пехотных дивизий противника сосредоточились за так называемым Историческим валом и в районах разъезда Разгуляевка и села Городище. Дивизиям противника были приданы танки и авиация. По данным разведки, противник намеревался прорвать линию обороны полка, выйти на Мамаев бугор, а также просочиться через балки в район «Красного Октября».

Командир полка, оценив обстановку, организовал усиленное наблюдение и разведку противника, спецподразделения и рота автоматчиков были приведены в боевую готовность на случай прорыва противника. Политаппарат и штаб полка направили в подразделения своих представителей для доведения обстановки до бойцов и командиров и усиления руководства подразделениями полка.

13 сентября противник активизировал свои действия. В 5 часов утра он открыл сильный артиллерийский и минометный огонь по участкам расположения боевого охранения 2-го и 3-го батальона, а также по всему переднему краю обороны полка. Одновременно группами до 40 самолетов противник начал бомбежку переднего края и тылов.

После артиллерийской подготовки и бомбежки с воздуха наземные силы противника при поддержке 30 танков перешли в наступление. В 7 часов боевое охранение 2-го и 3-го батальонов уже вело бой. Огнем пулеметов, винтовок и противотанковых ружей противник сдерживался до 10 часов. В ходе боя боевыми охранениями было подбито 10 танков и истреблено до 100 немецких солдат и офицеров. Против 3-го батальона противник направил более дивизии пехоты с танками. Первый удар приняла на себя 9-я рота, ей удалось сдерживать противника в течение 11 часов. Героически

сражался старшина роты Гришин. Когда из строя вышел расчет станкового пулемета, Гришин залег у пулемета. Пулемет разбило миной. Гришин перебежал к другому пулемету и продолжал уничтожать врагов, пока вражеская пуля не оборвала его жизнь.

Подтянув резервы, противник приблизился к переднему краю 7-й роты. Бой разгорелся с новой силой. К 16 часам немцы повели наступление на 2-й батальон, подтянув резервы пехоты и танков.

Командир полка ввел в бой новые подразделения и для усиления обороны 2-го батальона направил роту автоматчиков под командованием младшего лейтенанта Любезнова. Рота, выдвинувшись вперед, открыла огонь по наступающей немецкой пехоте. На правом фланге батальона вражеские атаки сдерживал огонь станковых пулеметов младшего лейтенанта Абдульманова. Дважды противник пытался атаковать боевые позиции 2-го батальона, вводя новые резервы, но огнем станковых пулеметов, автоматов и винтовок был отбит.

К вечеру, потеряв два танка и до трехсот солдат и офицеров, противник откатился. 2-й батальон удержал свои позиции.

Одновременно с наступлением против 2-го батальона немцы бросили батальон пехоты на левый фланг 1-го батальона. Удар пришелся на 2-ю роту. Подпустив немцев на близкое расстояние, рота открыла массированный огонь из ручных пулеметов и винтовок, вражеская атака захлебнулась, противник и здесь откатился назад. До наступления темноты немецкий батальон предпринял на 2-ю роту три атаки, но продвинуться не сумел.

Ночью с 13 на 14 сентября немцы выбросили в тыл 2-го батальона на автомашинах группу автоматчиков, одновременно поведя наступление с фронта.

Командир батальона капитан Шевченко приказал 5-й роте сдерживать наступающего противника с фронта, а младшему лейтенанту Абдульманову огнем станковых пулеметов прикрывать левый фланг. Сам же капитан Шевченко создал группу из командиров штаба и отделения тыла и вышел на ликвидацию немецких автоматчиков, проникших в тыл батальона. Группа автоматчиков была окружена и в коротком жарком бою полностью истреблена.

Немало находчивости, стойкости и мужества проявили в этих боях бойцы, командиры и политработники полка.

Исключительно бесстрашно и хладнокровно воевал в эти дни командир пулеметного взвода, верный сын татарского народа, младший лейтенант Фатих Абдульманов, прикрывавший своим взводом правый фланг 2-го батальона. Подпустив врага почти вплотную, он открыл кинжальный огонь из станковых пулеметов, привел врага в замешательство и обратил в бегство.

Абдульманов отбил две яростные атаки немцев, скосив огнем пулеметов свыше 150 гитлеровцев.

Находчивым командиром, бесстрашным и мужественным воином проявил себя в бою и командир роты автоматчиков младший лейтенант Николай Любезнов. Маневрируя огнем и движением, он не дал возможности немцам прорваться в район обороны 2-го батальона, сковал его и вынудил отойти.

Умелое маневрирование особенно характерно для боевых действий этого полка. Именно это позволило ему малыми силами удерживать важные рубежи, спутывать карты противника и наносить немцам значительный урон. На счету мести полка около 2.700 истребленных немецких солдат и офицеров и 23 уничтоженных танка.

VI

В середине сентября противник, собрав крупные свежие силы—9 пехотных дивизий и до 5 танковых бригад—перешел в наступление против центра и южной части Сталинграда.

Создалось угрожающее положение. В южной части города наступление противника было остановлено развернувшими фронт на запад и юг частями, усиленными рабочим отрядом и сводной ротой управления дивизии.

Навстречу рвущемуся в центр города противнику был брошен полк майора Савчука с некоторыми приданными подразделениями. В уличных боях полк вновь показал образец отваги и стойкости. 15 суток он оборонял центр города, не допустив дальше врага ни на один шаг. Командир полка майор Г. Савчук проявил себя в чрезвычайно сложной обстановке смелым, инициативным и умелым военачальником. Получив ранение, он не покинул командного пункта, продолжая руководить боем, и лишь по приказу командования сдал полк батальонному комиссару Щербине.

В этот тяжелый момент, форсировав Волгу, в центр города вошли части гвардейской дивизии генерал-майора Родимцева, с ходу вступившие в бой с немцами. Разгорелись тяжелые, исключительные по ожесточенности уличные бои за город Сталинград. Люди бились за каждый дом, за улицу, за воронку на улице. На помощь защитникам Сталинграда подходили все новые, свежие части Красной Армии, и враг встречал нарастающее сопротивление.

Богатый опыт приобрели наши части в борьбе за улицы и укрепленные врагом здания. Эти здания — доты — брались штурмовыми группами, в состав которых входили стрелки, саперы, артиллеристы. Помимо стрелкового оружия, штурмовые группы применяли гранаты и бутылки с зажигательной жидкостью.

В обороне зданий большую роль играли умение укреплять их подручными средствами и организация взаимной огневой связи между отдельными очагами обороны.

Стойкость, мужество и упорство в бою, проявленные личным составом, были обеспечены широко поставленной партийно-политической работой. Политотдел, партийно-политический аппарат частей, партийные и комсомольские организации были прочной опорой командования.

На вооружении защитников Сталинграда наряду с первоклассной военной техникой были сила идей, патриотизм, священная, лютая ненависть к врагу, непреклонная воля к победе, воспитанные в советском народе партией Ленина — Сталина.

В боях за Сталинград только частями дивизии истреблено до 15 тысяч немецких солдат и офицеров, уничтожено 113 танков, 8 бронемашин, 6 орудий, 71 станковый пулемет, 67 ручных пулеметов, 51 миномет, 38 автомашин.

Части дивизии научились маневренной тактике, на опыте убедились, как важны активная оборона, умело организованные контратаки, изматывающие и обескровливающие противника.

Правительство и народ высоко оценили боевую работу дивизии по обороне Сталинграда в дни, когда враг наносил по городу первые ожесточенные удары своих танковых и пехотных соединений. Дивизия награждена орденом Ленина, ей присвоено почетное наименование — Сталинградская. Сотни

наших бойцов, командиров, политработников удостоены правительственных наград.

Все части, сражавшиеся в Сталинграде, знают мужественных воинов — майора Савчука, подполковника Кайранова, капитана Шевченко, батальон которого отбивал в день по десятку танковых атак, капитана Кайгородова и многих других.

Мы славим героев - бронебойщиков Чембарова, Круглова, Беляева и Сарафанова. Не дрогнув, они приняли бой с двадцатью немецкими танками.

Мы свято чтим память героев-комсомольцев Ващенко и Яковлева, батальонного комиссара Щербина, погибших в уличных боях.

Мы горды тем, что на нашу долю выпала честь принять и отразить первый удар врага. Мы выполнили свою клятву и торжественно обещаем высоко нести воинскую честь дивизии и приумножить ее боевые традиции. Свой воинский долг в борьбе с врагами отчизны мы выполним до конца.

Командующий Сталинградским фронтом генерал-полковник А. И. Еременко, ныне генерал армии.

М. ВОДОЛАГИН,

Секретарь Сталинградского Обкома ВКП(б) по пропаганде

АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКАЯ РАБОТА В ДНИ ОБОРОНЫ СТАЛИНГРАДА

Сталинград занимает особое место в истории Отечественной войны: под стенами Сталинграда разыгралась величайшая в истории войн битва; поражение немцев под Сталинградом оказало огромное влияние на весь дальнейший ход войны.

Защитники Сталинграда показали, с какой величайшей стойкостью советский народ защищает свою землю в борьбе с сильным и коварным врагом, как велика у нашего народа воля к победе. В летние дни 1942 года, когда враг продвигался вперед и рвался к Волге, трудящиеся Сталинграда многое сделали для подготовки города к обороне. Мужественно отстаивали сталинградцы свой город и в те дни, когда враг подвергал его ожесточенной бомбардировке с воздуха. Всеми силами трудящиеся Сталинграда помогали Красной Армии и тогда, когда бои развернулись в самом городе.

В сплочении трудящихся Сталинграда для помощи Красной Армии и защиты родного города большую роль сыграла агитационно-пропагандистская работа партийных организаций.

В грозные для нашего города дни собрался городской партийный актив. Собрание актива приняло решение: поднять на укрепление обороны Сталинграда всех трудящихся города. Актив потребовал от партийных организаций усилить политическую работу в массах. Каждого руководящего работника, каждого коммуниста партийный актив обязал еще крепче связаться с массами и показывать пример организованности, стойкости, боевого духа.

Решения собрания партийного актива помогли шире развернуть политическую работу в массах. Агитаторы и пропагандисты, ряды которых были значительно пополнены за счет партийного актива, повели активную массово-политическую работу среди трудящихся города.

В содержании агитационно-пропагандистской работы большое место занимало освещение славного прошлого нашего города, его героической обороны в годы гражданской войны.

Участники царицынской эпопеи были привлечены к проведению бесед среди трудящихся. Они призывали защищать Сталинград так же мужественно, как в свое время советские люди защищали Царицын. Великий пример борьбы за Царицын под руководством товарища Сталина вдохновлял трудящихся Сталинграда. Работа агитаторов и пропагандистов помогала сталинградцам воспринять героические традиции обороны родного города и быть до конца верными этим традициям в дни новых тяжелых испытаний.

Мобилизующая сила большевистской агитации и пропаганды использовалась при решении серьезных задач, которые встали перед Сталинградской партийной организацией. Надо было воздвигнуть новые оборонительные рубежи на пути врага, удвоить выпуск продукции для фронта, эвакуировать в тыл население, вывезти из угрожаемых районов машины и запасы продовольствия. Надо было ускорить подготовку резервов для Красной Армии, привести в боевую готовность истребительные батальоны и отряды народного ополчения, усилить противовоздушную оборону города.

В дни защиты города слово агитатора проникало всюду. Обстановка не позволяла проводить больших собраний и митингов. Короткое сообщение о ходе борьбы на фронте, небольшая беседа по злободневному вопросу были наиболее распространенными формами политической работы. Наряду с агитаторами вели разъяснительную работу руководители предприятий и цехов, партийные работники. Мастер, давая задание рабочим, коротко сообщал о положении на фронте и разъяснял, какое значение имеет выполнение заказа для защиты Сталинграда. Политическая агитация охватывала широкие круги трудящихся, вдохновляла их на самоотверженную защиту города. Население быстро откликалось на призывы партийной организации. Рабочие городских предприятий нередко по неделям не выходили из цехов, заказы фронта выполнялись, как правило, досрочно. В суровую пору, когда враг, переправившись через Дон, рвался к Сталинграду, Тракторный завод завоевал своей упорной и организованной работой переходящее Красное Знамя Государственного Комитета Обороны.

Выступления агитаторов перед трудящимися носили конкретный, целеустремленный характер, а главное, подкреплялись примерами мужественного поведения и неустанного труда самих агитаторов. Сформировался новый тип агитатора —

смелого вожака, неутомимого организатора, у которого слово не расходилось с делом. На заводе «Красный Октябрь» такими вожаками-организаторами были агитаторы Лукьянов — начальник мартеновского цеха, стахановцы Добродухин и Ковалева, инженер Сорокин и многие другие. Кипучая политическая работа, развернутая партийной организацией завода «Красный Октябрь», помогла заводскому коллективу не только успешно выполнить план, но и справиться с дополнительными заданиями городского комитета обороны по изготовлению средств обороны для города.

На строительство оборонительных рубежей вышло 150 тысяч сталинградцев. Для проведения политической работы среди них было выделено более двух тысяч коммунистов, в числе которых была группа руководящих областных и городских работников. Наряду с этим было подобрано значительное количество агитаторов из числа трудящихся, работавших на строительстве оборонительных сооружений. Перед агитаторами, работающими на оборонительной трассе, была поставлена задача — показать личный пример в работе и добиться перевыполнения дневных заданий. Агитаторы стали передовиками среди строителей, и это придавало их беседам особую силу воздействия.

Враг неоднократно пытался сорвать оборонительные работы. Немецкие самолеты бомбили районы, где велись работы. Агитаторы, работавшие на трассе, помогали строителям проявлять в этих условиях стойкость и организованность. Однажды на ближний оборонительный рубеж Дзержинского района немцы сбросили около двух десятков бомб. На глазах у строителей двенадцать человек были убиты и шестеро ранены. Некоторые из женщин-строителей растерялись и прекратили было работу. Но агитаторы, работавшие на этом участке, призвали строителей стойко продолжать свое дело. Слова агитаторов возымели свое действие: работа на участке продолжалась.

Облик многих агитаторов приобрел в те дни героические черты. Подлинной героиней обороны Сталинграда стала агитатор Ольга Ковалева, первая в нашей области женщина-сталевар. Перед войной Ковалева не только освоила трудную профессию сталевара, но и неутомимо вела раз'яснительную работу среди женщин, призывая их овладевать мужскими профессиями. С особым напряжением Ковалева работала в дни

войны и повседневно проводила беседы среди женщин-работниц и домохозяек. На заводе, где она работала, стал формироваться боевой рабочий отряд. Ковалева вступила в ряды этого отряда одной из первых. Когда отряду, занявшему оборону недалеко от завода, было приказано итти в атаку, первой встала Ольга Ковалева, и ее возглас: «Вперед, за Сталинград!» поднял весь отряд. В ожесточенном бою отряд нанес немцам серьезный урон и заставил врага приостановить свое наступление. В этом бою агитатор-боец Ольга Ковалева пала смертью храбрых, отдав жизнь за Родину, за Сталинград.

Наряду с широко развернутой агитацией, принявшей боевой оперативный характер, партийные организации в условиях напряженной подготовки города к обороне вели и лекционную работу. Использованы были все наши лекторские кадры. Неоднократно повторялась лекция на тему: «Героическая оборона Царицына под руководством товарища Сталина в 1918 году». Читались лекции на темы: «Текущий момент и задачи обороны Сталинграда», «Зверства гитлеровцев во временно захваченных районах Сталинградской области», «Что несет фашизм рабочему и крестьянину» и другие. Лекции устраивались на предприятиях, в воинских частях, в прифронтовых районах.

В лекционной работе большое внимание уделялось также обслуживанию воинских частей, прибывающих на сталинградский участок фронта. Вместе с армейскими политработниками наши лекторы, в числе которых был ряд руководящих работников области и города, выступали перед бойцами в свободные часы, нередко — во время привалов. Лекторы рассказывали о значении обороны Сталинграда, о том, какую помощь оказывает страна защитникам города, призывали бойцов и командиров отстоять Сталинград.

Активную лекционную работу вели лекторы обкома ВКП(б) профессор Ильинский, тт. Павленко, Старков, Карпова, секретари райкомов тт. Приходько, Одиноков, Бабкин, Ткаченко и другие; часто выступал перед бойцами и трудящимися города секретарь обкома ВКП(б), председатель городского комитета обороны тов. Чуянов.

Организация агитационно пропагандистской работы была тесно связана с возникавшими каждый день новыми задачами подготовки города к обороне. Мы направляли силы агитаторов и пропагандистов туда, где в каждый данный момент решалась одна из очередных задач обороны города.

С целью обучения населения делу противовоздушной и противохимической обороны в городе были созданы группы самозащиты. Они насчитывали в своих рядах многие тысячи человек и охватывали более половины населения города. Мы развернули в группах самозащиты массово-политическую работу. В каждой группе был выделен постоянный агитатор. Были созданы агитколлективы, объединившие этих агитаторов. Политическая работа в группах самозащиты показала свою силу в период обороны города. Даже в дни наиболее ожесточенных налетов вражеской авиации группы самозащиты действовали отважно и в городе не было ни паники, ни растерянности. В условиях непрерывной бомбардировки с воздуха тысячи сталинградцев возводили на улицах баррикады, помогали оборудовать огневые точки и т. д.

Когда линия фронта прошла в черте города и самый город был уже полуразрушен от непрерывной бомбардировки с воздуха и артиллерийского обстрела, агитаторы приняли деятельное участие в создании новых боевых отрядов сталинградцев. На заводе «Красный Октябрь», где была хорошо налажена политическая работа, в течение нескольких часов сформировался второй рабочий батальон.

Защитники Сталинграда дрались с врагом на улицах города, отстаивая каждый камень, каждый вершок земли. Многие из агитаторов непосредственно помогали воинским частям, вели разведку, ибо хорошо знали местность и могли доставлять командованию частей ценные сведения. Агитаторы выступили зачинателями и организаторами помощи населения бойцам Красной Армии. Во главе с отважными агитаторами группы подростков и женщин подносили бойцам воду, боеприпасы. В подвалах многих домов, расположенных неподалеку от передовой линии, были созданы пункты первой медицинской помощи, которые обслуживались жителями города, преимущественно женщинами. Нередко женщины и подростки приносили бойцам в окопы свежий хлеб, белье, табак. Организуя сбор этих подарков, агитаторы помогали трудящимся писать небольшие письма защитникам Сталинграда. Эти письма вкладывались в маленькие посылки. Бойцы, читая их, чувствовали, что разрушенный и окутанный дымом город, живет, борется и проявляет огромную заботу о своих защитниках. Коротенькая записка, написанная карандашом на обрывке бумаги, ходила по рукам бойцов и вливала в них новые силы, укрепляла решимость стоять насмерть в борьбе за город Сталина.

Печатная пропаганда приобрела в дни обороны города особое значение. Газета повседневно связывала партийную организацию города с населением. Усилиями работников типографии и редакции была обеспечена непрерывность выхода газеты. «Сталинградская правда» продолжала выходить в осажденном городе. Ее формат и тираж сократились, она набиралась вручную и печаталась в небольших типографиях. Специальные нарочные доставляли газету во все районы города, на предприятия, на переправы. Комсомолки разносили газету по бомбоубежищам.

«Ляжем костьми, но не сдадим Сталинграда!», «Разобьем врага на подступах к Сталинграду!» — эти призывы звучали со страниц «Сталинградской правды». С огромным интересом читалась газета в городе, где кипел бой, она передавалась из рук в руки, поднимала боевой дух защитников Сталинграда.

В течение всего периода сталинградской битвы непрерывно издавались листовки. Общий тираж их превысил 500 тысяч экземпляров. На каждое событие партийная организация города откликалась листовкой. Листовки призывали: «Все на строительство баррикад!», «Все, кто способен носить оружие, на баррикады, на защиту родного города, родного дома!», «Родина от нас требует—отбить наступление немцев на Сталинград. Поклянемся матери-отчизне, что отстоим Сталинград, отстоим, чего бы это нам ни стоило!» Листовки раскрывали звериный облик врага, разоблачали его провокаторские ухищрения; они явились острым оружием в борьбе за Сталинград.

Когда Красная Армия перешла в наступление, листовки разносили боевые лозунги, призывавшие мстить врагу за разрушенный город, за муки наших людей. Заголовки листовок говорили: «Сталинград наступает!», «Вперед, герои Сталинграда!», «Кровь погибших детей зовет к мщению!» и т. д. Листовки призывали трудящихся области с новым напряжением работать для фронта и давать наступающим частям Красной Армии все необходимое для разгрома врага.

В дни обороны Сталинграда широко была использована наглядная агитация. Щиты с лозунгами были установлены вдоль дорог, у переправ. Лозунги призывали: «Отстоим Сталинград—славную волжскую твердыню!», «Бей немцев по-сталинградски — насмерть!», «Дадим защитникам Сталинграда все нужное для победы!». В черте города лозунги писались прямо на стенах домов, на заборах. В ряде мест на прифрон-

товых дорогах, а также в населенных пунктах возле Сталинграда были установлены витрины с портретами героев Сталинградской обороны.

Получаемые нами политические брошюры и журналы продвигались в районы боев. Бойцы и оставшееся в городе население читали новинки политической литературы, узнавали из статей и брошюр о международных событиях, о том, как живет страна, глубже понимали огромное значение битвы за Сталинград.

* * *

Под Сталинградом немецким захватчикам был нанесен сокрушительный удар: две отборные армии немцев были окружены и ликвидированы. Красная Армия могучим ударом отбросила врага от берегов Волги далеко на запад. В боях за город Сталина Красная Армия покрыла свои знамена неувядаемой славой.

Победы Красной Армии вызвали величайший подъем среди трудящихся Сталинграда. Закрепить этот подъем и направить его на дело восстановления города, на усиление помощи Красной Армии — такова новая задача агитационно-пропагандистской работы сталинградской партийной организации. На выполнение этой задачи и направлены сейчас силы наших пропагандистов и агитаторов.

П. ДОРОНИН,
бригадный комиссар

СРАЖАЮТСЯ БОЛЬШЕВИКИ-СТАЛИНГРАДЦЫ

Сталинград! Здесь в юные годы нашей республики молодая Красная Армия под руководством товарища Сталина нанесла решающие удары белогвардейщине, утвердив незыблемость советского строя. Здесь, в годы первой сталинской пятилетки родился чудесный первенец социалистической индустриализации — Сталинградский тракторный завод. Здесь, в степи, на берегу красавицы Волги, советские люди за 25 лет упорно строили и построили новый город с его заводами, фабриками, школами, институтами, дворцами культурных учреждений, с благоустроенными улицами огромных красивых домов, город, которым мы гордились, как мать гордится доб-

рым сыном, город, который мы любили как дети любят мать.

И вот немецкие орды ворвались на окраины этого города. Огнем своей артиллерии, смертоносными бомбами своих самолетов они разрушили и сожгли, превратили в безобразные развалины, в груды кирпича и угля многое из того, что мы создали, чем мы гордились, что с такой тщательностью хранили и берегли.

Сталинград! К этому имени сейчас прикованы мысли и чувства всех советских людей, всего прогрессивного человечества, всех, кто любит свободу, всех, кто ненавидит фашизм. Здесь, на Волге, в солончаковых степях, окружающих город, на окраинах самого города ведется сейчас крупнейшая из всех битв, какие только знала история. Битва ожесточенная, кровопролитная, битва не на жизнь, а на смерть.

Сталинград! Это слово с одинаковой жадностью ловим мы в радиопередаче, ищем по утрам в газетах, всем сердцем, радуясь каждой победе наших войск, всей душой переживая каждую военную неудачу. И защитники Сталинграда — бойцы, командиры, политработники — отлично знают это, знают, какая почетная задача возложена на них, какую ответственность они несут за успех исхода этой исторической битвы, и они дерутся самоотверженно, яростно, упорно, жестоко, отстаивая каждый клочок земли, каждое окно в разрушенном доме. В авангарде этой поистине титанической борьбы защитников Сталинграда идут армейские большевики, которых всегда можно видеть на самых ответственных и самых опасных участках боя, там, где решается вопрос победы, где нужно особое мужество и отвага.

Умереть, но не отступать! Отстоять город Сталина во что бы то ни стало! — вот лозунг, с которым идут в бой армейские коммунисты. И каждый день борьбы на сталинградских улицах выдвигает десятки и сотни замечательных героев.

Недавно в бою на окраине города, неподалеку от окопа, в котором сидело отделение бойцов под командованием тов. Котляра, разорвалась мина. Котляр упал, раненый в голову и руку. Но, когда к нему подползли бойцы, чтобы отнести на медпункт, он собрал всю свою волю и заставил себя подняться на ноги.

— Я коммунист, понимаете. Я не уйду из боя, пока вот эта здоровая рука еще может держать винтовку.

И он продолжал сражаться во главе своего отделения. Иногда от потери крови он начинал терять сознание. Тогда он закусывал губу, мобилизовывал все свои силы и продолжал командовать отделением, стрелять, бросать гранаты. Он бился, пока немцы не откатились прочь. Когда товарищи, прибежавшие потом к нему в госпиталь, назвали его героем, он даже удивился:

— Какой же я герой? Я коммунист, и, кроме того, все мы — сталинградцы.

Сталинградец! Этим названием гордится каждый партийный и непартийный большевик, защищающий исторический город. И украинский коммунист, красноармеец минометчик Недоля, погромивший не один десяток немцев, и молодой коммунист, сын Армении гвардии сержант Хачатуров, который ночью под огнем врага извлек 142 мины и расчистил путь своей атакующей части, и волжанин гвардии красноармеец Иван Степанович Бёзус, который с горсткой своих товарищей оборонял целую улицу от наступающих немцев и лично уничтожил при этом 11 немецких солдат, и летчик Гультяев, сбивший в боях последних дней 10 немецких самолетов. — все они с гордостью называют себя сталинградцами. Все они заслужили это гордое имя.

Но сила армейских большевиков-сталинградцев не только в личном их героизме и личном подвиге. Сила их — в большевистском примере, сила их в том, что они, показывая образцы бесстрашия, мужества и непоколебимой стойкости, ведут за собой беспартийных бойцов, сплачивают их для борьбы. На-днях одна из танковых частей, дерущихся под Сталинградом, отметила год со дня своей организации. Часть показала себя замечательно в боях за Сталинград. Ко дню юбилея в ней уже было 60 орденоносцев, 450 бойцов, командиров и политработников представлены к правительственной награде. Полтысячи героев отечественной войны в одной только части! Разве это не показатель того, что героизм защитников Сталинграда становится массовым!

И характерно, что наиболее выдающиеся герои части — большевики. Экипаж коммуниста лейтенанта Иванова имеет на своем счету 18 подбитых и сожженных немецких танков. Экипаж парторга части младшего лейтенанта Луганского сжег 15 немецких танков, уничтожил 14 пушек, смел с лица земли огнем своих орудий и пулемета 240 немцев. А всего эта часть за 42 дня боев за Сталинград уничтожила 289 немец-

ких танков, 144 пушки, много пулеметов, минометов и автомашин с пехотой.

Сейчас армейские коммунисты-сталинградцы и умным большевистским доходчивым словом, и делом, и личной отвагой, и подвигами, — всей своей жизнью учат бойцов непоколебимой стойкости, боевому упорству, учат искусству намертво держать рубежи — улицы, переулки и площади исторического города. Примером такой стойкости может быть коммунист младший лейтенант Калашников, командир взвода автоматчиков.

На участок, обороняемый его взводом, наступали две роты немцев. С тыла их наступление поддерживалось минометами. Калашников приказал своим бойцам подпустить немцев как можно ближе, а потом шквалом автоматического огня остановить их. И немцы не выдержали, они побежали назад, теряя десятки людей. Утром следующего дня они повторили атаку. Теперь их было уже 500; они наступали густыми цепями, ведя шквальный огонь. Один за другим выбывали из строя защитники окопа. Их осталось только 11, но эти одиннадцать были сталинградцами, и во главе их стоял настоящий коммунист. В трудную минуту боя Калашников подбодрял товарищей:

— Помните, ребята, мы сражаемся на улицах Сталинграда. Мы — сталинградцы!

И они продолжали сражаться. Они снова отогнали врага. Тогда, чтобы сломить упорство этой маленькой горсточки людей, разъяренные немцы обрушили на участок Калашникова шквальный артиллерийский огонь и 40 бомбардировщиков. Позиция была буквально перепахана бомбами. Казалось, ничего не могло остаться на этой мертвой земле. И все же, когда немцы снова бросились в атаку, их встречали залпы автоматов. Стреляли раненые, стрелял каждый защитник окопа, все, у кого еще хватало силы нажать спусковой крючек. И когда на помощь храбрецам подошла наша часть, улица перед окопом представляла кладбище немецких трупов.

Навсегда в памяти советского народа останется подвиг группы гвардейцев - бронебойщиков под командованием гвардии политрука тов. Герасимова. Они охраняли позицию на склоне кургана, с которого открывался вид на Сталинград. Эту группу атаковали 20 немецких танков. Гвардейцы обрушили на них град пуль из своих ружей. Несколько танков запылали, остальные машины открыли ураганный огонь по

кургану. Некоторых бронебойщиков ранило, но их ружья взяли другие. Упорством людей было сломлено упорство немецких танков. Немцы отступили, оставив на подступах к кургану 12 подбитых и сгоревших машин. Отбив атаку, гвардейцы бережно, с величайшей нежностью и заботой, отнесли в санчасть своего раненого политрука Герасимова.

Подвиги армейских большевиков в боях под Сталинградом поднимают их авторитет. Стать коммунистом, бороться коммунистом — стало заветной мечтой каждого защитника Сталинграда. Вот почему сейчас в дни величайшей боевой страды, изо дня в день растет тяга бойцов в партию. Перед решающим боем десятки людей заявляют о своем желании итти в бой коммунистами. Вот одно из таких заявлений, написанное бойцом Ляховым за несколько минут перед атакой:

«Третий раз получен приказ наступать на раз'езд. Сейчас разъезд возьмем или умрем. Передайте товарищу Сталину, что, не щадя жизни, отдам ее за дело Сталина и ничуть не пожалею. Если бы я имел пять жизней, то без колебаний все пять отдал бы за него. Такой он для меня дорогой человек.

Донбасский пролетарий *Ляхов*".

За 28 дней сентября, по далеко еще неполным данным, в одном только энском соединении, сражающемся под Сталинградом, принято в партию 1.265 человек. Это — лучшие из сталинградцев, герои исторической обороны. Среди них — командир орудия гвардеец Филоненко, уничтоживший в последних боях 8 немецких танков, 7 орудий, 47 автомашин, до роты немецкой пехоты. Вслед за Филоненко в партию вступил весь расчет его орудия. Такими людьми, как Филоненко обогащается наша партия в дни борьбы за исторический город.

Каждый из нас, защитников Сталинграда, ощущает, как с каждым днем непрерывно растет напряжение и ожесточение боев. Не жалея ни людей, ни техники, бросая в бой новые части, немцы лезут вперед. Всюду их наступление встречается стойкостью и героизмом защитников города.

— Мы — сталинградцы! — говорят о себе те, кто защищает сейчас город Сталина.

Это звучит так же гордо, как в дни гражданской войны звучало: «Мы — царицынцы!». Защитники великого города, стражая сейчас у его стен нашествие гитлеровских орд,

вполне достойны своих отцов — героев обороны Царицына, которые под руководством товарища Сталина сокрушили у стен города белогвардейские банды и этим самым выиграли решающую битву гражданской войны.

Б. ПОЛЕВОЙ

ЗА ВОЛГУ-МАТУШКУ

Здесь, на развороченной бомбами Набережной, в разрушенном, сожженном немцами и все же величественном Сталинграде, на окраинных улицах и в переулках которого идет сейчас яростное сражение, мне ярко вспомнился разговор, слышанный на-днях в сотнях километров отсюда, тоже на Волге, в другом, тоже разрушенном и изувеченном немцами городе, который дом за домом, квартал за кварталом вырывали у врага наши бойцы.

Этот разговор произошел ночью под аккомпанемент густой канонады в станционном подвале, превращенном в блиндаж. Тут отдыхали танкисты, славные коренастые ребята в масляных комбинезонах и черных ребристых шлемах. Разговор шел о Волге, к которой в этот день, стремительной атакой смяв вражескую оборону, вырвалась их часть. Все они были из дальних краев — украинцы, сибиряки, кавказцы, и тут все о ней говорили очень тепло, и все завидовали мотористу Гудиашвили, который достигнув волжского берега, выскочил из танка, под пулями немецких автоматчиков сбежал к реке, зачерпнул котелок и напоил свой разгоряченный в бою экипаж прекрасной волжской водой. Танкисты жадно пили эту волжскую воду, как пили воду из боевых шеломов древние витязи, достигнув, наконец, берегов родной реки.

И вот кто-то из них произнес слово: Сталинград. Все сразу оживились. Огоньки папирос сдвинулись в тесный круг. Никто из них в Сталинграде не был, но говорили о нем с любовью, точно в нем они родились, выросли, провели лучшие свои годы.

Потом вдруг все смолкли, задумались. Брезжил рассвет. И Гудиашвили подумал вслух:

— А все-таки Сталинград устоит!

Кто-то из темного угла блиндажа ответил молодым страстным голосом:

— Не сдадут, не должны, нельзя его сдать!

И вот маленький город волжского верховья далеко позади. Перед глазами широкая волжская гладь, прорезанная продолговатыми, ржавыми от осенней листвы островами. Перед глазами разрушенный немецкими бомбами и снарядами, окутанный дымом негаснущих пожарищ Сталинград. Перед глазами город-баррикада, город-боец, город-герой. Волжский ветер гонит по изрытым снарядами улицам серый пепел. Осколки разбитых стекол звенят, высыпаются от звука непрерывных разрывов. Но город стоит мужественный и непоколебимый. Его можно разрушить, но его нельзя взять.

Два месяца тому назад Красная Армия, отряд моряков Волжской флотилии, вооруженные сталинградские металлисты дали немецким ордам первый бой под стенами города. Два месяца продолжается эта беспримерная в истории войн великая битва за город. Она не прекращается ни на минуту, ни днем, ни ночью. Напряжение и масштабы ее возрастают с каждым днем. В бой введены сотни тысяч людей, тысячи орудий, танков, самолетов. Над городом непрерывно идут воздушные бои, которые можно иной раз наблюдать одновременно в трех - четырех местах. Немцы маневрируют. То тут, то там собирая свои части в ударные кулаки, они достигают этим самым подавляющего численного превосходства в силах на определенном участке и обрушиваются на отдельные звенья сталинградской обороны. Но всюду они натыкаются на стену и, получив кровавый отпор, откатываются, не успевая утащить с собой десятки и сотни трупов, остающихся на улицах и площадях после каждой отбитой немецкой атаки. Продвижение немцев на отдельных участках измеряется десятками метров, потери — тысячами человек.

Не жалея, немцы бросают в бой новые и новые дивизии. Защитники Сталинграда встречают в боях части, стоявшие во Франции, в Бельгии, в Голландии, в Греции и на Крите. Они бьют и эти части со страстью, неистово и ожесточенно.

Немецкий офицер обер-лейтенант Гуго Вейпер, убитый третьего дня при атаке одной из баррикад в заводском поселке, 3 октября записал в своей полевой книжке:

«Мы и раньше слишком хорошо знали дьявольское упорство русских, которое они проявляют в бою, если этого захотят. Но такого упорства от них все же не ожидали. Это оказалось для нас слишком неприятным сюрпризом. До сих

пор нам не удалось поднять бокал за Волгу, который Отто хотел выпить еще в августе на волжском берегу. Нет уже ни Отто, ни Курта, ни Эриста, ни Зиделя, никого из «стаи неистовых», их зарыли где-то здесь, в этой каменной земле, даже не знаю, зарыли ли, потому что нам сейчас не до покойников. Вчера русские снайперы подстрелили нашего командира. Улица была под таким огнем, что, когда мы выносили его тело, было ранено еще три солдата и убит ефрейтор. Наш полк тает, как кусок сахара в кипятке. Этот город — какая-то адская мясорубка, в которой перемалываются наши части. Запах разложившегося мяса и крови преследует меня. Я не могу есть и спать. Меня рвет от этого проклятого города. Боже, зачем ты отвернулся от нас?».

День и ночь вертится «адская мясорубка», в которой перемалываются немецкие части. Защитники Сталинграда не тратят даром снарядов и пуль. Напряжение боев нарастает.

В километре от города, врывшись глубоко в сухую глинистую землю, на пологом скате древнего степного кургана сидит в блиндажах отряд морской пехоты под командованием орденоносца лейтенанта Горшкова. 3 октября исполнился месяц, как отряд держит высоту. Моряки точно вросли в эту глинистую неласковую землю. Ни танковые атаки, ни нападения целых полков немецкой пехоты, ни постоянный, почти непрерывный артиллерийский обстрел, ни налеты дюжин самолетов не смогли оторвать их от этого кургана и лишить их бодрости духа.

...В минуту затишья краснофлотец Егоров снимает каску, достает из-за пазухи родную свою бескозырку с ленточками, надевает ее на выгоревшие, белые от солнца вихры и поет высоким приятным тенорком:

...Волга-Волга, мать родная,
Волга, русская река...

Пел он в этот вечер и вдруг стал серьезным. Пристально вглядываясь в степь, он тихо отложил балалайку, взял винтовку, поднял ее и начал по-охотничьи целиться. Грянул выстрел. Ваня улыбнулся и поставил на приклад винтовки еще одну зарубку — тридцать вторую по счету. Поставил и сказал:

— Этот немец не дошел... Много их еще. Ну, ничего, и других не пустим.

И мне снова вспомнился разговор танкистов в верхневолжском городке на заре перед атакой.

К. СИМОНОВ

ДНИ И НОЧИ

Тот, кто был здесь, никогда этого не забудет. Когда через много лет мы начнем вспоминать и наши уста произнесут слово «война», то перед глазами встанет Сталинград, вспышки ракет и зарево пожарищ, в ушах снова возникнет тяжелый, бесконечный грохот бомбежки. Мы почуем удушливый запах гари, услышим звенящее громыхание перегревшегося кровельного железа.

Немцы осаждают Сталинград. Но когда здесь говорят «Сталинград», то под этим словом понимают не центр города, не Ленинскую улицу, и даже не его окраины, — под этим понимают всю огромную, 65-километровую полосу вдоль Волги, весь город с его предместьями, с заводскими площадками, с рабочими городками. Это — много городков, создавших один город, который опоясал собой целую излучину Волги. Но этот город уже не тот, каким мы видели его с волжских пароходов. В нем нет поднимающихся веселой толпой в гору белых домов, нет легких волжских пристаней, нет набережных с бегущими вдоль Волги рядами купален, киосков, домиков. Теперь это город дымный и серый, над которым день и ночь пляшет огонь и вьется пепел. Это город — солдат, опаленный в бою, с твердынями самодельных бастионов, с казнями героических развалин.

И Волга под Сталинградом — это не та Волга, которую мы видели когда-то, с глубокой и тихой водой, с широкими солнечными плесами, с вереницей бегущих пароходов, с целыми улицами сосновых плотов, с тягучими караванами барж. Нет, теперь Волга под Сталинградом — это военная река. Ее набережные изрыты воронками, в ее воду падают бомбы, поднимая тяжелые водяные столбы. Взад и вперед через нее идут к осажденному городу грузные паромы и легкие лодки. Над ней брызжет оружие, и окровавленные бинты раненых видны над темной водой.

Днем в городе то здесь, то там полыхают дома, ночью дымное зарево охватывает горизонт. Гул бомбежки и артиллерийской канонады день и ночь стоит над содрогающейся землей. В городе давно уже нет безопасных мест, но за эти дни осады здесь уже привыкли к отсутствию безопасности. В городе пожары. Многих улиц уже не существует, другие из-

бороздены воронками от авиабомб. Еще оставшиеся в городе женщины и дети ютятся в подвалах, роют пещеры в спускающихся к Волге оврагах. Месяц штурмуя город, немцы хотят овладеть им во что бы то ни стало. На улицах валяются обломки сбитых бомбардировщиков, в воздухе рвутся снаряды зениток, но бомбежка не прекращается ни на час. Осаждающие стараются сделать из этого города ад, в котором нельзя жить.

Да, здесь трудно жить, здесь небо горит над головой, и земля содрогается под ногами. Вид зияющих стен и обгорелых окон вчера еще мирных домов, сжимает горло судорогой ненависти. Опаленные трупы женщин и детей, сожженных немцами на одном из пароходов, взывая к мести, лежат на прибрежном волжском песке.

Да, здесь трудно жить, и даже больше того: здесь невозможно жить в бездействии. Но жить, сражаясь, жить убивая немцев — так жить здесь можно, так жить здесь нужно, и так жить мы будем, отстаивая этот город среди огня, дыма и крови. И если смерть у нас над головой, то слава рядом с нами: она стала нам сестрой среди развалин жилищ и плача осиротевших детей.

Вечер. Мы стоим на окраине. Впереди расстилается поле боя. Дымящиеся холмы, горящие улицы. Как всегда на юге, начинает быстро темнеть. Все заволакивает иссиня-черной дымкой, которую разрывают огненные стрелы гвардейских минометных батарей. Обозначая передний край, по огромному кольцу, взлетают в небо белые сигнальные немецкие ракеты. Ночь не прекращает боя. Тяжелый грохот: немецкие бомбардировщики опять обрушили бомбы на город за нашей спиной. Гул самолетов минуту назад прошел над нашими головами с запада на восток, теперь он слышен с востока на запад. На запад прошли наши. Вот они развесили над немецкими позициями цепь желтых, светящихся «фонарей», и разрывы бомб ложатся на освещенную ими землю.

Четверть часа относительной тишины — относительной потому, что все время продолжает слышаться глухая канонада на севере и на юге, сухое потрескивание автоматов впереди. Но здесь это называют тишиной, потому, что другой тишины здесь уже давно не бывает, — а что-нибудь надо же называть тишиной!

В такие минуты вдруг как-то разом вспоминаются все

картины, прошедшие перед тобой в эти дни, лица людей, то усталые, то разгоряченные их бессонные яростные глаза.

Мы переправлялись через Волгу вечером. Пятна пожаров становились уже совсем красными на черном вечернем небе. Самоходный паром, на котором мы переезжали, был перегружен: на нем было пять машин с боеприпасами, рота красноармейцев, несколько девушек из медсанбата и мы. Паром шел под прикрытием дымовых завес, но переправа казалась все-таки долгой. Рядом со мной на краю парома сидела 20-летний военфельдшер — девушка-украинка по фамилии Щепеня с причудливым именем Виктория. Она переезжала туда, в Сталинград, уже четвертый или пятый раз.

Здесь, в осаде, обычные правила эвакуации раненых изменились: все санитарные учреждения в их обычном виде уже негде было размещать в этом горящем городе: фельдшеры и санитарки, собрав раненых, прямо с передовых сами везли их через город, погружали на лодки, на паромы, а перевезя на ту сторону, возвращались обратно за новыми ранеными, ждущими их помощи. Виктория и один из моих спутников оказались земляками. Половину пути они оба на перебой вспоминали Днепропетровск, его улицы, тот дом, где жил мой спутник, и тот дом, где училась Виктория. Они вспоминали свой родной город во всех подробностях, и чувствовалось, что в сердце своем они не отдали его немцам и никогда не отдадут, что этот город, что бы ни случилось, есть и всегда будет их городом.

Паром уже приближался к сталинградскому берегу.

— А все-таки каждый раз немножко страшно выходить, — вдруг сказала Виктория. — Вот меня два раза ранили и один раз очень тяжело, а я все не верила, что умру, потому что я же еще не жила совсем, совсем жизни не видела. Как же я вдруг умру?

У нее в эту минуту были большие грустные глаза. Я понял что это правда: очень страшно в 20 лет быть уже два раза раненной, уже пятнадцать месяцев воевать и в пятый раз ехать сюда, в Сталинград. Еще так много впереди — вся жизнь, вся любовь, может быть, даже первый поцелуй, — кто знает! И вот ночь, сплошной грохот, горящий город впереди, и двадцатилетняя девушка едет туда в пятый раз. А ехать надо, хотя и страшно. И через 15 минут она пройдет среди горящих домов и где-то на одной из окраинных улиц среди

развалин, под жужжанье осколков будет подбирать раненых и повезет их обратно, и если перевезет, то вновь вернется сюда в шестой раз.

Вот уже пристань, крутой подъем в гору и этот страшный запах спаленного жилья. Небо черное, но остовы домов еще черней. Их изуродованные карнизы, наполовину обломанные стены врезаются в небо, и когда где-то далеко вспышка бомбы делает небо на минуту красным, развалины домов кажутся зубцами крепости.

Да это и есть крепость. В одном подземелье работает штаб. Здесь, под землей, обычная штабная сутолока. Стучат свои точки и тире бледные от бессонницы телеграфистки, и запыленные, запорошенные, как снегом, обвалившейся штукатуркой, проходят торопливым шагом офицеры связи. Только в их донесениях фигурируют уже не нумерованные высоты, не холмы и рубежи обороны, а названия улиц, предместий, поселков, иногда даже домов.

Штаб и узел связи спрятаны глубоко под землю. Это мозг обороны, и он не должен быть подвергнут случайностям. Люди устали, у всех тяжелые, бессонные глаза и свинцовые лица. Я пробую закурить, но спички одна за другой мгновенно потухают, — здесь, в подземелье, мало кислорода.

Ночь. Мы почти наощупь едем на разбитом газике из штаба к одному из командных пунктов. Среди вереницы разбитых и сожженных домов один целый. Из ворот, громыхая, выезжают скрипучие подводы, груженые хлебом: в этом уцелевшем доме пекарня. Город живет, живет — что бы ни было. Подводы едут по улицам, скрипя и вдруг останавливаются, когда впереди, где-то на следующем углу, вспыхивает ослепительный разрыв мины.

Утро. Над головой ровный голубой квадрат неба. В одном из недостроенных заводских зданий расположился штаб бригады. Улица, на север уходящая в сторону немцев, простреливается вдоль минометным огнем. И там, где когда-то может быть, стоял милиционер, указывая, где должно и где не должно переходить улицу, теперь под прикрытием обломка стены стоит автоматчик, показывая место, где улица спускается под уклон и где можно переходить невидимо для немцев, не обнаруживая расположения штаба. Час назад здесь убило автоматчика. Теперь здесь стоит новый и попрежнему на своем опасном посту «регулирует уличное движение».

Уже совсем светло. Сегодня солнечный день. Время бли-

зится к полудню. Мы сидим на наблюдательном пункте в мягких плюшевых креслах, потому что наблюдательный пункт расположен на пятом этаже одного дома, в хорошо обставленной инженерской квартире. На полу стоят снятые с подоконников горшки с цветами, на подоконнике укреплена стереотруба. Впрочем, стереотруба здесь для более дальнего наблюдения — так называемые передовые позиции отсюда видны простым глазом. Вот вдоль крайних домов поселка идут немецкие машины, вот проскочил мотоциклист, вот идут пешие немцы. Несколько разрывов наших мин. Одна машина останавливается посреди улицы, другая, заметавшись, прижимается к домам поселка. Сейчас же, с ответным завыванием, через головы, куда-то в соседний дом ударяют немецкие мины.

Я отхожу от окна к стоящему посреди комнаты столу. На нем в вазочке засохшие цветы, книжки, разбросанные ученические тетради. На одной аккуратно по линейкам детской рукой выведенное слово «сочинение». Да, как и во многих других, в этом доме, в этой квартире жизнь оборвалась на полуслове. Но она должна продолжаться, и она будет продолжаться, потому, что именно для этого ведь, пожалуй, дерутся, и умирают здесь среди развалин и пожарищ наши бойцы.

Еще один день, еще одна ночь. Улицы города стали еще пустыннее, но сердце его бьется. Мы подъезжаем к воротам завода. Рабочие-дружинники в пальто и кожанках, перепоясанных ремнями, похожие на красногвардейцев 18-го года, строго проверяют документы. И вот мы сидим в одном из подземных помещений. Все, кто остался охранять территорию завода и его цехи, — директор, дежурные, пожарники и рабочие самообороны, — все на своих местах.

В городе нет теперь просто жителей, — в нем остались только защитники. И что бы ни было, сколько бы заводы ни вывезли станков, цех всегда остается цехом, и старые рабочие, отдавшие заводу лучшую часть своей жизни, оберегают до конца, до последней человеческой возможности эти цехи, в которых выбиты стекла и еще пахнет дымом от только что потушенных пожаров.

— Мы здесь не все отмечали, — кивает на доску директор. Он начинает рассказывать о том, как несколько дней назад немецкие танки прорвали в одном месте оборону и устремились к заводу. Известие об этом поступило на завод. Надо было чем-то срочно, до ночи помочь бойцам и заткнуть про-

рыв. Директор вызвал к себе начальника ремонтного цеха. Он приказал, как можно скорее закончить ремонт тех нескольких танков, которые были уже почти готовы. Люди, сумевшие своими руками починить танки, сумели в эту рискованную минуту сесть в них и стать танкистами.

Тут же, на заводской площадке, из числа ополченцев — рабочих и приемщиков, было сформировано несколько танковых экипажей: они сели в танки и, прогрохотав по пустому двору, прямо через заводские ворота поехали в бой. Они были первыми, кто оказался на пути прорвавшихся немцев у каменного моста через узкую речку. Их и немцев разделял огромный овраг, через который танки могли пройти только по мосту. Но как раз на этом мосту немецкую танковую колонну встретили заводские танкисты.

Завязалась ожесточенная артиллерийская дуэль. Тем временем немецкие автоматчики стали переправляться через овраг. В эти часы завод против немецкой пехоты выставил свою, заводскую, — вслед за танками появились два отряда ополченцев. Одним из этих отрядов командовали начальник милиции Костюченко и декан кафедры механического института Панченко, другим управляли мастер инструментального цеха Попов и старый сталевар Кривулин. На обрывистых скатах оврага завязался бой, часто переходивший в рукопашную. В этих схватках погибли старые рабочие завода Кондратьев, Иванов, Володин, Симонов, Момотов, Фомин и другие, имена которых сейчас повторяют на заводе.

В этот день окраина заводского поселка преобразилась. На улицах, выходивших к оврагу, появились баррикады. В дело пошло все котельное железо, броневые плиты, корпуса разобранных танков. Как в гражданскую войну, жены подносили своим мужьям патроны, и девушки прямо из цехов шли на передовые и, перевязав раненых, оттаскивали их в тыл. Многие погибли в тот день, но этой ценой рабочие-ополченцы и бойцы задержали немцев до ночи, когда к месту прорыва подошли новые части.

Пустынны заводские дворы. Ветер свистит в разбитых окнах. И когда близко разрывается мина, на асфальт со всех сторон сыплются осколки выбитых стекол. Но завод дерется так же, как дерется весь город. И если к бомбам, к минам, к пулям, к опасности, вообще, можно привыкнуть, — то значит здесь к ней привыкли. Привыкли так, как нигде.

Мы идем по мосту через один из городских оврагов. Я ни-

когда не забуду этой картины. Овраг далеко тянется влево и вправо и весь он кишит, как муравейник, весь он изрыт пещерами. В нем вырыты целые улицы. Пещеры накрыты обгорелыми досками, тряпьем,—женщины стащили сюда все, чем можно закрыть от дождя и снега своих птенцов. Трудно сказать словами, как горько видеть вместо улиц и перекрестков, вместо шумного города ряды этих печальных человеческих гнезд.

Опять окраина—так называемые передовые. Обломки сметенных с лица земли домов, невысокие холмы, взрытые минами. Мы неожиданно встречаем здесь человека,—одного из четверых, которым с месяц назад газеты посвящали передовицы. Тогда они сожгли 15 немецких танков, эти четверо бронебойщиков—Александр Беликов, Петр Самойлов, Иван Олейников и вот этот, Петр Болото, который сейчас неожиданно оказался здесь, перед нами. Хотя, в сущности, почему неожиданно? Такой человек, как он, и должен был оказаться здесь, в Сталинграде. Именно такие, как он, защищают сегодня город. И именно потому, что у него такие защитники, город держится вот уже целый месяц, вопреки всему, среди развалин, огня и крови.

У Петра Болото крепкая, коренастая фигура, открытое лицо, с прищуренными, чуть с хитринкой, глазами. Вспоминая о бое, когда они подбили 15 танков, он вдруг улыбается и говорит:

— Когда на меня первый танк шел, я уже думал — конец света наступил, ей-богу. А потом ближе танк подошел и загорелся, и уже вышел не мне, а ему конец. И между прочим, знаете, я за тот бой цыгарок пять скрутил и скурил до конца. Ну, может, не до конца,—врать не буду,—но все-таки скрутил пять цыгарок. В бою так: ружье отодвинешь и закуришь, когда время позволяет. Курить в бою можно, только промахиваться нельзя. А то раз промахнешься, и уже больше не закуришь — вот какое дело...

Петр Болото улыбается широкой, спокойной улыбкой человека, уверенного в правоте взглядов на свою солдатскую жизнь — жизнь, в которой иногда можно отдохнуть и перекурить, но в которой нельзя промахнуться.

Разные люди защищают Сталинград. Но у многих, у очень многих, есть эта широкая, уверенная улыбка, как у Петра Болото, есть спокойные, твердые, непромахивающиеся солдатские руки. И поэтому город дерется, дерется даже тогда, когда это кажется здесь или там почти невозможным.

Набережная, — вернее то, что осталось от нее, — осто-

вы сгоревших машин, обломки выброшенных на берег барж, уцелевшие, покосившиеся домишки. Жаркий полдень. Солнце заволокло сплошным дымом. Сегодня с утра немцы опять бомбят город. Один за другим на глазах пикируют самолеты. Все небо в зенитных разрывах: оно похоже на пятнистую серо-голубую шкуру какого-то зверя. С визгом кружатся истребители. Жестокий бой идет над головой, не прекращаясь ни на минуту. Город сражается любой ценой, и если эта цена дорога и подвиги людей суровы и жестоки, а страданья их неслыханны, то с этим ничего не поделаешь, — борьба идет не на жизнь, а на смерть.

Тихо плескаясь, волжская вода выносит на песок к нашим ногам обгоревшее бревно. На нем лежит утопленница, обхватив его опаленными, скрюченными пальцами. Я не знаю, откуда принесли ее волны. Может быть, это одна из тех, кто погиб на пароходе, может быть, одна из погибших во время пожара на пристанях. Лицо ее искажено: муки перед смертью, должно быть, были невероятными. Это сделали немцы, сделали на наших глазах. И пусть потом они не просят пощады ни у одного из тех, кто это видел. После Сталинграда мы их не пощадим.

В. ПРИХОДЬКО

ЗАВОД-ВОИН

Полтора месяца, проведенных в условиях ожесточенной осады города, суровая генеральная проверка сил и боеспособности нашей парторганизации, проверка боем, огнем и железом.

Сейчас можно смело сказать, что наша районная партийная организация и все трудящиеся района с честью выдержали эту проверку.

23 августа 1942 года...

Обычное оживление в рабочем поселке тракторного завода началось ранним утром. Рабочие и работницы спешили на завод, домохозяйки—на базар, ребятишки с удочками—на Волгу, и ничто, казалось, не предвещало никаких изменений — день был самый обыкновенный.

И вдруг тревожная весть пронеслась по заводу:

— Враг вырвался к городу!

Обстановка потребовала, чтобы мы, не прекращая

успешной работы завода, организовали вооруженный отпор врагу.

Дружно собрались бойцы истребительного батальона. Под командованием начальника районного отделения милиции тов. Костюченко они вышли за город, туда, откуда с воем и визгом летели снаряды, мины.

Вслед за истребительным батальоном вышли вооруженные рабочие — народные ополченцы.

На другой день завод насчитывал уже десятки рабочих отрядов, готовых ринуться в бой и защищать любимый город до последнего дыхания. На фронт рвались все, но нельзя было останавливать завод.

Первым получил боевое крещение истребительный батальон. Многие из бойцов этого батальона никогда в жизни не участвовали в боях и впервые взяли в руки оружие. Это — молодежь, комсомольцы, бывшие «семитысячники», строившие тракторный завод.

Рядом с ними были и старые рабочие, участники гражданской войны, обороны Царицына. Это — испытанная в боях и походах сталинская гвардия.

Так отцы и дети стали в одни ряды, плечом к плечу. Вместе они вышли навстречу опасности и столкнулись с врагом лицом к лицу.

Враг рвался вперед. Танками и огнем из автоматов, он пытался проложить себе путь и с ходу захватить поселок тракторного завода. Но бойцы истребительного батальона и народные ополченцы вместе с воинскими частями, грудью своей преградили дорогу к городу. Гитлеровцы, встретив такое сопротивление, захлебнулись в своей крови и остановились.

Это решило исход дальнейших сражений. Подошедшие подкрепления стали теснить противника, отбрасывая его назад.

Тысячи рабочих тракторного приняли горячее участие в обороне города. Объединившись в отряды, они быстро сооружали баррикады, оказывали огромную помощь воинским саперным подразделениям.

В боях за город Сталина, за родной завод многие ополченцы покрыли себя неувядаемой славой, как бесстрашные воины, беззаветно преданные родине.

Рядом с регулярными частями Красной Армии самоотверженно сражается с бандой гитлеровцев один из отрядов

Танкисты Н-ской части и рабочие завода ремонтируют танки, вышедшие из боя.
Фото А. Софьина.

тракторозаводцев в 250 человек. Его вдохновляет и водит в атаки комиссар-большевик, рабочий-слесарь, товарищ Салуткин.

Прославились в боях за город Сталина заведующий кафедрой механического института, ныне начальник штаба истребительного батальона тов. Панченко, комсомолец тов. Талдыкин, тов. Москалев и многие другие.

Фашистские бомбардировщики яростно рвутся к тракторному. Район подвергается частым бомбежкам.

Неимоверно трудно работать в такой обстановке. Но рабочие тракторного не думают об этом. Несмотря ни на что, они остались верны своему великому долгу перед родиной.

Фашистские стервятники дважды выводили из строя заводскую электростанцию — сердце и нервы завода. Рабочие и инженерно-технические работники станции, не покидая поста ни днем, ни ночью, быстро восстанавливали ее. Станция продолжала работать, беспрерывно питая завод электроэнергией.

Бомбардировкой с воздуха враг наносил повреждения некоторым цехам. Рабочие немедленно устраняли повреждения и работа продолжалась.

Исключительную стойкость и самоотверженность проявил коллектив цеха, где начальником тов. Благой и секретарем партбюро тов. Семикин. Люди работали буквально сутками без отдыха и сна, бесперебойно обеспечивая моторами танки.

В очень трудных условиях пришлось работать коллективам цехов, где начальниками тт. Всхов и Равинский. Взрывами авиабомб здесь выведена из строя часть механического оборудования. Чтобы не сорвать фронтовых заказов, рабочие взялись вручную за их выполнение. В этой работе особенно отличилась бригада во главе с секретарем комсомольской организации тов. Корчагиным.

Как ни лютовал враг, ему не удалось дезорганизовать коллектив тракторного завода. Используя все свои внутренние ресурсы и возможности, завод продолжал работать и, несмотря на огромные затруднения, дал фронту в сентябре свыше 200 танков, 150 тракторов и много другого вооружения.

Новую волну трудового энтузиазма среди рабочих вызвало сообщение о том, что за коллективом завода закрепляется переходящее Красное знамя Государственного Комитета Обороны. Это сообщение вдохнуло в сердце каждого рабочего

свежие силы. На заводе широкой волной развернулось предоктябрьское социалистическое соревнование.

Коммунисты и комсомольцы тракторного завода в этих трудных условиях показали образец организованности и дисциплины, боевой выдержки и стойкости. Многие из них первыми ушли на фронт, а те, кого необходимо было оставить на заводе, личным примером в труде увлекли за собой рабочих.

Партийная организация не прекращала и не прекращает своей кипучей деятельности даже в самой тяжелой обстановке. Часто под осколками бомб, снарядов и мин, под свист пуль, пробираются наши агитаторы на улицы и окраины поселка, чтобы рассказать жителям о последних известиях, передать листовки с сообщениями Советского Информбюро или передовыми статьями «Правды».

Читки и беседы, собрания - летучки и митинги, краткие совещания и семинары — все формы и методы массово-политической работы использовывались для того, чтобы мобилизовать коллектив рабочих и всех жителей поселка на помощь фронту, на организацию отпора врагу.

Завод-воин боролся, борется и будет бороться до полной победы над немецко-фашистскими ордами.

С. БАБКИН

МЫ—СТАЛИНГРАДЦЫ, МЫ ВЫСТОИМ!

Кировский район Сталинграда. Широкие чистые улицы, зелень скверов, яркие цветы газонов, свежая белизна зданий и заводских корпусов...

Так выглядел наш район в недавнем прошлом.

Не узнать теперь этого района. Улицы и скверы покрылись баррикадами, изрыты воронками от взрывов авиабомб, артиллерийских снарядов, мин.

На месте многих прекрасных зданий, которые мы так любили и которыми так гордились, теперь — развалины и пепел. По ночам улицы освещаются бледно-голубым светом немецких ракет. С рассветом начинается ожесточенный артиллерийский и минометный обстрел, налетает вражеская авиация. Грохот канонады и взрывов сливается в один общий неумолкаемый гул.

Так выглядит сейчас наш район.

Массированными бомбардировками, артиллерийским обстрелом, гитлеровцы рассчитывали дезорганизовать нашу оборону, внести панику и растерянность в наши ряды. Мужественно и стойко встретили опасность трудящиеся района. Врагу не удалось и не удастся сломить наше сопротивление, нашу волю к борьбе и победе.

Когда немецкие войска прорвались к городу, райком ВКП(б) бросил клич:

— К оружию!

Рабочие, инженеры, техники, служащие оставляли заводские корпуса, станки и брались за оружие. В райком партии приходили юноши и старые кадровые производственники с просьбами зачислить их в отряды народного ополчения.

Вскоре батальон, сформированный из трудящихся нашего района, вышел на передовые позиции. Командиром батальона стал воентрук ремесленного училища тов. Никонов, комиссаром — председатель райсовета Осоавиахима тов. Толмачев. Батальон успешно выполнил задание командования и получил высокую оценку боевой выучки.

Сейчас большинство бойцов батальона влилось в регулярные части Красной Армии и продолжает сражаться на передовой линии фронта.

Вместе с мужчинами на защиту города поднялись наши женщины. Добровольно вступила в ряды Красной Армии группа девушек — связисток. Знание радиодела пригодилось сотруднице местного радиоузла тов. Дадыкиной и на новом месте — в воинской части. 17-летняя ученица ремесленного училища тов. Толмачева, инструктор районного совета Осоавиахима тов. Кромаренко и 30 комсомолок-сандружинниц пошли работать в полевые госпитали.

Врагу не удалось расстроить и работу наших промышленных предприятий. Несмотря на яростные бомбежки, артиллерийский и минометный огонь неприятеля, наши заводы не прекращают работу. Коллектив рабочих, инженерно-технических работников трудится с неслыханным героизмом и самоотверженностью, стойко перенося все тяжелые испытания и невзгоды.

Фашистские стервятники с особым ожесточением бомбили СталГРЕСС. Вся территория вокруг него покрылась воронками, взрывные волны выворотили оконные рамы, разорвали электропроводку. Но предприятие продолжало работать. Тогда немцы подвергли его интенсивному артилле-

рийскому обстрелу. На заводской территории разорвалось около 150 снарядов. Они изрешетили корпуса, повредили некоторые важные агрегаты. Но воля, самоотверженность советских людей оказались непоколебимы. Попрежнему дымят заводские трубы, попрежнему в цехах кипит напряженная боевая жизнь. Образцы высокого мужества и отваги показали главный инженер этого завода коммунист тов. Зубанов, начальник цеха тов. Крыжановский и заместитель начальника цеха тов. Лисогор. Своей выдержкой и бесстрашием они завоевали всеобщее уважение в своем коллективе.

Большевик Константин Зубанов, как боевой командир с первого дня осады города не покидает своего поста. Спокойный, энергичный, инициативный руководитель, он всегда готов выполнить любую работу, с каким бы риском это ни было связано. Однажды, вражескпй снаряд повредил водопроводную магистраль. Создалась угроза остановки не только того предприятия, на котором работает тов. Зубанов, но и некоторых других заводов. Под артиллерийским огнем тов. Зубанов появился на месте аварии, собрал рабочих — ремонтников, личным примером увлек их на геройческий труд. Вскоре водопровод был исправлен и заработал нормально.

Когда снаряд выводил из строя один агрегат, тов. Зубанов и тов. Крыжановский налаживали работу другого агрегата; когда выходил из строя и этот агрегат, они пускали в ход третий.

Недавно на предприятии создалось тяжелое положение с топливом. Подвезти топливо неоткуда, требовалось любыми средствами изыскать его внутри района. Заместитель начальника цеха тов. Лисогор вместе с группой других работников завода, обшарил соседние предприятия и какова была наша радость, когда эти поиски увенчались успехом. На заводе, расположенном на дальней окраине района, оказались запасы мазута. Через некоторое время мазут был доставлен на место. Каких это стоило трудов! Пришлось разобрать, а затем заново сложить баррикаду и провести состав с цистернами под ураганным огнем немецкой артиллерии.

Так же самоотверженно трудятся в эти грозные дни и коллективы других предприятий района.

На заводе, где секретарем партийного комитета тов. Колесников, до сих пор производится выпуск оборонной продукции. Здесь же налажено изготовление окопных печей. Другой завод успешно выполняет заказы Волжской военной флоти-

лии, помогает воинским частям ремонтировать боевую технику.

Полным ходом работают хлебозавод, пекарня и маслозавод. По нескольку раз в день к хлебозаводу прямо с передовых позиций приезжают машины и уходят назад, груженные мягким, душистым хлебом. Завод выпекает хлеба столько же, сколько выпекалось в прежнее время.

Для удовлетворения бытовых нужд населения и армии в районе созданы пошивочные и валяльные мастерские. В кустарно-промысловых артелях изготовляются фуфайки, теплые шаровары.

Трудящиеся района бдительно охраняют предприятия и коммунальные хозяйства. Пожарные команды бесстрашно отстаивают от огня народное добро. Дружины рабочих и служащих зорко следят за порядком на предприятиях, чтобы на них не проникли шпионы и диверсанты. Когда спускаются сумерки и в небе вспыхивают немецкие ракеты, на перекрестках властно раздаются оклики:

— Стой! Кто идет?

Это дружины несут свою боевую вахту.

Тяжелые дни переживает сейчас наш район, как и весь город. Но никто не жалуется на трудности. Охваченные единым порывом—отстоять Сталинград, отстоять любой ценой—трудящиеся района не жалеют ни сил, ни жизни во имя победы над врагом.

И не может быть сомнений в том, что мы, сталинградцы, выстоим, перенесем все тяжести варварской осады гитлеровских орд, не отдадим врагу наш любимый город.

В. КОРОТЕЕВ, В. ЛЕВКИН

МЫ СТРОИЛИ СТАЛИНГРАД,— МЫ ЕГО ОТСТОИМ!

Сталинград — город нашей молодости. В расцвете сил и надежд его строила и украшала наша молодежь. Вдохновенным трудом энтузиастов-строителей, семи тысяч комсомольцев, построен Сталинградский тракторный завод. Здесь, на берегу Волги, молодые сталинградцы начали свою жизнь, здесь мечтали, надеялись и любили. Все милое, родное и светлое связано с этим солнечным городом. Он—наша колыбель, наша юность, наша жизнь.

НА ЗЕМЛЕ, ОРОШЕННОЙ КРОВЬЮ ОТЦОВ

С молоком матери молодежь Сталинграда впитала в себя мужество и отвагу своих отцов, боевые традиции сталинской обороны Царицына. Сталинградские парни и девушки гордились громкой славой своего города-бойца, часто на комсомольских собраниях, на вечерах молодежи, на пионерских сборах, слушали мы рассказы старых ветеранов царицынской обороны. Каждый из нас хорошо знал все места исторических боев, знал памятники царицынской эпопеи, ее историю. С любовью мы украшали могилы героев Царицына, отдавших свою жизнь за наше счастье, за нашу жизнь.

Мы гордились Красным знаменем и орденом, которыми награжден наш город. Мы гордились и старыми ранами отцов, и садами, и парками, которые мы вырастили, новыми заводами, которые выстроили на земле, политой кровью защитников Царицына. Мы говорили всему миру: «Хотите посмотреть, что создала советская власть, — взгляните на наш Сталинград!» Больше всего мы гордились молодым, славным именем своего города. А наша красавица-Волга? Где, на какой другой реке привольней и чудесней, чем на Волге? На большом конвейере «СТЗ», в плавках высококачественной стали на «Красном Октябре», в трудовой доблести сталинградских рабочих росла популярность города, — его знала вся страна, его знал весь мир.

ПЛАМЯ ПОЖАРОВ ЖЖЕТ СЕРДЦА

Юноши и девушки Сталинграда, преданно любившие его, не перестали любить его и теперь, когда немецкие разбойники разрушили и сожгли город, оставили без крова сотни тысяч людей. Изуродованный, обожженный, израненный город-богатырь остается нашим родным Сталинградом. Он стал еще дороже сейчас, когда на улицах его идет огромная битва и пламя пожаров жжет душу. Каждый вражеский выстрел по городу отдается в сердце, заставляет его сжиматься от ненависти и жажды мести.

...В дни боев за город особенно наглядно видно, что не только мы, сталинградцы, любим свой город. Его любят бесстрашные сибиряки и москвичи, и бойцы в бескозырках и бушлатах — моряки волжской флотилии. Участники битвы у Волги все с одинаковой решимостью бьются за город и с гордостью говорят о себе: «Мы — сталинградцы».

СТАЛИНГРАДЕЦ ЦИЛИБИН И ДРУГИЕ

Среди защитников города сотни и тысячи молодых сталинградцев, воспитанников комсомола. С юношеским пылом строила молодежь сталинградские заводы, со всем пылом своей молодости она обороняет их теперь от врага. Не жалея крови и жизни своей, молодежь грудью защищает родимый город. Можно привести десятки примеров военной доблести комсомольцев Сталинграда. Батарея лейтенанта Николая Цилибина, бывшего секретаря райкома комсомола, разбила на окраине Сталинграда 15 немецких танков. Два сталинградских комсомольца — Николай Сарафанов и Михаил Чембуров, обороняя улицы, вступили в бой с десятью немецкими танками. Молодые храбрецы подбили одну машину из противотанкового ружья, а три танка подожгли бутылками с горючим. И когда осталось у них лишь несколько гранат, они обвязались ими и бросились под вражеские танки, не желая отступать. Сталинградцы, они отдали свою жизнь за Сталинград!

Героически сражается за город Н-ская часть, почти целиком сформированная из сталинградцев. Здесь отличились в боях десятки питомцев комсомола. Стрелковую роту внезапно атаковали 18 немецких танков. Была минута замешательства и растерянности. Секретарь комсомольской организации Яковлев взял две противотанковые гранаты и, поднявшись во весь рост, бросил их одну за другой под танк. Яковлев упал, сраженный пулями, но зато подбил вражеский танк и своей храбростью вдохновил роту. Бойцы забросали танки гранатами, отбили вражеский удар и стремительной контратакой опрокинули немецкую пехоту. После боя в медальоне Яковлева бойцы вместо домашнего адреса нашли исписанный его рукой листок. «Моя клятва» — стояло вверху:

Я партии сын, и отчизна мне мать,
Отец мой любимый наш Сталин.
В бою я не буду назад отступать,
Друзья пусть и недруги знают.
А если погибну в жестоком бою,
Скажите словами народу:
„Он честно, достойно отдал жизнь свою
В боях с врагом за свободу".

„УМРЕМ, НО НЕ ОТСТУПИМ“

В другой роте этой же части был такой случай. Шло комсомольское собрание. Секретарь президиума Сучкин, переходя из окопа в окоп, разъяснял комсомольцам приказ командования. Секретарю пришлось неожиданно прервать собрание: один из рубежей атаковали немцы, был убит командир взвода, и Сучкин принял командование на себя. Он погиб в бою. По предложению комсомольца Смирнова было принято короткое решение: «Умрем, а не отступим!» «Клянемся вам в этом, товарищ Сталин». В этот миг наблюдатель крикнул: «Немцы идут!». Красноармеец Горелов сказал тогда: «Ну, товарищи, наступила пора выполнять решение». Начался жаркий бой. Рота дралась отчаянно и отбила одну за другой атаки противника. Около 200 гитлеровцев нашли смерть у рубежа, защищаемого сталинградцами.

Стойко переносит тяжелые невзгоды вражеской осады рабочая молодежь города. Она самоотверженно тушила пожары на заводах, в полусгоревших цехах ремонтировала танки, собирала пушки, делала снаряды и мины. Там, где это возможно, молодые рабочие и сейчас на своем посту. Многие комсомольцы несут службу охраны заводов. Когда возник пожар в кузнечном цехе тракторного завода, секретарь комитета Красногласов, рискуя жизнью, спасал ценное оборудование. Так же самоотверженно защищали от огня свои цехи комсомольцы Шульгин, Мельникова, Сазыкина, Бурова, Осипов, Фролов, Пастухов, Жукова.

Комсомолка - наладчица Литвинова шлифовала детали. В цех упало несколько бомб. Литвинова хладнокровно продолжала работу и вместо 30 деталей обработала 37.

В те дни, когда противник вплотную подошел к стенам тракторного завода, плечом к плечу с бойцами и старыми рабочими сотни комсомольцев, молодых рабочих пошли отбивать немецкие атаки. Наследники боевой славы своих отцов, молодые сталинградцы с готовностью двинулись на фронт, на передовые позиции. Они вооружились автоматами, пулеметами, винтовками, гранатами и на деле показали, что не даром они учились военному делу, готовились к боям.

С тракторного завода пошли на фронт комсомольцы-активисты — 18-летний слесарь Алексей Талдыкин, Иван Скороходов, один из «старичков»-семитысячников Николай Тимошенко, Леонид Супоницкий, Родин, секретари цеховых комитетов Володин, Дегтярев, Ермолин. Вместе со старыми красно-

октябрьскими рабочими ушел на фронт знаменитый в Сталинграде молодой сталевар Саша Соколов. У стен родного завода молодежь дралась, не щадя жизни. Комсомольцы Ермоленко, Талдыкин, Макаров, Родин первыми за командиром поднялись в контратаку. Макаров в бою истребил пятерых гитлеровцев, Ермоленко—четырех, Талдыкин—двух. Раненые комсомольцы Володин и Дегтярев отказались уйти с поля боя и продолжали сражаться с немцами до последнего дыхания. Они упали, обнимая дорогую, святую землю Сталинграда, политую их жаркой кровью. С глубокой печалью склоняем мы головы перед свежей могилой наших товарищей, отдавших свою жизнь за родину, за Сталинград. Мы не забудем вас, наши славные земляки—молодые герои Сталинграда!

ДЕВУШКИ НАШЕГО ГОРОДА

Рука об руку с юношами защищают родную землю девушки. Многие из них, вчерашние станочницы, сегодня стали санитарками. Под градом пуль они вытаскивают из боя раненых, ухаживают за ними. Токарь Тоня Магницкая под яростной бомбежкой с опасностью для жизни вынесла 18 раненых. Комсомолка завода «Баррикады» Нина Таранова спасла жизнь 28 раненым. Расчет зенитной пушки, установленной на крыше одного из цехов завода, во время вражеской бомбежки был обстрелян. Нина Таранова пробралась на горящую крышу, оказала всем раненым помощь и поочередно снесла их вниз. Можно лишь удивляться, откуда у молодой девушки оказалось столько сил. Комсомолки Тоня Колобова, Вера Шмелева, Тося Щелочкова добровольно пошли санитарками на передовые позиции и вынесли с поля боя 54 раненых бойца. Дочь рабочего «СТЗ» комсомолка Дуся Дмитриева выполняла важное задание командования. Смертельно раненая, она сказала своей подруге: «Умираю за наш Сталинград».

Сталинградская организация комсомола дала армии сотни самоотверженных бойцов. Многие комсомольцы, хорошо зная расположение улиц, домов, оказывают нашим войскам неоценимую помощь в разведке. Райкомы направили в распоряжение воинских частей десятки комсомольцев и комсомолок в качестве проводников, связных и т. д. Многие комсомольцы получили благодарности от командования и представлены к награде.

Артиллерийский дивизион, целиком сформированный из

комсомолок Сталинграда, героически оборонял мост на подступах к городу и также самоотверженно отстаивал окраину города. Десятки вражеских самолетов пикировали на батарею, обстреливали артиллеристок, часть их была ранена и убита, но остальные стояли на посту, продолжая вести огонь по танкам и пехоте врага. Командование наградило героинь орденами и медалями.

Комсомольцы города занимаются и «мирными», «тыловыми» делами. Оставшееся в городе население, спасаясь от бомбежки, живет в оврагах, в пещерах, в щелях. Комсомольцы создали группы агитаторов и разносчиков листовок с сообщениями Советского Информбюро. Агитаторы переходят из одного убежища в другое и знакомят жителей с последними известиями.

„ХОЧУ БЫТЬ ВМЕСТЕ С КОМСОМОЛЬЦАМИ"

В эти тяжелые дни молодежь Сталинграда стремится связать свою жизнь с комсомолом. На тракторном заводе подали заявления о приеме в ряды ВЛКСМ десять юношей и девушек: среди них Антонина Щелочкова, вынесшая с поля боя десять раненых, разведчик Николай Кравцов и другие. Аня Кулишенко в своем заявлении написала: «В тяжелые для Сталинграда дни я добровольцем пришла в отряд. Вместе с мужчинами буду защищать наш родной город. Прошу принять меня в комсомол, очень хочу быть вместе с комсомольцами».

Трудно даже сосчитать, сколько атак предприняли немцы за два месяца осады города. Но бешеные волны фашистского наступления разбиваются о гранитную стойкость защитников Сталинграда. Сейчас город переживает наиболее тяжелые дни. Немцы стремятся по кускам рассечь город. Неустрашимы герои Сталинграда. С невероятным упорством, обороняя каждый метр сталинградской земли, они дерутся отчаянно, умирают, но не отходят под тяжелыми ударами врага.

Отстоять Сталинград — таково веление родины. Драться до последнего, но не отступать — таков боевой лозунг сталинградцев.

Защитники Сталинграда показывают всей нашей молодежи пример беззаветного служения родине, пример воинской доблести и подлинной железной стойкости. Комсомол может гордиться тем, что в защите Сталинграда есть частица воинского труда его питомцев.

Л. КУДРЕВАТЫХ

УТРО ПОД СТАЛИНГРАДОМ

Утро над степью, запах сухой травы, синий горизонт, пыль, поднятая машинами на фронтовой дороге. Камень цвета земли лежит в изголовье уральца Александра Алеканцева. Вот он, фронт, тот самый передний край, который уже не раз представлялся ему, когда он на учениях выводил расчет своего орудия на условный рубеж!

Алеканцев давно не спит. Да и спал ли он в эту первую ночь в степи? В сумерки они притянули сюда орудие, окопались, разместили в ямках ящики со снарядами. И тут сразу наступил рассвет. Он здесь не такой, как на Урале. Там — леса, вьются, как змеи, лесные речушки. А здесь пустынно кругом. Неуютно человеку в степи, особенно в первый раз.

— Мамот, ты спишь?

— Какое там сплю! — отозвался Мамот.—Разве уснешь?

— Не спишь, значит, думаешь!

Оказалось, что из расчета немного подремал только Саша Скороход. Фамилия не соответствовала натуре этого парня, спокойного, медлительного. Гриша Щанкин и Аким Пчелкин долго прислушивались к размеренному дыханию Скорохода, тоже старались забыться, но уснуть они не смогли.

— Вот, значит, и Волга, — сказал Гриша.—Сталинград, значит.

— Выходит так, — ответил Аким Пчелкин, занятый своими думами.

— Говорят, красивый Сталинград, асфальт на улицах, внизу Волга течет. Бывал, Аким, в Сталинграде?

— Нет, не бывал.

Молодые, крепкие парни! Самому старшему среди них 22 года. К Волге они ехали, как выразился старший среди них по званию — командир орудия, он же комсомольский вожак, с одной мыслью: по-комсомольски стоять за Сталинград. И теперь им, полку противотанковых орудий, выпала честь в степи задержать, рассеять и уничтожить немецкую танковую дивизию, маршем идущую на подкрепление фашистским войскам, которые наседают на город, на его рабочие поселки.

Орудие старшего сержанта Алеканцева, обслуживаемое комсомольским расчетом, было образцовым не только в батарее, но и в полку. В поезде и на марше комсомольский расчет служил примером организованности и дисциплины.

Убедившись, что ребята все равно не спят, а солнце уже выползло из-за дальнего холма и золотит степь, Алеканцев поднялся на ноги, вылез из окопчика, потянулся и, проверяя свое предположение, спросил:

— Густав, ты у нас все знаешь! Где по-твоему танки пойдут?

— По степи, — ответил тот.

— Степь широкая. Справа или слева от нас?

— В лоб пойдут, как-раз на нас, — вступил в разговор до тех пор молчавший Скороход.

Три часа батарейцы ждали колонны немецких танков. Из штаба полка уже не раз передавали, где танки движутся, кому и как развернуть орудия. Напряжение росло с каждой минутой, люди часто свертывали цыгарки. Пчелкин упражнялся в шутках, стараясь скоротать часы ожидания.

Пришел командир полка, строго сказал:

— Ближе подпустить, не бояться! Мы в засаде сидим, и они не ждут такой встречи.

И вот скоро стали видны на горизонте густые облака пыли. По степи разнесся рокот моторов.

— Идут! — закричал подносчик снарядов Мамот.

А потом танки увидели все, кто стоял у орудий. Они шли по степи тремя колоннами. На батарею в лоб двигалось больше тридцати машин. Их подпустили близко, так близко, что видны уже были лица немецких офицеров, поднявшихся из люков. И степь, молчаливо пропускавшая до сих пор колонну врага, вдруг заухала, застонала. Гулко раздались орудийные выстрелы.

Наводчик Густав Фоц после первого выстрела сказал:

— Грянул бой, ребятки, великий бой!

Захлопнулись люки немецких танков, и чугунные жерла их пушек изрыгнули ответный огонь. Три пушки и тридцать танков. Пламя комсомольского сердца и тупая холодность фашистских солдафонов вступили в беспощадную борьбу.

Алеканцеву и его друзьям некогда было наблюдать за тем, как вели огонь другие орудия. Алеканцев даже не мог сообразить, почему немецкие танки вдруг перестали стрелять. В эти минуты он весь принадлежал бою, был поглощен им. Он давал команду, и орудие било навстречу танкам...

Стрельба утихла постепенно. Ухали только орудия соседних батарей. На склонах степного холма полыхали подбитые немецкие машины. Их было много, больше десяти. Остальные

метались по степи, стараясь укрыться от губительного огня.

Только теперь Алеканцев заметил, что Пчелкин и Мамот возятся около Саши Скорохода, который силится что-то сказать и не может. Осколок снаряда глубоко вошел ему в грудь. Густав Фоц уложил руки на груди умирающего товарища и поправил на его гимнастерке кимовский значок...

Вскоре расчет узнал, что соседние — правое и левое — орудия повреждены, а расчеты их прямым попаданием убиты или ранены. Теперь против кургана осталось одно орудие — комсомольского расчета Алеканцева. Ясно было, что немцы соберут остатки сил и пойдут в атаку на уцелевшую пушку, чтобы уничтожить ее.

Действительно, вскоре курган ожил. Из-за него показались 18 немецких танков.

Орудие Алеканцева приняло бой. Чтобы стрелять наверняка, Алеканцев приказал выкатить орудие на бугорок.

— Будем бить прямой наводкой!

Начался поединок, о котором армейский поэт написал:

В степи под курганом и грохот, и дым,
И знамя родное алеет.
Пусть знают — боец не сдается живым,
Герой никогда не робеет.

Первыми же выстрелами были остановлены три немецких танка. Два загорелись, один, пробитый, замер на месте. Немецкие снаряды рвались вокруг орудия, землей засыпая людей. Осколки стучали о пустые гильзы. Один немецкий снаряд разорвался в нескольких метрах позади расчета. Упали подносчик снарядов Мамот, заряжающий Пчелкин и Гриша Щанкин.

В крови батарейцы родные лежат,
И шепчет товарищ герою:
Смелей, Алеканцев! Ни шагу назад!
В степи стань гранитной горою.

Алеканцев и наводчик Густав Фоц подожгли еще три немецких танка и два подбили. Последний подожженный танк горел в нескольких десятках метров от орудия. Фоц, работавший теперь и за подносчика снарядов, и заряжающим, тоже вдруг упал. Голова его обагрилась кровью. Алеканцев нежно любил Густава, лучшего наводчика полка. Он наклонился над ним.

— Не пробьются! — сказал Алеканцев как бы утешая друга, и потащил его в щель, в укрытие.

Теперь Алеканцев остался один со своим орудием. Восемь подбитых и сожженных немецких танков замолкли на склоне кургана. Но десять, перегруппировавшись, снова шли в атаку.

Думал ли на рассвете Алеканцев, что так сложится первый его бой? Предполагал ли он, что ему придется заменить весь расчет и драться, пока цело орудие, пока есть снаряды, пока в груди бьется молодое сердце? Александр Алеканцев не испытывал страха. Он горел одним желанием — удержать танки на этом рубеже, не пустить их к Сталинграду.

Новый снаряд, выпущенный орудием, ушел в сторону, но следующий попал в цель. Крайний левый танк загорелся. Это ободрило Алеканцева. Он ловко зарядил и навел орудие на центральный танк. Выстрел. Загорелась и эта машина. Но восемь танков все еще шли вперед, осыпая пулями и снарядами кусок степной земли, на котором стояла пушка.

Когда раздался восьмой выстрел орудия, Алеканцев почувствовал резкую боль: пуля впилась в бедро выше колена. И в это же время третий немецкий танк, подбитый снарядом Алеканцева, заметался на месте. Старший сержант действовал, не обращая внимания на струившуюся кровь. Без суеты брал он снаряды, заряжал и громко командовал самому себе: «Огонь!».

Невиданный поединок продолжался уже более часа. Запылал еще один немецкий танк. Остальные били по орудию с места. Снаряд ударил в ствол пушки, перебил его, и крупный осколок ранил Алеканцева в ногу. Второе ранение. Казалось, теперь все кончено, остается только спасать себя, уходить подальше.

Но за весь этот день Алеканцев не сделал ни одного необдуманного шага. И сейчас он действовал неторопливо. Подорвал остатки своих снарядов, взвалил на плечи совершенно обессилевшего от потери крови Густава Фоца и пополз по опаленной степной траве к штабу полка.

Алеканцева встретили на полпути, помогли ему дотащить раненого друга, сказали:

— Ляг, отдохни, потом отправим тебя в госпиталь.

— А танки?—спросил Алеканцев. — Они придут сюда!

Танки в самом деле шли к блиндажу командования полка. Алеканцев вместе с другими встретил их гранатами и бутылками с горючим. И эта танковая атака была отбита.

Когда вечернее небо спустилось над степью, Алеканцева,

обессилевшего и находившегося в забытье, отправили в полевой пункт первой помощи, а оттуда в тыловой госпиталь. И где теперь Александр Алеканцев — никто точно не знает. Но имя Алеканцева стало нарицательным среди артиллеристов—защитников Сталинграда. О подвиге Алеканцева сообщило всему миру Советское Информбюро. О нем говорят большие аншлаги на дорогах, ведущих к Сталинграду. Десятки бойцов и командиров рассказывали мне об этом уральском богатыре, сражавшемся в приволжской степи.

Друзья по полку надеются на скорое выздоровление Алеканцева, на возвращение его в родную семью — семью тех, которые, подобно ему, беззаветно дерутся за Сталинград.

В. КУПРИН, Д. АКУЛЬШИН

ДЕНЬ В СТАЛИНГРАДЕ

День начинался солнечный, не по-осеннему теплый. С высотки было видно весь город и зеркально гладкую поверхность Волги. Часовая стрелка показывала ровно одиннадцать.

Рядом ударили залпами артиллерийские батареи; над головой шурша проносились невидимые снаряды. Где-то сбоку, словно грозный обвал, прорвался резкий звук. Это выстрелили гвардейские минометные батареи. Огненные кометы стремительно вылетали одна за другой. Затем заговорила Волга. Орудия плавучей батареи, где командиром старший лейтенант Цирса, влились в общий хор. В небе нарастал гул моторов: шли краснозвездные бомбардировщики и штурмовики. Все это обрушилось на вражескую линию обороны.

Дома и балку, спускающуюся к Волге, заволокло чернобурым дымом. Ежесекундно там поднимались новые огненные вспышки. Массированный удар был нанесен внезапно. Ошеломленный враг не сразу ответил. Лишь спустя несколько минут на наши позиции стали падать немецкие мины и снаряды, в воздухе появились «Мессершмитты». Их встретили зенитчики. Одному вражескому самолету удалось затесаться в боевые порядки штурмовиков. Он уже пристроился в хвост нашему самолету, но замыкающий строй «ИЛ» стремительно бросился на врага. Короткая очередь, и объятый пламенем самолет с белыми крестами рухнул наземь.

Наши штурмовики, шедшие волна за волной, сбрасывали смертоносный груз, утюжили немецкий рубеж. Сорок минут стоял настоящий ад. Еще не развеялся дым, как на левом фланге, у ложбинки, поросшей кустарником, взвились три ракеты. Кусты задвигались: поползли один за другим серые танки. Они развернулись и начали атаку вражеских дзотов и блиндажей. Через короткие интервалы танки останавливались, и тогда их пушки выбрасывали яркие вспышки огня. Между домов, за танками двигались бойцы. Дробью заговорили пулеметы и автоматы. Поднимался сизый дымок от ружейных залпов. Из-за зданий железнодорожного поселка вырвался бронепоезд.

— Борис Петрович идет! — сказали нам бойцы.

Длинный, неуклюже-одетый броней, он шел на всех парах к переднему краю. Короткие пушки, дергаясь в амбразурах, посылали снаряд за снарядом.

Пехота пошла в атаку.

Противник занимал удобные позиции. Правый его фланг прикрывала господствующая высота с вытянувшейся по гребню рощей, по левому флангу тянулась глубокая балка: в отвесных ее скатах немцы оборудовали дзоты. Весь укрепленный рубеж представлял из себя крепкий опорный пункт с большим числом дзотов, блиндажей и ходов сообщений, с большой насыщенностью огня. Все подступы к нему были заминированы и пристреляны.

Наша артиллерия и танки разрушили многие инженерные сооружения врага, но часть огневых точек еще сохранилась. И когда наша пехота пошла в атаку, немцы открыли бешеный огонь из рощи и из большого четырехэтажного дома.

Начали бить шестиствольные минометы.

— В лоб не взять, — решил майор Сорокин и повел свое подразделение в обход. Артиллеристы под командой капитана Рутмана, действуя огнем и колесами, вместе с пехотой разрушали дзоты по обрыву. Смолкли пятнадцать немецких пулеметных гнезд, взлетели на воздух три дзота и одна противотанковая пушка с прислугой.

Пехота довершила разгром первой линии обороны, а слева танкисты под командой тов. Бабенко мяли укрепления противника по склону высоты. За танками следовали стрелки. Они уничтожали немцев, пытавшихся бросать гранаты под танки, очищали окопы, ходы сообщения.

Подразделение под командованием лейтенанта Шуренкова наткнулось на уцелевший от танков дзот. Немцы открыли сильный огонь, пытаясь отрезать наших стрелков от танков. Шуренков повел бойцов на штурм. В дзот полетели гранаты и бутылки с горючим в амбразуры. Несколько минут шла отчаянная схватка. Дзот был взят. Смертью героя в этом бою погиб лейтенант Шуренков: вражеская пуля пробила его сердце и залила кровью партийный билет. Три бойца подхватили тело командира, отнесли назад и бережно положили в окопчик, а сами снова устремились вперед.

Подразделения, где командирами тт. Сорокин и Фирсов, действуя совместно с артиллерией и танками, ворвались в балку. Враг не выдержал комбинированного удара. Оставляя окопы и блиндажи, он бросился к домам. Стрелки с ходу захватили крайние укрепленные здания. С нашего наблюдательного пункта было видно, как около подъездов завязывались короткие схватки, из окон выметывались клубы дыма от рвущихся внутри гранат.

Враг сильно сопротивлялся. Его мины и снаряды, град пуль жали бойцов к земле. Казалось, что наступательный порыв уже ослаб. Но восемнадцать бойцов, возглавляемые храбрецом Боровиком, под прикрытием танка вырвались на 800 метров вперед и закрепились в немецких окопах. Горсточка бойцов открыла огонь во фланг немцам. Дерзкий маневр дезорганизовал немецкую оборону на этом участке. Дружной атакой с флангов наши подразделения выбили немцев и сравнялись с авангардной группой.

Солнце перевалило уже за полдень, а бой не утихал. То там, то тут гремели залпы батарей, весь участок затягивало дымом и всюду рвались снаряды и мины.

Пополнив боеприпасы и горючее, танки снова шли на поддержку нашей пехоты. Перед ними выросли черные султаны разрывов. Но немецкой артиллерии не удалось задержать танков. В воздухе появились «Юнкерсы». Под прикрытием «Мессеров», бомбардировщики с воем пикировали на танки. Зенитчики подбили два «Юнкерса» и один «Мессершмитт». Танки шли вперед, они торопились до вечера закончить взлом укреплений первой линии. 11 дзотов, 4 противотанковых пушки, минометная батарея, 8 пулеметных гнезд и до роты немецкой пехоты было уничтожено танкистами в этот день.

К вечеру бой утих. В сумерках хоронили лейтенанта Шу-

ренкова. С ним рядом в братскую могилу положили погибших сегодня бойцов. Им, отдавшим жизнь за Сталинград, за родину, был отдан троекратный салют. Три залпа потрясли вечернюю тишину. Стреляли по немецким окопам и блиндажам, по домам, в которых укрылись фашисты. Смерть за смерть! Пусть и салют увеличит счет истребленных гитлеровцев. За гибель лейтенанта Шуренкова и дорогих нам бойцов фашисты поплатились смертью 720 солдат и офицеров, сраженных в этом бою.

Евг. КРИГЕР

ГНЕВ ДОБРЫХ

Он был человеком мира, учителем. Если бы дети, которых он любил, смогли увидеть его здесь, в сталинградской степи, они его не узнали бы. Ради них он стал таким, как он есть, — человеком упорной, сосредоточенной злобы; полуглухой после контузии, с сочащейся из ушей кровью, он ушел с санитарного пункта в балку, где стоял его танк, изуродованный огнем, пробитый снарядами. Там нашли его товарищи. Он был почти без сознания. Врачи говорили ему:

— Жить!

Он молчал, но мог бы ответить одним словом!

— Убивать!

Дети знали его строгим и справедливым, суровым и нежным. Однажды он покинул детей, чтобы учиться военному делу, умению убивать врага. Он понял, что в мире, в котором существует фашизм, право на справедливость и нежность нужно защищать с пистолетом, с гранатой в руке. Есть гнев самый страшный — это гнев добрых. Гнев нашей армии есть высшая мера ненависти. Учитель Петр Гоголев видел, как немцы методически, квартал за кварталом превращали в развалины мирные города, в которых не оставалось никого, кроме женщин и детей. Он видел девочку, заваленную грудой камней. Ее нельзя было вытащить. При малейшей попытке камни задавили бы ее насмерть. Учитель видел хирурга, приступившего к чудовищной операции, чтобы спасти девочке жизнь: нужно было отсечь ей зажатую камнями ногу. У девочки уже не было сил кричать, несколько часов она

висела над дымящейся улицей. Внезапно хирург прервал операцию. Немцы добили ребенка новым осколком.

Учитель Петр Гоголев пришел в сталинградскую степь командиром танковой роты. Он молчалив и спокоен. Ненависть его проявляется не в минутных яростных вспышках. Она стала выражением всех его чувств, всех его жизненных сил. Он больше не ругает, не проклинает немцев. Он их убивает. Всего себя, энергию, нервы, разум он бережет для боя.

Это гнев добрых.

Немцы даже самих себя хотят убедить в том, что они страшные,—бомбы у них воют, «мессеры» визжат. Сами они спиваются полуголыми, с ножами в зубах, с вытаращенными глазами. В брошенных интендантских складах у них находят целые тонны значков с черепами. Это не страшно. Это смешно и противно.

Немцам сейчас страшна наша степь. В степи нет рубежей. Наша ненависть остановила здесь немцев. В степи под Сталинградом их остановили такие люди, как младший лейтенант Васильев и его артиллеристы. Батарея обороняла только-что захваченную высоту и выдержала одну за другой две атаки немецких танков — в 6.30 и в 8.30. Перед выходом в атаку немцы терзали высоту ураганным огнем минометов и пушек, потом двинулись танки. Они били из всех орудий и пулеметов. Одинокая батарея держалась. Уже не было в живых сержанта Корчуганова, истекал кровью заряжающий Красноперов, лежал бездыханным на жесткой траве сержант Ковалев. Батарея держалась, и немцы отхлынули. Вскоре изнуренные боем защитники высоты снова увидели наступающие немецкие танки. Окровавленные люди стали к орудиям — по два, по одному. Сил уже не было, их держала ненависть. Они били в упор, они видели, как русский снаряд рушит немецкую броню. Они расстались с жизнью, не отходя от орудия,— Стариков и Ушаков. Уцелели одно орудие и два человека — разведчик Жуков и командир батареи Васильев. Два человека отбили атаку немецких танков. Васильев преследовал немцев огнем последнего орудия. Высота осталась в наших руках.

Такой ненависти ни к чему дурацкие значки с черепами. Она довольствуется разбитыми черепами немецких солдат.

Люди под Сталинградом всегда готовы перейти в наступление. Два танка Петра Гоголева подбиты в бою. В одном из

них он едва не погиб от огня, но сбил пламя и привел дымящийся танк к своим. Здесь, не зная перерывов в бою, бывший учитель Петр Гоголев пересел на третий танк.

Тогда же был получен приказ об атаке.

Нужно было ломать жесткую немецкую оборону, снабженную всеми средствами полевой фортификации. Что это значит? Это значит, что в скатах высот вырыты блиндажи и дзоты; это значит, что в подвалах домов торчат пулеметы, это значит, что насыпь железной дороги стала крепостным валом, и, пока этот изрыгающий огонь вал не разрушат прямыми попаданиями снарядов, он будет стрелять и стрелять, сеять смерть в рядах нашей наступающей пехоты.

Наши танки поддерживали атаку пехоты на высоту Безымянную и разъезд на линии железной дороги. В 6 утра началась артиллерийская подготовка, соединенная со штурмовкой немецких позиций с воздуха. С воздуха в течение сорока минут наши пушки и самолеты перетряхивали немцев в их норах. Это время пехотинцы использовали, чтобы подползти еще ближе к переднему краю вражеской обороны. Они ползли навстречу разрывам наших же снарядов. Сигнал двумя зелеными ракетами застал их на расстоянии в сто метров от немцев. В 6.40 пехота поднялась; перебежками, снова ползком, короткими бросками пошла вперед, и вслед за пехотой, обгоняя ее, подбадривая ревом моторов и гусениц, прикрывая огнем, пошли танки. Они шли медленно, приноравливаясь к движению пехотинцев и в трудных местах горячий и вспыльчивый лейтенант Гаджиев выскакивал из танка, поднимал залегших бойцов, напрягал и без того звонкий голос, кричал:

— Моя пушка стреляет. Кто там боится? Чего еще надо? Подымайтесь!

Степь, захваченная немцами, изрыгала огонь из каждой дыры, ожили холмы, овраги. Враг не хотел отступать. Немцы выкатывали пушки из ям на вырытые в земле площадки и били по танкам и Гаджиева злило, что танки из-за пехоты идут медленно. Их перебьют тут, как джейранов в открытой степи. Он крикнул механику-водителю, чтобы тот вел танк без него, а сам двести метров шел с пехотой, нарочно в открытую, издеваясь над малодушными, подбадривая смелых, и люди, заражаясь его веселой, колючей храбростью, шли быстрее и быстрее, и он уже слился со многими, его уже обгоняли, он стал ненужным здесь, пеший, и тогда вернулся в свой танк.

Этот пылкий лезгин в бою становился чортом. Все знали, что его гложет желание встретиться с тяжелым немецким танком и таранить его. Радостное и гневное, жгучее чувство боя зажигало самых спокойных. У механика-водителя Хитрова при выезде из оврага сорвало гусеничную цепь. Ему крикнули:

— Опоздал! Батальон уже вышел в атаку.

Хитров швырнул шлем на землю и, по-солдатски ругаясь, проклиная свою неудачу, стал натягивать цепь. Командир его был ранен осколком бомбы. Хитров натянул цепь, рванул танк вперед. Он нагнал атакующих. Лишившись командира, молодой, неопытный башенный стрелок терялся, нервничал. И тогда Хитров, холодея от предчувствия второй неудачи, сам стал искать цель. Движениями рулей он наводил на цель грузное тело танка так, что и башню с орудием не нужно было поворачивать, и кричал молодому стрелку:

— Бей, бей! Готово, только бей, чорт! Бей, милый! Бей, тебе говорят!

И стрелок бил. И так они сшибли два немецких танка. Один из командиров был ранен в глаз. Взгляд его был затуманен кровью. Потом часть видимого угасла для него, он ослеп наполовину. Его тащили за руки назад. Он рванул из кармана платок, затянул черную, кровоточащую орбиту вытекшего глаза, крикнул:

— Вижу, вижу, вижу! Отпустите меня, я живой, я могу.

И вдруг, подчиняя людей своей воле, своему ледяному спокойствию, сказал страшно тихо и убедительно:

— Я командир. Мои люди впереди, там ждут меня!..

Наступление велось на железнодорожный разъезд и укрепленную немцами высоту, западнее разъезда. Перед боем командир части повторил в сотый раз:

— Наша задача — пробить дорогу пехоте, если пехоте мешает огонь противника. Вы не уходите от огня, а идите на огонь и давите его всеми средствами. Танкист сам ищет цель и сам ее уничтожает.

Бывший учитель Гоголев, знавший приволжскую степь по лохматым, закапанным чернилами школьным картам, теперь вел в эту степь свои танки.

После того, как передний край обороны немцев был прорван, танки попали в зону сильного артиллерийского обстрела. Гоголев видел оранжевые вспышки со стороны железнодорожной насыпи. Стреляли по его танку. Но он видел также, как

в другом месте, на левом фланге, станковый пулемет кинжальным огнем бьет по нашей пехоте. Итак, он должен направить удар в обе стороны сразу и успеть отвести опасность от себя и идущей рядом пехоты. Гоголев крикнул башенному: «Осколочными!», и его орудие стало бить по батарее, в то время как механик-водитель по его приказанию двинул танк на траншею с немецкими пулеметами. Гусеницы перемалывали окоп, и вдавленные в землю пулеметы замолкли, а орудие било и било в сторону батареи. Так началась дуэль танка с немецкими пушками. Она продолжалась 15 минут, и все эти 15 минут танк двигался то вправо, то влево, вперед и назад короткими внезапными рывками, сбивая с толку немецких наводчиков. Дым и огонь разрыва впереди. Следующий снаряд будет послан врагом прямо по танку. Но танк успевает отвернуть в сторону, остановиться, послать из пушки снаряд и снова выскочить из-под удара. Короткая остановка. Рычаг скорости остается в прежнем положении, выключается только сцепление. Выстрел! Танк снова в движении.

За 15 минут танк Гоголева выпустил пятнадцать осколочных снарядов и четыре пулеметных диска. Учитель хорошо видел, как в четырехстах метрах от него перебегают с места на место немецкие артиллеристы, как три их орудия заволакивает огнем и дымом, и они замолкают, и артиллеристы бросаются к четвертому, тащат его назад, но тут их настигает другой танк, подминает под себя, давит, ломает... Гоголев переводит дыхание. Капли пота стекают по его лицу. Кончено с этой батареей! Кончено.

И тут он слышит по радио голос командира: «Принять правее, к разъезду».

Он ведет танк почти вплотную к разъезду. В 150 метрах от цели, видит перед собой две массивных железных туши. Они изрыгают огонь. Гоголев приоткрывает люк, всматривается. Незнакомые танки, черные, блестящие, таких он не видел. — Итальянские, — решает он. — Впрочем один чорт, не все ли равно! Главное—не наши. Бить, пока его не заметили. Стволы их орудий направлены в сторону нашей пехоты, а Гоголев подошел с тыла. Он бьет в упор бронебойными, и первый танк загорается, другой задним ходом пятится к разъезду, но второй снаряд пробивает броню и этого танка. Два итальянца выскакивают из верхнего люка. Гоголев кричит лобовому стрелку:

— Кончай с ними, не выпусти.

А сам, опять готовя одновременный удар по двум разным целям, приказывает башенному стрелку приготовить осколочные. Он видит, как наши пехотинцы ложатся. Струйки пыли мечутся рядом с ними, как змеи. Кинжальный пулеметный огонь с фланга. Лежит, лежит пехота. Не поднять головы, прижата к земле. Пулеметчик открывает люк, кричит:

— Садись на танк, ребята. С какой стороны режут вас?

Ободренная пехота отвечает, что с высотки режут, с высотки, и пятеро красноармейцев карабкаются на танк, остальные бегут рядом. Гоголев бьет по высотке двумя снарядами, двумя пулеметными дисками, и пехота уже не лежит, пехота лезет по склону. Старшина Быбин идет прямо к черной дыре, откуда стреляли минуту назад, врывается в немецкий блиндаж. Он выходит оттуда весь в комьях земли. В руках у него два пистолета, пачка бумаг, ордена. Два немецких офицера и трое солдат уничтожены.

Высота Безымянная и разъезд были почти заняты нами, когда Гоголев увидел, как один из наших танков вспыхнул, подожженный немецким снарядом. Гоголев направил свой танк к нему на помощь, чтобы оттуда выскочить на гребень Безымянной. И тут он потерял сознание. Очнулся через минуту. Ладони, прижатые к лицу, были в крови. Единственное, что он понял,—было тихо внутри танка, мотор не работал. Он увидел башенного, бледного и как бы постаревшего. Плечо его перебило осколком. Всеми своими помыслами Гоголев был еще в бою.

— Заводи, — сказал он водителю, и не услышал своего голоса. Мотор завелся. «Ну, и хорошо, — подумал Гоголев, — можно драться». Он повел танк в том же направлении, к высоте, преодолел еще сто метров, и опять его швырнуло, ударило. Ему стало душно, в лицо брызнул газойль — вторым снарядом был пробит правый бак танка. Мотор опять заглох, внутри танка появилось пламя. Гоголев крикнул водителю, чтобы тот включил хотя бы левый мотор, и, когда мотор зарычал, пламя потянуло потоком воздуха в вентилятор, и тогда пламя захлебнулось, и его придавили шинелями, комбинезонами и спасли танк от пожара. Гоголев все еще думал о бое. Третий снаряд заклинил башню, и тогда только бывший учитель хриплым от усталости и злобы голосом приказал задним ходом вести танк на исходную. Он передал башенного санитарам, но

тут и самого его свалило на землю. Кровь лилась из ушей, из носа. Ему говорили:

— Высоту и разъезд взяли.

Он отвечал: «Хорошо». Ему рассказывали о смерти майора Грязнова. Танк Грязнова горел. Он знал, что все кончено, но даже смертью своей продолжал убивать немцев: повел пылающий танк на немецкую траншею, давил обезумевших от страха солдат и умер в огне, в раздавленной его танком немецкой траншее.

— Хорошо, — отвечал Гоголев, но слышал он плохо: его контузило тем первым снарядом.

Его отправили в госпиталь.

Утром пришли к нему товарищи, но его в госпитале не было.

Полуглухой после контузии, с сочащейся из ушей кровью, он ушел от врачей в балку, где стоял его танк. Он думал о бое.

К. СИМОНОВ

СОЛДАТСКАЯ СЛАВА

По ночам вокруг Сталинграда стоит красное зарево. А днем степи дымятся: вздымаются черные столбы минных разрывов, тонкие дымки походных кухонь, горьковатый дым солдатской махорки.

В голубом, не по-сентябрьскому ясном небе, чертят белые перистые следы истребители, а земля изборождена окопами, и рядом с холмиками блиндажей подымаются насыпи братских могил.

Безвестные нивы, холмики и прогалины, заросшие полынью, стали местом, которого нельзя отдать, за которое дерутся и умирают, что не зная, как называется деревня, лежащая слева, и ручей текущий справа, но твердо зная — за спиной Сталинград и за него надо стоять.

Здесь предстоит выстоять ценой жизни, ценой смерти, ценой чего угодно. Сегодня мы держимся, но еще не побеждаем, и слава дивизий и армий, слава всего русского оружия еще не родилась на этих полях. Но слава солдата, солдатская слава, каждый день и каждую ночь рождается то здесь, то там, и мужество человека всегда остается мужеством и слава славой, как бы тяжело ни приходилось армии и народу.

Мы сидим с Семеном Школенко на сухой степной земле.

и такой же сухой, как эта земля, степной ветер обдувает его загорелое спокойное лицо и выгоревшие русые волосы.

Я спрашиваю его, как это было.

— Как это было, — повторяет он задумчиво и смотрит далеко в степь, вспоминая, и вдруг, словно желая мне сказать, что его подвиг родился не вчера, а давно, что он был задуман всей его жизнью, неторопливо начинает вспоминать эту жизнь.

— Отца звали Фролом, он тоже тут воевал, под Царицыном, тогда еще Сталинград Царицыном называли, и тут и погиб в бою. Он шахтер был, как и я. Шахта, теперь, может, водой ее залили, может, взорвана она, кто ее знает. Исаевская шахта номер два, я там под землей все прошел—и саночником был, и забойщиком, и горным мастером, давно под землю спустился, мальчишкой еще в 1924 году. Сколько лет с тех пор прошло? Неужели уже восемнадцать, хотя сегодня вот именины мои, как раз тридцать ударило, значит, верно, восемнадцать лет. Мы сегодня с комиссаром по стакапчику выпили, он меня угостил. Выпил — жену вспомнил и сына Юрия Семеновича, я его еще не видел, он у меня 27 марта родился.

И в том, как Школенко рассказывает о своей семье, о шахте, о всей своей суровой трудовой жизни, чувствуется, что его солдатскую славу нельзя назвать неожиданной, он пришел к ней всей своей жизнью, всем своим опытом, смекалкой, русским умом и русскими сильными руками. И когда он начинает говорить о своем подвиге, он говорит о нем так неторопливо, обдуманно, спокойно, что я вижу, как он совершал его, так же неторопливо, так же обдуманно, так же спокойно, как он рассказывает о нем.

Это было утром. Командир батальона Кошелев позвал к себе Семена Школенко и, став с ним рядом в прибрежном кустарнике, как всегда, скупо сказал:

— Языка надо достать.

— Достану, — сказал Школенко.

Он присел в окопе и стал готовиться обдуманно и неспеша. Он проверил автомат, повесил на пояс три диска, приготовил пять гранат, две простые и три противотанковые, положил их в сумку, потом огляделся и, подумав, взял принесенную в солдатском мешке медную проволочку, спрятал ее в карман.

Итти предстояло вдоль берега. Он пошел, поспешая, вперевалку, с оглядкой. Кругом все было тихо. Школенко прибавил шагу и, чтобы сократить расстояние, стал пересекать лощинку напрямик, по мелкому кустарнику. Раздалась пулеметная очередь. Пули прошли где-то близко. Школенко лег и с минуту лежал неподвижно.

Он был недоволен собой. Эта пулеметная очередь — без нее можно было обойтись, надо было только пройти по густому кустарнику. Хотел сэкономить полминуты, а теперь придется терять десять—обходить кругом. Он поднялся пригибаясь, перебежал чащу. За полчаса он миновал сначала одну балку, потом другую, заросшую кустарником. Сразу же за этой балкой стояли три сарая и дом: место было почти открытое, заросшее полынью и травой. Школенко лег и пополз по-пластунски. Через несколько минут он подполз к первому сараю и заглянул внутрь его. В сарае было темно и пахло сыростью. По земляному полу ходили куры и поросенок. Но в следующую секунду Школенко заметил у стены неглубокий окопчик и выпиленную в два бревна бойницу. Возле окопчика валялась недокуренная пачка немецких сигарет. Немцы были, где-то близко. Теперь это не вызывало сомнений.

В лощинке, заросшей виноградником, он напал на тропку. После прошедшего утром дождя, земля еще не просохла, и на тропке были хорошо видны уходившие в лес следы. Через сто метров Школенко увидел пару немецких сапог и винтовку. Откуда они здесь появились, — он не мог догадаться, но на всякий случай сунул винтовку в канаву и затоптал ее землей, а сапоги бросил в кустарник. Свежий след вел в лес. Не прополз еще Школенко и 50 метров, как услышал минометный выстрел. Миномет с небольшими паузами ударил десять раз подряд.

Впереди были заросли. Школенко пополз через них налево, где виднелась заросшая яма; кругом был бурьян, а внутри зола. Из ямы в промежутке между кустами, был виден просвет. В десяти метрах от Школенко стоял миномет, а еще несколько шагов дальше него — ручной пулемет. Один немец стоял у миномета, а шестеро неподалеку от него сидели, собравшись в кружок и ели из котелков. В первую секунду Школенко инстинктивно вскинул автомат и хотел дать по ним очередь, но в следующую секунду он рассудительно изменил

это решение. Он мог одной очередью не убить сразу всех, и дальше ему предстояла бы неравная борьба. Он, не торопясь, стал изготовлять к бою противотанковую гранату. Противотанковую он выбрал потому, что расстояние было небольшое, а ударить она могла гуще. Он не торопился. Торопиться было незачем, цель была на виду. Он прочно уперся левой рукой в дно ямы, вцепился в землю так, чтобы рука не скользнула, и, приподнявшись, швырнул гранату. Она упала прямо посреди немцев. Когда он увидел, что шестеро лежат неподвижно, а один тот, который стоял у миномета, продолжает стоять около него, удивленно глядя на изуродованный осколком гранаты ствол, Школенко вскочил и, вплотную подойдя к немцу с автоматом, не сводя с него глаз, знаком показал, чтоб тот отстегнул с себя парабеллум и бросил на землю. У немца дрожали руки, он долго отстегивал парабеллум и бросил его далеко от себя. Тогда Школенко, толкая немца перед собой, подошел с ним к пулемету. Пулемет был разряжен. Школенко знаком показал немцу, чтобы тот взвалил пулемет на плечи. Немец послушно нагнулся и поднял пулемет. Теперь у него были заняты руки.

Несмотря на серьезность положения, Школенко усмехнулся. Ему показалось забавным, что немец своими руками отнесет к нам свой пулемет. Так они и пошли обратно— впереди немец со взваленным на плечи пулеметом, сзади Школенко. Немец шел медленно, спотыкаясь, он не сопротивлялся, но, видимо, не терял надежды встретить кого-нибудь, кто его выручит, и тянул время. Школенко, который все предыдущее делал неторопливо, теперь торопился. Чувство одиночества и страха за то, что ему каждую минуту из-за любого куста могут выстрелить в спину, не было ему чуждо. Пока он делал дело, он не торопился ни на секунду больше, чем нужно, но теперь ему хотелось скорее вернуться и он нетерпеливо подталкивал немца в спину.

На командный пункт батальона Школенко добрался только после полудня. Там, кроме капитана Кошелева, сидел командир полка. Школенко последний раз небрежно ткнул автоматом в спину немца и кратко сказал:

— Вот.

И только потом уже по всей форме доложил о своем прибытии.

Командир полка пожал ему руку, оглядел его с ног до го-

ловы и, еще раз крепко стиснув руку, отошел в сторону и о чем-то заговорил с командиром батальона. Их разговор продолжался с минуту. Школенко молча стоял и ждал.

— Хорошо, — сказал командир полка. — Его задачу,—он кивнул на капитана Кошелева, — вы выполнили, теперь выполните мою. Вы должны узнать, где стоят их остальные минометы.

— Узнаю, — коротко сказал Школенко и добавил:—Разрешите спросить,—один пойду?

— Один, — сказал Кошелев.

— Ну, что ж, тем лучше, — Школенко вскинул на плечо автомат.

— Сначала отдохните, — сказал командир полка, — а потом пойдете...

Школенко, подойдя к связистам, вытащил из сапога ложку и, пристроившись с котелком, стал медленно, со вкусом, есть щи. Он устал и был доволен, что ему дали эту передышку. Доев щи, он свернул цыгарку. Все утро он не курил, курить было приятно, особенно в предчувствии того, что до вечера опять не придется курить. Потом он сел и перемотал портянки. Ноги немножко болели. Так он просидел примерно с полчаса, вскинул автомат и, уже не добавляя гранат, снова пошел в ту же сторону, что и утром.

Теперь он взял правее деревни и ближе к реке, прячась в росших по обочинам дороги кустах. Первый выстрел из миномета он услышал за 500 метров. Ползти туда пришлось по длинной лощине, пробираясь через густой ореховый, царапавший руки и лицо, кустарник. Мины шли по направлению к Школенко и пролетали дальше. Он на минуту приостановился, мысленно представил траекторию полета и по звуку определил направление, с которого стреляли. После ореховой балки пришлось перевалить холмик, за которым начиналась лощина с густым лесом. Пока он прополз по ней еще 200 метров, выстрелы прекратились. Последний из них был совсем близкий. Вдруг недалеко от Школенко во весь рост поднялся немец. Школенко лег и притаился, пролежал минут десять. Когда немец исчез, Школенко через мелколесье дополз до большого куста. Из-за куста были хорошо видны все три миномета, стоявшие в балке.

Школенко лег плашмя и вытащил свернутую в трубку

бумагу, на которой он еще заранее решил начертить и записать для точности, где именно стоят минометы. Но в ту секунду, когда он принял это решение, семеро немцев, стоявшие у минометов, подошли друг к другу. Все вместе сели у ближнего к Школенко миномета, всего в 8 метрах от него. Только один остался поодаль и, лежа на боку на краю окопа, куда-то звонил и, видимо, никак не мог дозвониться по телефону.

То, что немцы подошли к нему так близко, и все, за исключением одного, сидели вместе, толкнуло Школенко на смелый шаг. Он должен был записать и зачертить, потом доложить, потом артиллерия должна была попасть в эти минометы, а между тем немцы сидели все рядом, а у него под рукой были гранаты. Решение родилось мгновенно, может быть так мгновенно от того, что только сегодня, в точно такой же обстановке ему уже один раз повезло. Так или иначе, Школенко решил управиться с немцами сам. Он, лежа, достал обе противотанковые гранаты, потом вытащил из кармана припасенную медную проволочку, обмотал ею гранаты. Теперь оставалось только кинуть. Школенко опять, как и в тот раз, крепко оперся рукой о землю, набрал поглубже воздух и бросил гранаты. Но гранаты были очень тяжелые — сразу две, он с утра уже очень уморился, все таки это была вторая разведка за день. И когда он швырнул их, то они на полметра не долетели до немцев. Он это успел заметить, когда ложился на землю плашмя, а в следующую секунду его не сильно ударило в плечо, и он, еще лежа, схватясь за плечо рукой, почувствовал на пальцах кровь.

В следующую секунду он вскочил во весь рост, держа автомат наизготове. Взрыв был очень сильным, и немцы, как в прошлый раз, лежали убитые, только на этот раз никто не остался на ногах и лежали все. Потом один, тот, который оставался у телефона, пошевелился. Школенко подошел к нему и тронул его ногой. Немец перевернулся, лежа на земле, поднял руки и заговорил, но что—в горячке Школенко не разобрал. Рядом с немцем лежал телефон. Не рассчитывая его унести, Школенко ударил несколько раз тяжелым кованным сапогом и разбил его. Потом он оглянулся, придумывая, что сделать с минометами. Неожиданно в двух десятках шагов от него в кустах сильно зашуршало. Прижав к животу автомат, Школенко пустил туда длинную очередь

веером, но из кустов вместо немцев выскочил его хороший знакомый Сатаров, боец 2-го батальона, несколько дней тому назад взятый в плен немцами. Сатаров стоял обросший, босой, в одних кальсонах и не своим голосом, полуоборотясь назад, кричал!

— Наши, наши пришли!

Вслед за ним из кустов вышли еще 16 человек, все такие же голые, обросшие и страшные, как Сатаров. Трое были окровавлены, одного из них поддерживали на руках.

— Ты стрелял? — сказал Сатаров.

— Я, — сказал Школенко.

— Вот поранил ты их,—показал Сатаров рукой на окровавленных людей. — А где же все?

— А я один, — ответил Школенко. — А вы тут что?

— А мы могилу себе рыли, — сказал Сатаров.—Нас двое автоматчиков стерегли. Они как услышали взрыв — побежали. А ты, значит, один?

— Один,—повторил Школенко и посмотрел на минометы. Времени терять было нельзя, вот первое, о чем подумал он в эту минуту. И следствием этой мысли было мгновенное решение.

— Скорее минометы берите, — сказал он деловито, — скорее, скорее, чего зря время проводите. Сейчас к своим пойдем.

Несколько человек взялись за минометы и взвалили их на себя, остальные повели раненых.

Между освобожденными красноармейцами, прихрамывая на одну ногу и держась за разбитую голову, шел пленный немец, тот, что лежал у телефона.

Через полтора часа незаметными тропами, они дошли до батальона. Школенко отрапортовал и, выслушав скупую благодарность капитана, соединенную с крепким дружеским пожатием, отошел на пять шагов и ничком лег на землю.

Оглушающая усталость этого дня сразу, навалилась на него. Открытыми глазами он смотрел на травинки, росшие около, и казалось странным, что все это было и кончилось, а он вот живет и кругом растет трава, и все на свете также, как было утром.

Солнце закатывается за степью — оно красное и пыль-

ное и мгновенная южная темнота начинает ползти со всех сторон.

— А вы знаете, — говорит Школенко после нескольких минут раздумья, — вы знаете, почему я командиру полка сказал, что лучше, что я один в разведку пойду? Вы думаете в разведку лучше одному итти? Нет, одному страшнее, в разведку лучше вдвоем с товарищем итти. Но лучше с товарищем, если ты его характер знаешь, какой он есть человек, а если ты его характер не знаешь, то лучше — одному.

И Школенко, разговорившись, стал высказывать свои задушевные мысли:

— По душе говоря, когда смерть с тобой рядом ходит, то страшно, конечно, но только я год с хвостиком воюю, и есть у меня мысль такая, что вот немец, он когда всем своим нутром чувствует, что на него человек идет, который не особо страшится, то этого человека сам немец страшиться первым начинает. А если я его страшиться начинаю, то он меня страшиться перестает. В общем, так уже на войне заведено, кто-то один, кого-то другого больше бояться должен. Так я хочу, чтобы он меня больше боялся.

Школенко долго смотрит кругом на вечернюю степь, и на лице его появляется горькое, печальное выражение.

— Что смотрите?—спрашиваю я.

— Смотрю, куда докатил он нас, далеко он нас допятил.

И за его горькими словами я вдруг чувствую те две мучительные мысли, которые постоянно грызут храброе солдатское сердце: далеко он нас допятил, надо его остановить. И чем храбрее солдат, чем больше похож на такого, как Школенко, тем горше ему думать об этом, тем тяжелее ему отступать.

...Окопами изрыты степи, высятся над ними холмы блиндажей, ревут минометные залпы. Безымянна еще эта земля вокруг Сталинграда.

Но когда-то ведь и слово «Бородино» знали только в Можайском уезде, оно было уездным словом. А потом в один день оно стало словом всенародным. Бородинская позиция была не лучше и не хуже многих других позиций, лежавших между Неманом и Москвой. Но Бородино оказалось неприступной крепостью потому, что именно здесь решил рус-

ский солдат положить свою жизнь, но не сдаться. И поэтому там мелководная речка стала непроходимой, и холмы и перелески, с наскоро вырытыми траншеями стали неприступными.

В степях под Сталинградом много безвестных холмов и речушек, много деревенек, названий которых не знает никто за сто верст отсюда, но народ ждет и верит, что название какой-то из этих деревенек прозвучит в веках, как Бородино, и что одно из этих степных широких полей станет полем великой победы.

П. УЛЬЕВ

ИДЯ НА СОБРАНИЕ...

Они пробирались с большим трудом — комсомольцы-гвардейцы Н-ской части. Над их головами свистели пули, вокруг рвались вражеские мины. Но пробраться нужно — дисциплина! К тому же секретарь бюро сказал, что собрание будет очень важное.

И вот они все в сборе. Нет только секретаря. Его ждут с нетерпением, волнуются, но все знают, что уж если задержался, то по серьезному делу.

И, действительно, секретарь комсомольского бюро Михайлов опоздал по весьма уважительной причине. На собрание он спешил, чтобы, как всегда, притти первым, но...

За углом одного полуразрушенного дома перед ним будто из-под земли выросла здоровенная фигура фрица.

— Русс, сдавайся! — крикнул немец и схватился за пистолет.

Михайлов мгновенно вскинул винтовку и спустил курок. Немец попятился и, взмахнув руками, рухнул на засыпанный битым стеклом тротуар. Только тогда Михайлов разглядел, что это офицер.

— Ах, чорт возьми, — с досадой произнес Михайлов, — как же я не разглядел его сразу, надо бы живьем взять.

Подобрав полевую сумку с документами и оружие убитого, секретарь комсомольского бюро направился дальше. Попластунски переполз он одну улицу, быстро перебежал другую. И вдруг где-то почти рядом, застучало сразу не-

сколько пулеметов. Михайлов укрылся в развалины здания, прислушался, присмотрелся, заметил: «Ага, вот вы где, гады!». Немцы засели в одном из уцелевших домов и оттуда вели сильный пулеметный огонь.

Михайлов стал осторожно подкрадываться. Вот он уже у стены этого дома, вот — еще немножко вперед—и дверь в первый этаж. Михайлов делает ловкий прыжок и скрывается за дверью.

А пулеметы строчат, немцы ведут интенсивный огонь, простреливая нашу линию обороны.

— Скорее, скорее заткнуть им глотку!..

Раздается взрыв, другой, третий и пулеметы, захлебнувшись, смолкают. Михайлов забросал фашистов гранатами. Оставшиеся в живых, пытались бежать, выпрыгивали из окон. Он настиг их меткой пулей из винтовки.

И вот, наконец, дождались комсомольцы своего ответственного секретаря. Сразу посыпались вопросы, упреки:

— Где ты был?

— Почему задержался?

— А говорил, чтоб ни одного опоздавшего...

— Секретарю тем более опаздывать не положено.

Михайлов посмотрел на собравшихся, улыбнулся и сказал:

— Упрек, конечно, справедливый, секретарю опаздывать не положено, но задержался не зря, товарищи.

И он сообщил, что по дороге уничтожил 11 фрицев, в том числе одного офицера, захватил 4 пулемета и два миномета и что из-за этого пришлось возвращаться назад, чтобы доставить трофеи в штаб.

Затем, прерывая шумные возгласы одобрения, секретарь официально объявил:

— Итак, собрание считаю открытым.

Б. ПОЛЕВОЙ

НЕБО СТАЛИНГРАДА

Небо над Сталинградом высокое, просторное.

Еще недавно оно было чистым, дышало на город привольным степным покоем и окрашивало могучую волжскую гладь в великолепные голубые тона. Сейчас оно побурело от копоти взрывов от чада и гари пожарищ, и, отражая его,

Волга имеет теперь всегда, даже в самый ясный день, темный, грозовой, зловещий цвет. Небо Сталинграда стало ареной воздушных битв.

Немцы стянули к Сталинграду лучшие свои авиасилы. Геринг бросает в бой одну за другой группы лучших «ассов». Сейчас они летают над Сталинградом стаями, и, хотя часто численное превосходство бывает на их стороне, наши летчики смело принимают бой.

Вот обычный день боевой жизни воздушного бомбардира капитана Василия Ильича Дужего, замечательного вожака бомбардировочных групп, умеющего всегда провести своих ребят к цели и класть на нее бомбы одну за другой. Ранним утром он вылетел со своей группой, нашел в степи движущуюся к городу танковую колонну, ринулся вниз и разбил восемь немецких танков и много автомашин.

Не успела группа позавтракать, как летчиков снова вызвали к самолетам. Дужий доедал свой бутерброд в кабине, за рулем, самолета. На этот раз на пути у Волги его группу перехватили семь «мессеров». Стаей завертелись они вокруг бомбардировщиков, пытаясь разбить их строй. Группа отстреливаясь, упорно шла на цель. С земли самолеты казались связанными невидимыми нитями — так четок был их строй. В этой четкости была их неприступность. Огонь пулеметов одевал их невидимым панцырем. И вот с перерезанным очередью крылом, порхая, как осенний лист, полетел один «мессер». Факелом вспыхнул и рухнул второй.

Группа Дужего дошла до цели, нашла танковую колонну, с двух заходов разбила и разметала ее, не допустив к Сталинграду. Только после этого вернулись пилоты к прерванному завтраку. С набитыми ртами, веселые, возбужденные, они рассказывали товарищам о только что выдержанном сражении.

Вечером группа совершила третий в этот день полет, как выразился Дужий, «прогулку на сон грядущий». На этот раз ее перехватили тринадцать «мессеров». Бой завязался над самым городом, и каждый, наблюдавший его снизу, не мог без восхищения смотреть, как величественно плыли в воздухе бомбардировщики, атакуемые со всех сторон верткими «Мессершмиттами». А когда один за другим упали вниз три подбитых «мессера», наземные защитники города аплоди-

ровали воздушным, как будто дело было на спортивном стадионе, а не в разрушенном городе, где между развалин ных стен, превращенных в баррикады, свистели снаряды и стонали мины. И опять пилоты накрыли цель — вражеский эшелон с горючим. Семь дымных пожарищ взметнулись в небо.

В боях за Сталинград в военную технику вносится много нового, подсказанного опытом гигантской битвы. Сражаясь за Сталинград, наши бойцы творят новые методы боя, находят приемы наиболее полного и широкого использования мощи своей техники, так же, как в свое время стахановцы Сталинграда на его великолепных заводах творили новые, эффективные методы использования машин.

Воздушные битвы за Сталинград полны эпического героизма, самоотверженного и обдуманного.

Капитан Василий Иванович Яницкий вел группу на бомбежку немцев, рвавшихся к заводскому предместью. Осколком снаряда ему оторвало левую руку. Самолеты еще не достигли до цели. Капитан, стиснув зубы, собрав мускулы и нервы в комок, продолжал вести самолет одной рукой. Он вывел группу на цель, развернулся, накрыл немецкие танки и, только положив машину на обратный курс, тихо сказал штурману Василию Кочетову, которого в полку все почему-то зовут Сашей:

— Саша, я ранен. Бери управление. — И перед тем, как лишиться сознания, он добавил. — Сажать буду сам... Слышишь!

Истекая кровью, он помнил о долге, о товарищах, о том, что он ведущий и отвечает за их жизнь. Штурман, конечно, не послушал его, но, когда самолет стал делать вираж над аэродромом, пилот очнулся. На бледном лице его отразился гнев.

— Товарищ Кочетов, почему вы не выполнили приказания? — тихо, но раздельно сказал он и снова взялся за управление.

Группа, как всегда, села образцово. Яницкого без сознания вынесли из кабинки. Штурман рассказывал потом, что этот человек без руки тридцать пять минут сосредоточенно вел самолет. Тридцать пять минут! Разве можно сломить боевое упорство таких воинов?

Вас. ГРОССМАН

СТАЛИНГРАДСКАЯ ПЕРЕПРАВА

Волга... Темная вода бежит под облачным небом, холодом веет от нее. И едва сгущаются сумерки, из землянок, блиндажей, траншей, из тайных укрытий, выходят люди, держащие переправу. Это по ним немцы в последние недели выпустили 8.000 мин и 5.000 снарядов, это на них обрушилось за полторы недели 550 авиационных бомб. Земля на переправе вспахана злым железом.

В сумерках появляется темный, высокий силуэт перегруженной баржи. Хозяйским хриплым баском покрикивает буксирный пароходик. Словно по чьему-то слову, чудесно оживает все вокруг, жужжат буксующие в песке грузовики, красноармейцы, покряхтывая, несут плоские ящики со снарядами, бутылками с горючей жидкостью, патроны, гранаты, хлеб, сухари, колбасу, пакеты пищевых концентратов. Баржа оседает все ниже и ниже.

А немецкий огонь не прекращается ни на минуту. Но теперь он не прицельный, наблюдатели противника не видят, что происходит на берегу, не видят темной шири реки. Снаряды со свистом перелетают через Волгу, рвутся, освещая на миг красными вспышками деревья, холодный, белый песок. Осколки, пронзительно голося, разлетаются вокруг, шуршат меж прибрежной лозы. Но никто не обращает на них внимания. Погрузка идет стремительно, слаженно, великолепная своей будничностью.

Под огнем немецкой артиллерии люди работают, как работали всегда на Волге: тяжело и дружно. Их работа освещена пламенем горящего Сталинграда. Ракеты поднимаются над городом, и в их стеклянно-чистом свете меркнет мутное, дымное пламя пожаров. Тысяча триста метров волжской воды отделяет причалы лугового берега от Сталинграда. Не раз слышали бойцы понтонного батальона, как в короткой тишине над Волгой проносился приближенный, кажущийся издали печальным, звук человеческих голосов: — а-а-а... То поднималась в контратаку наша пехота и это протяжное «ура» пехоты, дерущейся в пылающем Сталинграде, этот вечный огонь, дымное дыхание которого доходило через широкую воду, придавали бойцам переправы силу творить свой суровый подвиг, в котором воедино слились

тяжкая будничная работа русского рабочего с доблестью солдата. Все они понимали значение своей работы.

Переправа питает сталинградские дивизии хлебом и снаряжением. Идут к Сталинграду баржи, лодки, тральщики, моторные катеры. Работал штурмовой мостик, навсегда переброшенный с острова на правый берег Волги.

Бойцы понтонного батальона все почти ярославцы. Живут ярославцы редкость дружно, большим братским землячеством. Заместитель командира батальона по политической части Пермяков сам волгарь, человек с темнокрасным от солнца и речного ветра лицом, находится на переправе с первого дня. Голос у него громкий, привыкший к команде, привыкший перекрикивать грохот рвущихся снарядов, — он даже во время беседы говорит, словно команду отдает.

— Эх, люди у нас в батальоне я даже не знаю, золото — люди. Гордятся — мы ярославцы. Недавно в газете статья была большая о Ярославле, так эту газету вконец зачитали, собрание устроили — обсуждали. «Про наш Ярославль как пишут!» И вот удивительная вещь — ведь работа на переправе, горькое дело, последние дни авиация тучей над нами висит, поверите ли, за один день насчитали мы тысячу восемьсот заходов, глохнешь от этого воя и рева, а люди так любят свой батальон, так своей работой гордятся, что заикнитесь только, чтоб откомандировать человека — трагедия будет.

С рассветом понтонный батальон отдыхает. Похрапывают в блиндажах и землянках бойцы под оглушительный рев немецкой авиации, с тупым бешенством карежущей землю.

— Как можно спать при такой бомбежке? — спрашиваю я бойцов.

— Да, вот спим, — говорят понтонеры, — день не поспишь, второй не поспишь, и потом ляжешь, да поустанешь как следует и все равно заснешь.

Люди на этом раскаленном берегу, зарывшись в землю, не изменяют чудесному строю своей простой души. Когда читаешь воспоминания о войне французов, англичан, американцев, все они пишут, что на войне в бою они становятся иными, что весь душевный мир их изменяется, что они переоценивают все ценности, что казавшееся им дорогим и близким, вдруг становится ненужным, смешным.

А русский человек, воюющий в пламени горящего, сотрясаемого взрывами Сталинграда, такой же неизменный,

ясный, простой, бесконечно скромный, каким знаем мы его в великом, мирном труде. Так же бережно хранит он письма, пришедшие из дальних деревень, так же любовно говорит о ребятишках своих и стариках, покуривает, вздохнет, задумается, когда ему не в меру тяжело, кипятит чаек среди развалин дома, окруженного немецкими автоматчиками, и верит в то, что добро, есть добро, что нет ничего сильней и выше в жизни, чем правда.

И здесь на переправе идет во время дневного отдыха обычная, прекрасная своей святой будничностью жизнь. Кухни, зарытые в землю, варят обед, русская печь, хитро и умело построенная в земле, печет пышный легкий подовый хлеб, и пекари посмеиваются, гордятся своим отличным мастерством. Бойко работает подземная баня, и отчаянно парятся в ней, лупцуют себя вениками бойцы сталинградской переправы, пока вокруг них, совсем рядом, рвутся тяжелые бомбы немецких пикировщиков. При слабом свете, проникающем в блиндаж, пишут бойцы письма, не забывают послать поклон всей близкой и дальней родне, чтобы, не дай бог, не обидеть невниманием деда Ивана Дмитриевича или бабку Марию Семеновну. А о себе пишут в этих письмах сурово и кратко: «Живу хорошо. Пока жив».

Часто бывает, что один человек воплощает в себе все особенные черты большого дела. И вот, по-моему, сержант Власов и есть выразитель суровой и будничной героичности сталинградской переправы. В этом высоком человеке, с темнокоричневым, узким горбоносым лицом, с тонкими губами и большими тяжелыми кистями рук, воплотились многие черты народного характера. Власов — человек долга. В колхозе народ в его бригаде покряхтывал иногда — очень уж суров был этот никогда не улыбавшийся, темнолицый человек, с карими, тяжело и ярко глядящими глазами. Дома ребята побаивались отца, бывал он строгонек с ними, и даже старший сын, служащий теперь в гвардии, робел, когда Павел Власов говорил ему: «Алексашка, гляди у меня, я не баловал в жизни, не вильнул ни разу, и ты не балуй!»

Власов был колхозным казначеем, на руках у него хранились большие тысячи. Когда колхоз сплавлял лес по Волге, Власова избрали главным бригадиром на плотах — уж больно хорошо знали его плотовщики. Получив извещение из военкомата, Власов пошел в правление, сдал все деньги

до копейки, отчитался в своей бригадирской работе, простился со стариками и сказал, уходя:

— Работал я честно, в колхозе не последним был, а убьют на войне за мной долгов не останется, во всем отчитался.

Дома он простился с семьей просто и сурово, словно уходил в поле или лес заготовлять, велел детям слушаться мать, писать, как справляются с работой. Взял он в мешок смену белья, стираных портянок и пошел в ночь, высокий, прямой, с плотно сжатыми губами, пошел, ни разу не оглянувшись на родную деревню,—человек могучей души, ни разу не слукавивший перед народом и самим собой, жестоко и неистово требовательный к другим и к себе.

Такие суровые души выковываются тяжким молотом векового труда, и можно было бы их назвать жесткими, не будь они столь бескорыстно преданы правде, труду и долгу. Таких людей, как Власов, немало в нашем народе, и вряд ли думали немцы о них, начиная поход против России, — эту железную породу невозможно ни согнуть, ни сломать. Они, Власовы, выразители не доброты и мягкости народного характера, они носители суровости, непримиримости, неистребимой, неистовой силы русской народной души.

Здесь на волжской переправе во всю высоту распрямилась фигура Власова. В долгие осенние ночи, глядя на сумрачные лица бойцов, переправлявшихся через Волгу, на тяжелые танки и пушки, поблескивавшие в свете горящих нефтехранилищ, глядя на сотни раненых в рыжих от пропитавшей их крови, изодранных осколками шинелях, прислушиваясь к мрачному вою германских мин и к далекому протяжному «ура» нашей пехоты, поднимающейся в контратаки, думал Власов одну большую думу.

Вся сила его духа обратилась к одной цели: держать переправу нашего войска. Это святое дело. Оно стало единственной целью, смыслом его жизни. И народ, породивший людей, подобных Власову, должен победить в войне за свободу. Всякий человек, мешавший работе переправы, становился для Власова смертным и вечным врагом, будь он хоть сын ему, хоть брат.

Был такой случай. Немцы разбили пристань на правом берегу. Власову с его отделением приказали на быстроходном моторном катере переправиться через Волгу, исправить причал. День был ясный, светлый, и немец, едва увидев

катер, открыл огонь — вода вскипала от частых, жестоких разрывов.

Шофер-моторист Ковальчук изменил курс, причалил к острову и сказал: — Вылезайте, на тот берег не пойду, мне жизнь дороже разных там причалов.—Как только ни просил, ни уговаривал его Власов! — Вылазь, к чертям собачьим, — кричал Ковальчук, — я на переправе работать не буду. лучше в плен попасть, чем здесь работать.

Власов рассказал мне об этом случае тяжелыми, медленными словами...

— Ну, а приговор ему я сам привел в исполнение...

Власов замолчал. В нем, в этом сорокалетнем человеке, отце шестерых детей, человеке великого и тяжкого трудового долга, словно воплотилась гневная сила нашего народа.

Вот сержант Власов стоит на носу тяжелой баржи, медленно плывущей через Волгу. На барже снаряды, гранаты, ящики с горючей жидкостью, на барже четыреста красноармейцев. Эта баржа идет днем, положение таково, что некогда дожидаться ночи. Власов стоит, прямой, угрюмый, и смотрит на разрывы снарядов, пенящие воду.

Он оглядывает молодых бойцов, стоящих на барже. Он видит: людям страшно. И сержант Власов, человек с черными, начавшими серебриться волосами, говорит молодому бойцу: «Ничего, сынок. Хоть бойсь, не бойсь, нужно!».

Тяжелый снаряд прошипел над головой и взорвался в десяти метрах от баржи, несколько осколков ударилось о борт.

— Сейчас угодит, подлец, по нас, — сказал Власов и посмотрел на бойцов, легших вдоль борта. Мина пробила палубу недалеко от выезда, проникла в трюм и там взорвалась, расщепила борт на метр ниже воды. Наступил страшный миг. Люди заметались по палубе. И страшней вопля раненых, страшней тяжелого топота сапог, страшней, чем разнесшийся над водой крик: «Тонем, тонем!», — был глухой и мягкий шум воды, ворвавшейся в развороченный борт баржи. Катастрофа произошла посередине Волги. И в эти страшные минуты, когда в полуметровую дыру хлестала вода, когда страх смерти охватил людей, сержант Власов сорвал с себя шинель и страшным усилием, преодолевая напор воды плотной, словно стремительный свинец, сильной, словно вся Волга напружилась своим огромным, тяжким телом, чтобы

прорваться в пробоину, он втиснул свернутую клином шинель в эту пробоину, навалился на нее грудью. Несколько мгновений, пока подоспела помощь, длилось это единоборство человека с рекой. Пробоину забили. Власов уже был наверху, он перевалился всем телом за борт. Сержант Дмитрий Смирнов держал его за ноги, а Власов с лицом, налившимся темной кровью, шпаклевал мелкие пробоины паклей...

Боеприпасы, четыреста бойцов достигли сталинградского берега.

Лицо Власова спокойно и неподвижно, яркие карие глаза его смотрят прямо на меня, впалые щеки и прямой рот придают всему облику его выражение скорбное и суровое.

...Днем переправа не работает. Днем безлюден и берег, пустынна Волга, темная вода бежит под облачным осенним небом. Унли точно под воду огромные баржи, тральщики, буксирные пароходы, моторные и весельные лодки. Лишь изредка промчится среди бурунов пены, резко меняя курс, быстроходный моторный катер с мощным зисовским мотором. Гудит берег от бомбовых разрывов, летят в воздух тучи земли, дыма, желтая листва осенних деревьев. Зловеще свистят над водой снаряды тяжелых немецких орудий. Но наступает вечер — и снова работает переправа...

Вс. ВОЛЬХОВИК

ТРИДЦАТЬ ТРИ БОГАТЫРЯ

Изумительный подвиг, совершенный 33 бойцами нашего фронта, остановившими колонну 70 немецких танков, облетел все части и подразделения. Защитники Сталинграда с уважением произносят имена этих славных героев.

Вот в какой обстановке сражались храбрецы.

Немцы с хода атаковали позиции, где находились младший лейтенант Стрелков, младший политрук Евтифеев, зам. политрука Ковалев и 30 бойцов. Встретив огневое сопротивление, гитлеровцы отошли и стали искать слабое место в нашей обороне. Врагу удалось нащупать слабину в соседнем подразделении, и немецкие танки ринулись в тыл наших бойцов. Скоро они замкнули кольцо.

33 воина оказались в полном окружении. Положение создалось трудное. Почти для всех их это был первый бой.

Многие из них впервые видели живого немца, его танки, самолеты.

Каждый должен был испробовать свои нервы. Не надломится ли воля? Не дрогнет ли душа?

Но слабых волей и малодушных не оказалось.

— Друзья! — сказал заместитель политрука Леонид Ковалев. — Дело обстоит так: или немец нас, или мы его. Я думаю — мы его! Он рвется к Сталинграду. Но видеть ему города, как своих ушей. Будем же драться до последнего вздоха. И если умрем, то со славою и доблестью.

Бойцы дружно поддержали заместителя политрука. Это была непоколебимая клятва, твердая, как гранит. Сознание долга, священная клятва родине руководили воинами на поле боя, рождали умение, дерзость и отвагу.

Вскоре немцы бросили в атаку 70 танков и много мотопехоты.

Когда танки приблизились, меткий огонь открыли бронебойщики. Но фашисты, обходя подбитые машины, лезли вперед. Вот отдельные танки уже у окопа. Один из них перевалил через щель, осыпав бойцов землей. Но дальше он не пошел. Красноармеец Семен Калита высунулся из окопа и метнул бутылку с горючей смесью. Танк запылал.

Пример Калиты воодушевил всех. В ход пошли бутылки с горючей смесью — этот страшный для врага род оружия в ближнем бою. Калита двумя бутылками зажег еще два танка. Немцы вылезали из горящих машин и падали, сраженные меткой очередью автоматчика Василия Матюшенко. Тремя бутылками сжег три танка младший сержант Владимир Пасхальный.

Чем ближе подходили танки, тем яростнее дрались против них бойцы. И фашисты не сломили их в бою. Враг откатился, оставив 13 горящих танков и свыше трех десятков солдат и офицеров.

Так бесславно закончилась первая атака фашистов. Бойцы не имели потерь. Они на деле теперь убедились, что никакой враг не устоит перед воином, решившим защищать свой рубеж стойко, до последних сил.

Скоро фашисты пошли в новую атаку. Основной удар они направили во фланг связистам. Но рубежи были укреп-

лены с расчетом на круговую оборону. И защищать их бойцы могли с одинаковой силой, откуда бы враг ни сунулся.

Младший политрук Евтифеев приготовил бронебойку, подсчитал патроны. Их осталось 20.

«По два патрона на танк — не больше»,—подумал он.

Танки шли развернутым строем. Подпустив их поближе, Евтифеев выстрелил 6 раз подряд и подбил 4 танка. Связисты по примеру своего командира один за другим выводили из строя вражеские машины.

Но вот кончились патроны. А один танк подошел вплотную к окопу. Сержант Фомичев взял противотанковую гранату. Припав к стенке окопа, Фомичев внимательно следил за танком. Взгляды всех устремлены на сержанта. Танк все ближе и ближе.

Кто-то не вытерпел и крикнул:

— Ну, бросай же, чего ждешь?!

Но Фомичев не спешил. Граната последняя, и ударить ею надо наверняка. Когда танк подошел на расстояние семи метров, Фомичев выпрямился и метнул гранату. Танк остановился.

— Готов!—радостно вырвалось из уст каждого.

Два дня фашисты ожесточенно штурмовали позицию храбрецов. И ни одна атака не удалась. Бойцы зорко следили за врагом, во-время разгадывая его уловки и маневры, смело расстраивали его планы.

33 воина сражались, как львы, не зная усталости. Кончились продукты. Вышла вода. Солнце и степной ветер разжигали жажду. Но богатыри думали не об этом. Им родина приказала держать рубеж. И они два дня держали его, хотя немцы окружили их со всех сторон и положение, на первый взгляд, казалось безвыходным.

Среди тридцати трех не было трусов и паникеров. Каждый дрался с врагом так, как диктовал ему долг воина, патриота своей родины.

По два и три танка сожгли заместитель политрука Леонид Ковалев, младший сержант Михаил Мингалев, младший лейтенант Георгий Стрелков, младший сержант Владимир Пасхальный, красноармейцы Сергей Прошин и Василий Матюшенко.

Многие сожгли по одному танку — старшина Дмитрий Пуказов, красноармейцы Иван Тимофеев, Никифор Иус, Николай Власкин и другие.

И не было среди 33 таких, которые не истребили хотя бы одного немца. Подносчик патронов Филипп Жезлов был ранен (единственный урон, причиненный немцами нашим храбрецам), но и он принял участие в жестоком бою.

33 богатыря выстояли. Они повторили подвиг 28 гвардейцев-панфиловцев, имена которых стали бессмертными в нашем народе. Они сожгли 27 танков и истребили свыше 150 фрицев. Они преградили путь врагу. Они покрыли новой славой наше воинское знамя.

Честь и слава им, доблестным защитникам Сталинграда!

М. РОЗОВСКИЙ

ЛЮДИ ОДНОЙ ВОЛИ

Бойца - узбека Назарова в подразделении считали погибшим.

— Был бы жив — вернулся. Не такой парень Назаров, чтобы сдаться в плен, — говорили его боевые товарищи.

Трое суток спустя Назаров пришел в свою часть. Точнее, часть пришла к нему. Очищая ложбину за отвоеванной высотой, бойцы продвинулись вперед. Назаров оказался здесь. Смеясь и плача, бежал он навстречу своим. Ствол его винтовки был еще горяч от выстрелов. Когда боец отдохнул, мы узнали подробности трехдневного пребывания Назарова в тылу врага.

Было так. Наступая вместе со своим подразделением на высоту, Назаров оторвался от товарищей. Внезапно могучее «ура», сопровождавшее нашу атаку, стихло. Назаров остановился, осмотрелся. Справа, из амбразуры дзота, стучал немецкий крупно-калиберный пулемет, слева и сзади двигались немцы. Враги не заметили красноармейца. Он стрелой кинулся в какой-то ровик и замаскировался там. Полностью оценил выгодность своего положения. Он видел все, оставаясь незамеченным. Он мог истреблять гитлеровцев одиночными меткими выстрелами, тонущими в общем гуле сражения.

Когда мимо ровика шли одиночные немцы, Назаров, не-

спина, прицеливался и стрелял. Гитлеровцы убирали труп и все грозились в сторону высоты, изрыгавшей огонь.

Трое суток без пищи и воды просидел узбек в своем укрытии, и ни разу мысль об отходе не приходила ему в голову. «Все равно, мое подразделение придет сюда, — сам себя успокаивал боец в долгие холодные ночи. Кругом рвались снаряды, засыпая его землей. Назаров улыбался: «Наши бьют!»

Когда под утро четвертых суток наше подразделение пошло в атаку, Назаров покинул свой ровик. Он стал во весь рост. Заложив в винтовку последнюю обойму, с четырех выстрелов уложил четырех гитлеровцев, бежавших на него из окопов, и стремглав кинулся навстречу к товарищам.

Многоязыка, многонациональна армия, ведущая бои с гитлеровцами северо-западнее Сталинграда. Плечо к плечу с уральцами, сибиряками, москвичами, великую русскую реку Волгу, защищают сыны знойного Узбекистана и Таджикистана, казахи, грузины, татары.

Бойцы — участники сражения между Доном и Волгой — знают о славных делах минометного взвода казахов. За день боя это подразделение под командой тов. Абишева уничтожило четыре вражеских пулеметных точки, разбило полковую кухню немцев, разогнало, истребило свыше взвода автоматчиков. В историю войдут подвиги танкиста-осетина лейтенанта Гаджиева, двое суток не выходившего из боя на своем легком танке. Прорвавшись в тыл врага, Гаджиев уничтожил семь немецких противотанковых орудий с расчетами. Возвращаясь назад, Гаджиев увидел окоп, в котором укрылось несколько немецких автоматчиков. Окоп был глубок. Пулеметным огнем из танка никак не удавалось истребить немцев. Тогда Гаджиев открыл люк, вылез из него и метнул в окоп четыре гранаты...

Не умолкает гул сражения в приволжской степи, под Сталинградом. Дрожит, истерзанная земля, свистят в холодном, осеннем воздухе пули. Вперед, цепями продвигаются наши бойцы. На штурм очередной высоты, очередного дзота.

Русский, узбек, лезгин, казах, грузин идут в огонь сражений, объединенные одним мужеством, одной волей к победе.

Участники обороны Царицына—старые кадровые рабочие Н-ского завода—*Федор Кузьмич Кривошеев* (слева) и *Иван Федорович Новиков* защищают Сталинград.

Фото Е. Копыта.

Микола РУДЬ

ТАМ, ГДЕ СРАЖАЛСЯ КОЛЯ РУДНЕВ

1. ПРЕЕМНИКИ

Снова октябрь. И тронутые пламенем войны осенние ветлы, и темная, набухшая Волга. Тот же огромный простор, золотые березки на левом берегу и даль. Безграничная даль России.

Здесь, на кряже гористого правобережья, октябрьский рубеж 1918 года. Потомки наши и летописец обороны Царицына и защиты Сталинграда взойдут на песчаные сопки и с благоговением обнажат головы.

— Здесь. — скажут они, — родилась немеркнущая слава героев Царицына и Сталинграда.

В середине октября 1918 года на этих сопках сражался Николай Руднев.

Смелыми Сталин гордится. Талантливый начальник формирования и обучения 10-й армии, 23-летний Николай Руднев был смел. Самоотверженный молодой командир был любимцем своей армии, любимцем Сталина и Ворошилова. В дни второго окружения Царицына судьба города висела на волоске. На южном участке фронта, на самом решающем месте боя, 15 октября, два полка предательски открыли подступы к городу. Белогвардейцы усилили натиск. Часть красноармейцев начала стремительно откатываться. Неприятельская разведка захватила наше оружие. Артиллерии и без того было мало.

Николай Руднев немедленно прибыл на место боя. Он собрал вокруг себя горстку храбрецов и бросился на врага. Они дрались, как львы. Орудия были отбиты и обращены против врага. Белые были прижаты к земле. Прорыв был ликвидирован. Но Коля был смертельно ранен.

На песчаной земле, обильно политой кровью защитников Царицына, взошли пышные сады, светлые дворцы крышами поднялись к облакам.

И снова октябрь, и Волга, и Сталинград. На рудневском рубеже стали преемники Николая Руднева. Встали по его завету грудью защищать город и реку.

Пепел сожженного немцами Сталинграда стучит в сердце Сергея Тепляева. Сергей, как и Руднев, родился в русской избе, и Россия была его колыбелью. Сама земля этого рубежа, где стоят двадцатилетний Тепляев и его ровесник Евгений Кузнецов, взывает: «Стоять насмерть!» И они стоят.

Тепляев и Кузнецов — друзья, молодые большевики, смелые автоматчики. Едят из одного котелка, вместе ходят в засаду. Они были ранены и сделали друг другу перевязки. В часы скупого солдатского отдыха поют любимые песни, вспоминая далеких девушек, и шлют в тыл письма за двумя подписями.

* * *

Был один из крутых поворотов боя.

В смертельной схватке грудь с грудью сцепились гитлеровский офицер и советский боец. Красноармеец, не разжимая рук, сомкнутых на шее офицера, вместе с поверженным врагом упал на сухой бурьян. Задохнувшийся немец выпучил глаза. Вокруг валялись трупы немцев и румын.

Бойца пытались захватить живым. Его окружали. Он отбился. Он оказался одним из солдат 1918 года.

— Я умру, ребята, — тихо прошептал он наклонившимся товарищам, — и не перевязывайте... Не смейте отступать. Земля эта священна: в этом поселке погиб Руднев...

И весть эта обошла соседние батальоны переднего края. И в дым, и в жаркое пламя боя, казалось, ворвался ветер 18-го года, и в памяти встали взгорья и поселок, летящие бурки и клинки сталинской дивизии, и бронепоезд Алябьева.

Убийственный артиллерийский огонь не давал поднять головы. Враг пытался задержать наши контратакующие цепи. И сказал тогда Теняев, указывая на артиллерийскую позицию германо-румын:

— Я подавлю их орудия.

Он отправился вместе с Кузнецовым. Возможно впервые за дни войны друзья-автоматчики нарушили боевой приказ, отправившись в тыл врага раньше назначенного срока.

Бывалый воин чутьем своим предугадывает близкую схватку. Сильнее бьется сердце, хочется скорее настигнуть врага, схватиться с ним, уничтожить. Сергея манили в тыл немцев пробудившаяся жажда подвига, желание отличиться на этом взгорье, ударить врага так, чтобы он надолго запомнил задволжские курганы.

Ощупывая привычную тяжесть автоматов, захватив гранаты, с Теняевым и Кузнецовым шагали по неровному дну буерака Брицын и боец из недавно пришедшей матросской роты.

И пока по нашим танкам и пехоте вели огонь вражеские пушки, Сергей скрытно пробирался к их расчетам, заходя на огневые позиции с тыла. Пушки ухали уже совсем близко. Расстояние можно было преодолеть несколькими перебежками. Но товарищи стояли у разделяющегося надвое буерака. Дальше необходимо было ползти.

Егор, остерегаясь упрека во взгляде и жестах Сергея, старался не дышать. Проходили томительные минуты. Новичок чуть не погубил все дело. Приблизившись к огневой позиции, он заметил, как будто выпачканные сажей, рожи.

— Гля, да это ж мамалыжники! — вскрикнул Егор и, спохватившись, первый метнул гранату.

Рукопашная завязалась внезапно. Из двух заряженных пушек немцы не успели выстрелить. Гитлеровцы дали несколько очередей из автоматов, но было поздно. Орудийную прислугу бойцы успокоили гранатами. Одна за другой умолкли пушки.

Бойцы повернули пушки против врага.

— За Сталинград — осколочными! — воскликнул Тепяев. Раненый, он сам подносил снаряды. Как умел, наводил, сам стрелял.

Егор подносил восемьдесят третий снаряд. Пот градом катился по его вспухшему лицу. Но, оглядываясь, в глазах товарищей он видел увлечение и упрямство, какую-то особенную решительность. Разгоряченный и мятежный, хлопотал у пушки Тепяев. Гремели залпы. Сквозь время они перекликались с рудневскими.

На октябрьском рубеже восемнадцатого стояли солдаты девятьсот сорок второго года.

2. ДЕВУШКА ИЗ РОГАЧЕВА

«И девушка наша в походной шинели». Мы помним песни и легенды о девушках Каховки и Царицына, Москвы и Запорожья. Мы их поем. Битва у Сталинграда вызовет к жизни новые песни. Легенды и сказания о девушках из Сталинграда перейдут в века.

И мы, отвоевав, будем петь эти песни. И сердце затрепещет, сожмется тихой грустью. Выплывут и встанут огромные зарева над Волгой. Августовские и октябрьские. Станет почти ощутимым запах родной сожженной земли и пролитой дымящейся крови. И кто же не вспомнит, не увидит в облаках заката зеленый платочек фронтовой подруги?

В походной шинели, в больших сапогах они, наши подруги, идут с нами по изрытым дорогам войны. И нежную ласку проносят сквозь пламя боев для друга, и страшную ненависть для врага. И нет для них ни дня, ни ночи, ни покоя, ни отдыха.

Как воины, они переносят тяготы военной страды, превратности кочевой жизни, испивают полную горечь несчастья народа.

На Галину Михейкову горе обрушилось неожиданно, в самом начале немецкого нашествия. Оно настигло ее в полисаднике, за учебником по анатомии. Услышав слово «немцы», девушка босиком бросилась в лес.

Гитлеровцы жгли Рогачев, поголовно вырезали его жителей. Возвратившись домой, Галина не нашла матери и младших братьев. Мать немцы зарезали, братьев сожгли, а дом догорал.

Но, как ни тяжело было горе, оно не пошатнуло Галину. Отряхнув прах родной земли, она пошла сражаться рука об руку с воинами. В Одессе она из автомата истребляла румын. Сражалась в Крыму. Михейкова первой устремилась в атаку на румын, пытавшихся окружить тыл части. В другой раз она вступила в единоборство с вражеским танком, прорвавшимся на наш фланг. О последнем ее подвиге до сих пор говорят в части. В окопах оказалась единственная бронебойка. Противотанковых гранат не было. Танк шел на бойцов.

— Дайте мне прибить эту черепаху! — сказала Михейкова. Бронебойку она почти вырвала из рук.

— Лечь! Пусть он пройдет через нас!

Бойцы залегли в окопе. Машина, лязгнув гусеницами, развернулась, рванулась на укрытия. Как только танк прогрохотал, прижав бруствер окопа, Михейкова поднялась. Грохнул выстрел. Он был точен.

Мало слов, и язык скуп для рассказа об этой девушке...

Сегодня Галина защищает Сталинград. У нее нет автомата, у нее другое оружие — она спасает раненых воинов.

В одном многодневном бою Михейкова перевязала всех раненых. С оружием вынесла пятьдесят четыре. Остальные остались в строю.

Под вечер в последний день боя пошел дождь. Он не стихал всю ночь. Землянку залила вода. Вспотевшая и разгоряченная, Галина продрогла. Как ее унесли в тыл, она не помнила.

«Сестра заболела»... И будто солнце утреннее затомилось. Суровые воины загрустили. Казалось, потеряли родное и невозвратимое.

Радостен был день возвращения! Из окопа в окоп передавали:

— Галя пришла! Галя на рубеже!

3. ЖАЖДА МЕСТИ

Недавно один фриц в неотосланном письме из-под Сталинграда жаловался: «Волга рядом, но вот уже два месяца мы ведем бои, а подойти к ней не можем. Русские дерутся отчаянно».

Гитлеровским мерзавцам не дано понять того благородного чувства, которое ведет наших воинов на битву. Это—пламенная ненависть к врагу. Ненависть беспредельная, неугасимая. Мстящему за поругание своей земли, за страда-

ния своих близких день не в прок, если он не убьет гитлеровца.

Жажда мести умножает наши силы, воспитывает и закаляет волю, поддерживает наш дух в огне. Нашим воинам неведом страх.

Взяв гранаты, автоматчик Гайдай ночью пошел в разведку, чтобы подготовить захват обгоревшего танка с засевшими в нем гитлеровцами.

Выйдя далеко вперед, разведчик наткнулся на огневые гнезда врага. Пули обожгли его тело, Гайдай упал.

Зеленый свет фонаря осветил бледное лицо разведчика. Это подошли немцы. Сочтя советского бойца мертвым, гитлеровцы обшаривали его карманы. Гайдай притаил дыхание. Ему было 19 лет, он хотел жить, воевать, бить немцев. При немцах нельзя стонать, подавать признаков жизни. Они будут жечь на медленном костре, замучают до смерти. И боец сдержался. Сняв с бойца пилотку и сапоги, фашисты ушли.

Всю ночь Гайдай бредил в жару, и только утренняя изморозь охладила его запекшиеся губы. Боец пришел в себя. Собрав силы, он проверял память на окружающих предметах и ориентирах, с трудом, как подбитая птица, приподнимая стяжелевшую голову.

До вечера он успел запомнить ближние огневые очаги переднего края немцев. Когда же на землю спустилась ночь, Гайдай сделал попытку передвинуться.

Хватит ли сил уйти, отползти от смерти, от плена, от немцев? Напрягая последние силы, боец медленно полз на юг, в направлении наших ближних укрытий. В час проползал не более десяти метров. Гайдай рассчитал, что ему понадобится еще две ночи, пока он доберется до наших окопов.

Около полуночи его подобрали наши разведчики. В нем не угасал огонек жизни. Утром минометчики по схеме, сделанной по рассказу Гайдая, начали накрывать и взламывать огневые точки врага. С наступлением темноты наши блокировали и танк.

Гайдай — рядовой советский солдат 42-го года. Подвиг во славу родины стал для каждого русского воина делом чести.

Каждый камень Сталинграда вопиет: отомсти! Израненный город, гордый и непреклонный, не обронил обнаженного меча, не склонил огневых знамен! Нет! Не отступили ни на шаг его защитники, они обратили врага вспять!

Мы были на переправе. В воду плюхались мины. Молодой боец из нового пополнения переправлялся впервые. «Ну, брат, рубежок. Так и гляди...» Он ошибся. Линия обороны была дальше.

С дороги был заметен сизый дымок предприятия. Там работали люди. Здание, в котором они трудились для нужд фронта, напоминало дот. День и ночь по нему били вражеские орудия. До темна из покарежённых снарядами труб струился слабый дымок. Почью валили черные тучи копоти. Стены корпуса были будто оспой изрыты прямыми попаданиями. Снаряды часто разрывались в здании.

Из поселка по исковерканным воронками улицам сюда шли рабочие. Их провожали у порога и ожидали у калитки. Они шли на огневые позиции. Возвращались домой для короткого сна.

По заржавленным рельсам железной дороги в тылы передовых частей двигалась «кукушка». Машинист не ожидал, когда откроется семафор. Он перебит осколками. Водитель локомотива был теперь и начальником станции, и диспетчером. Земля фронтовой зоны жила и сопротивлялась.

И боец проникся уверенностью в себя, в свои силы. Он смело пошел вперед, навстречу врагу.

И молодые воины вступили в бой, вдохновленные тем, что воюют все, весь народ, что огневой рубеж, где в годы обороны Царицына сражался и Коля Руднев, проходит сквозь сердце советского человека.

Этот рубеж — отвага Тепяева, ненависть Михейковой, жажда мести Гайдая. Он незыблем.

Вас. ГРОССМАН

СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА

Месяц тому назад одна наша гвардейская дивизия своими тремя стрелковыми полками с артиллерией, обозами, санитарной частью и тылами подошла к рыбачьей слободе на восточном берегу Волги, напротив Сталинграда. Марш был совершен необычайно стремительно — на автомашинах. День и почь пылили грузовики по плоской заволжской степи. Коршуны, садившиеся на телеграфные столбы, становились серыми от пыли, поднятой движением сотен и тысяч колес

и гусениц, верблюды тревожно озирались: им казалось, что степь горит, — могучее пространство все клубилось, двигалось, гудело, воздух стал мутным и тяжелым, небо заволокло красной ржавой пеленой, и солнце, словно темная секира, повисло над тонущей во мгле землей.

Дивизия почти не делала остановок в пути, вода вскипала в радиаторах, моторы грелись, люди на коротких остановках едва успевали глотнуть воды и стряхнуть с гимнастерок тяжелую, мягким пластом ложившуюся пыль, как раздавалась команда: «По машинам!», и снова моторизованные батальоны и полки, гудя, двигались на юг.

Стремительность движения захватила всех — и бойцов, и водителей, и артиллеристов. Только генералу Родимцеву, казалось, что его дивизия движется слишком медленно, он знал, что в эти дни немцы подошли вплотную к Сталинграду. И генерал торопил дивизию, сокращал и без того короткие остановки. Напряжение его воли передавалось тысячам людей — им казалось, что вся их жизнь состоит в стремительном, день и ночь длящемся походе.

Дорога повернула на юго-запад, и вскоре стали попадаться клены и вербы с красными стройными ветвями, с узкими серебристо-серыми листьями, вокруг раскинулись большие сады, засаженные приземистыми яблонями. И одновременно с приближением к Волге, дивизия увидела темное высокое облако — его нельзя было спутать с пылью, оно было зловещим, тяжелым и черным, как смерть: то поднимался над северной частью города дым горящих нефтехранилищ. Большие стрелы, прибитые к стволам деревьев, указывали в сторону Волги, на них было написано: «Переправа».

Дивизия подошла к Волге в грозные для Сталинграда часы. Нельзя было дожидаться ночной переправы — люди торопливо сгружали с машин ящики с оружием и патронами, вместе с хлебом получали гранаты, бутылки с горючей жидкостью, сахар, колбасу.

Нелегкая вещь быстро переправить через Волгу дивизию, когда в небе носятся желтые осы — «мессеры», когда немецкие пикировщики бомбят берег...

Но дух стремительного движения, принятый дивизией на марше, воля к сближению с противником помогли справиться с этой задачей. Люди грузились на баржи, паромы, лодки. «Готово?» — спрашивали гребцы. «Полный, вперед», — кричали капитаны катеров, и серенькая, подвижная полоска

зыбкой воды, между бортом и берегом вдруг начинала расти, шириться, волна тихо поплескивала у носа суденышка и сотни глаз напряженно, внимательно глядели, то на воду, то на поросший начавший желтеть листвой низовой берег, то туда, где в беловатой дымке высился сожженный город, принявший жестокую и героическую судьбу.

Баржи колыхались на волне, и людям стрелковой, земной дивизии иногда становилось страшно от того, что враг всюду, а они встречаются с ним, не чувствуя успокаивающей прочности земли под ногами. Невыносимо прозрачен и чист был воздух, невыносимо ясно синее небо, безжалостно ярким казалось солнце, обманчиво неверной текучая, плоская вода. И никого не радовало, что воздух чист, что поздри ощущают речную прохладу, что воспаленных от пыли глаз касается нежная влажность дыхания Волги. На баржах, паромах, катерах и лодках молчали. Головы тревожно поворачивались, все глядели на небо.

— Пикирует! — крикнул кто-то.

Метрах в пятидесяти от баржи вдруг выгнало из воды высокий тонкий голубовато-белый столб с рассыпчатой вершиной. Столб обвалился, обдав людей обильными брызгами. И тотчас еще ближе вырос и обрушился второй столб, за ним третий. А в это время немецкие артиллеристы открыли беглый огонь по начавшей переправу дивизии. Снаряды рвались на поверхности воды, и Волга покрывалась рваными пенными ранами, осколки застучали по бортам баржи, тихо вскрикивали раненые, так тихо, словно старались скрыть ранение от друзей, врагов, самих себя.

Был страшный миг, когда тяжелый снаряд ударил в борт небольшого парома. Блеснуло пламя, темным дымом закрыло паром, послышался звук взрыва и протяжный, точно родившийся из этого грохота, людской вскрик. И тотчас тысячи людей увидели, как среди покачивающихся на воде древесных обломков зеленеют тяжелые стальные каски плывущих. Двадцать гвардейцев из сорока на пароме погибли.

Ночью переправа продолжалась, и никогда, пожалуй, сколько существует свет и тьма, люди так не радовались мраку сентябрьской ночи. Генерал Родимцев провел ее в напряженной деятельности.

За время войны Родимцеву пришлось пройти через много испытаний. Его дивизия дралась под Киевом, она выбивала из Сталинки прорвавшиеся эсэсовские полки, она не раз раз-

бивала кольцо окружения, переходя от обороны к бешеным атакам. Темперамент, сильная воля, спокойствие, быстрота реакции, уменье наступать, когда всякому другому кажется, что о наступлении и мечтать нельзя, военная опытность и осторожность сочетающиеся с личным бесстрашием, — черты военного характера молодого генерала. И характер генерала стал характером его дивизии.

Мне часто приходилось встречать в армии больших патриотов своего полка, батареи, танковой бригады. Но нигде, пожалуй, не видел я такой привязанности к своей части, такого патриотизма, как здесь. Он носит трогательный характер. В дивизии гордятся, конечно, в первую очередь своими боевыми делами, гордятся своим генералом, своей техникой. Но если послушать командиров, то нигде нет такого повара, умеющего мастерски печь пирожки, такого парикмахера, который не только замечательно бреет, но и артистически играет на скрипке. Когда кого-нибудь хотят пристыдить, говорят: «Что ты, ей богу, делаешь, ведь в нашей-то дивизии...» Часто также слышишь: «Вот скажу генералу... генерал будет доволен... генерал будет огорчен.» Ветераны, как они себя называют, рассказывая о больших военных делах, обязательно вставят в разговор: «Да уж так повелось, наша дивизия всегда дерется на самых ответственных участках». Раненые в госпиталях беспокоятся, как бы их не отправили в другую часть, пишут письма товарищам...

Может быть, в эту ночь, когда последние подразделения переправились в Сталинград, генерал подумал что дружба, связывающая людей, поможет ему воевать в этой исключительно своеобразной и тяжелой обстановке.

Действительно, трудно было бы придумать более сложную и неблагоприятную картину начала боя. Дивизия, вступая в Сталинград, разделялась на три части: во-первых, тылы ее и тяжелая артиллерия оставались на восточном берегу, отделенные от полков Волгой; во-вторых, полки, переправившиеся в город, тоже не могли держать сплошной линии фронта, так как немцы уже стояли между двумя полками — переправившимися в заводском районе и полком, переправившимся ниже по течению.

Я убежден, что именно это чувство своего «дивизионного» патриотизма, любовь, привычка, связывающая командиров, некое единство военного стиля, единство характера дивизии и ее командира в большой степени помогли разъединенным под-

разделениям действовать не вразброд, а как стройному целому, установить связь, взаимодействие и, в конце концов, блестяще решив общую боевую задачу, создать непрерывную линию фронта всех трех полков и образцово наладить снабжение боеприпасами и продовольствием.

В самом городе положение было тяжелым: немцы считали, что занятие Сталинграда вопрос дня, может быть часов. Главной силой обороны являлась, как часто это бывает в тяжелые времена, наша артиллерия. Немцы боролись с ней с помощью автоматчиков — условия уличных боев позволяли незаметно подкрадываться к пушкам и внезапными очередями выбивать расчеты. Немцы вот-вот собирались вырваться к берегу и опрокинуть нас в Волгу. Но недаром день и ночь шли в клубах пыли машины, недаром шли вперед полки...

На утро генерал Родимцев переправился в Сталинград на моторной лодке. Что должна была предпринять дивизия, вступившая в строй обороняющих Сталинград войск? Дивизия, тыл которой находился за Волгой, командный пункт в пяти метрах от воды, а один полк был «отжат» немцами от остальных полков. Занять оборону, начать срочно окапываться, укрепляться в домах? Нет, не это. Положение было настолько тяжелым, что Родимцев прибег к иному, грозному, уже испытанному им под Киевом средству—он начал наступать! Наступать всеми полками, всеми средствами своего могучего огня, всей силой своего умения, всей стремительностью. Он начал наступать всей силой горького гнева, охватившего тысячи людей, увидевших в красном свете восходящего солнца тяжко-израненный немцами город, с его белыми домами, чудесными заводами, широкими улицами и площадями. Солнце восхода, словно огромный налившийся кровью скорби и гнева глаз, смотрело на бронзового Хользунова, на орла с одним простертым крылом над обвалившимся зданием детской больницы, на белые фигуры нагих юношей, выделяющихся на бархатно-черном фоне покрывшегося копотью пожара здания дворца физкультуры, на сотни молчащих, ослепленных домов. И такими же налитыми кровью гнева и скорби глазами смотрели на изуродованный немцами город тысячи людей, переправившихся через Волгу.

Немцы не ожидали наступления, немцы настолько были уверены в том, что методически отжимая наши войска к берегу, сбросят их в Волгу, что не закрепляли капитально занятого пространства. Гвардейский полк Елина и два других

штурмовали занятые немцами улицы города. Они не ставили себе первой целью соединиться. Первой их целью было бить противника, отнять у него то, что создавало выгодные условия немецких позиций. Полк Елина пошел на штурм, не видя двух своих товарищей-полков. Но полк чувствовал и верил, что он не один принял тяжкий жребий. Он чуял дыхание двух гвардейских полков, близко рядом, возле себя. Он слышал их тяжкую поступь, грохот их артиллерии звучал, как братские голоса, дым и пыль сражения, взметнувшиеся высоко в воздух, говорили о движении гвардии вперед.

Полк Елина штурмом взял огромные здания — опорные пункты немцев.

Никогда еще не приходилось вести таких боев. Здесь все общепринятые понятия сдвинулись, сместились, словно в город над Волгой шагнули леса, степные овраги, горные ручьи и ущелья, равнинные холмы. Здесь словно воедино собрались особенности всех театров войны—от Белого моря до Кавказских гор. Одно отделение в течение дня переходило из-за кустарников и деревьев, напоминавших рощи Белоруссии, в горную расщелину, где в полумраке нависающих над узким переулком стен приходилось пробираться по каменным глыбам обвалившегося брандмауэра, еще оно выходило на залитую асфальтом огромную площадь, во сто крат более ровную, чем донская степь, а к вечеру ему приходилось ползти по огородам среди вскопанной земли и полуобгоревших повалленных заборов, совсем как в дальней курской деревеньке. И эта резкая смена требовала постоянного напряжения командирской мысли, быстрой перестройки всех приемов боя. А иногда часами длились упорные штурмы домов, бои происходили в заваленных кирпичем полуразрушенных комнатах и коридорах, где сражающиеся путались ногами в сорванных проводах, среди измятых остовов железных кроватей, кухонной и домашней утвари. И эти бои не были похожи ни на один театр войны от Белого моря до Кавказа.

В одном здании немцы засели так прочно, что их пришлось поднять на воздух вместе с тяжелыми стенами. Шесть человек сапер под лютым огнем чующих смерть немцев, подпёсли на руках 10 пудов взрывчатки и произвели взрыв. И вот на миг представляешь себе эту картину: лейтенанта сапера Чермакова, двух сержантов Дубового и Бугаева, саперов Клименко, Шухова, Мессерашвили, ползущих под огнем вдоль развалённых стен, каждого с полуторапудовым запасом

смерти, их потные, грязные лица, их потрепанные гимнастерочки. Сержант Дубовый крикнул:

— Не дрейфь, саперы! — и Шухов, кривя рот, отплевывая пыль, отвечал:

— Где уж тут! Дрейфить раньше надо было.

А пока Елин победоносно занимал здание за зданием, другие два полка штурмовали курган—место, с которым многое связано в истории Сталинграда, — оно известно со времен гражданской войны. Здесь играли дети, гуляли влюбленные, катались зимой на санях и на лыжах. Место это на русских и немецких картах обведено жирным кружком. Когда его заняли немцы, то генерал Готт, вероятно, сообщил об этом радостной радиограммой германской ставке! Там оно значится, как «господствующая высота, с которой просматриваются Волга, оба ее берега и весь город». А на войне то, что просматривается, то и простреливается. Страшное это слово — господствующая высота. Ее штурмовали гвардейские полки.

Много хороших людей погибло в этих боях. Многих не увидят матери и отцы, невесты и жены. О многих будут вспоминать товарищи и родные. Много тяжелых слез прольют по всей России о погибших в боях за курган. Недешево далась гвардейцам эта битва. Красным курганом назовут его. Железным курганом назовут его — весь покрылся он колючей чешуей минных и снарядных осколков, хвостами-стабилизаторами германских авиационных бомб, темными от пороховой копоти гильзами, рубчатыми, рваными кусками гранат, тяжелыми стальными тушами развороченных германских танков. Но пришел славный миг, когда боец Кентя сорвал немецкий флаг, бросил его оземь и наступил на него сапогом.

Полки дивизии соединились. Невиданно тяжелое наступление завершилось успехом. Этим как бы закончился первый период боевой работы дивизии в Сталинграде. Фронт, занятый ее полками, сплошной линией прошел по выгодным и устойчивым рубежам. Люди обогатились в этих боях огромным, бесценным опытом, который нельзя было почерпнуть ни в одной академии мира.

Начался второй период тяжкой битвы — оборонительная война, с десятками внезапностей, мощными атаками немецких танков, жестокими налетами пикировщиков, контратаками наших подразделений, снайперская война, в которой участвуют все виды огня от винтовки до тяжелой пушки и пики-

рующего бомбардировщика, новый период со своим изумительным, страшным, ни на что не похожим бытом. Ведь шли не только часы, шли дни и недели жизни в этом дымном аду, где ни на минуту не смолкали пушки и минометы, где гул танковых и самолетных моторов, цветные ракеты, разрывы мин, стали так привычны городу, как некогда были привычны дребезжание трамвая, автомобильные гудки, уличные фонари, многоголосый гул тракторного завода, деловитые голоса волжских пароходов. И здесь, ведущие битву, создали свой быт— здесь пьют чай, готовят в котлах обеды, играют на гитаре, шутят, следят за жизнью соседей, беседуют. Здесь живут люди, чей характер, привычки, склад души и мысли — плоть от плоти народа, пославшего на трудный подвиг своих сыновей.

Мы пошли на командный пункт дивизии в девять часов вечера. Темные воды Волги были освещены разноцветными ракетами, они на невидимых стеблях склонялись над истерзанной набережной, и вода, то казалась шелковисто-зеленой, то фиолетово-синей, то вдруг становилась розовой, словно вся кровь великой войны впадала в Волгу.

— Слышь, обед приносили? — спрашивает боец, сидящий у входа в блиндаж. Из темноты отвечает голос:

— Давно пошли, да вот нет их обратно. Либо залегли где, либо не дойдут уже вовсе. Сильно очень бьет около кухонь.

Командный пункт дивизии размещен в глубоком подвале, напоминающем горизонтальную штольню каменноугольной шахты: штольня выложена камнем, креплена бревнами, как в заправской шахте, по дну ее журчит вода. Здесь, где все понятия сместились, где продвижение на метры равносильно многокилометровым боевым движениям в полевых условиях, где иногда расстояние к засевшему в соседнем доме противнику измеряется двумя десятками шагов, естественно, сместилось и взаиморасположение командных пунктов дивизии. Штаб дивизии находится недалеко от противника, соответственно расположены командные пункты полков и батальонов. «Связь с полками в случае прорыва, — шутя говорит работник штаба, — легко поддерживать голосом, крикнешь, — услышат. А оттуда голосом в батальон передадут». Но обстановка командного пункта такая же, как обычно, — она не меняется, где бы ни стоял штаб: в лесу, во дворце, в избе. И здесь, в подземелье, где все ходит ходуном от взрывов мин и снарядов, сидят склонившись над картой, штабные коман-

диры, и здесь, ставший традиционным во всех очерках с фронтов войны связист кричит: «Я—луна, я—луна», и здесь скромно держа в руке махорочную папиросу, и стараясь не дышать в сторону начальства, сидят в углу связные. И сразу же здесь, в штольне, освещенной бензиновыми лампочками, чувствуется, что к одному человеку тянутся все нити проводов из разрушенных домов, заводиков, мельниц, занятых гвардейской дивизией, что к одному человеку обращены вопросы командиров.

В штольне, словно у основания плотины, сдерживающей страшный напор рвущихся к Волге вражеских сил, пол, стены, потолок — все дрожит от напряжения, от тяжести взрывов бомб и удара снарядов: дребезжат телефоны, пляшет пламя в лампах, и огромные неясные тени судорожно движутся на мокрых каменных стенах. А люди спокойны — они здесь, в этом горниле, были вчера, были месяц назад, будут завтра. Сюда несколько ночей назад прорвались немцы и бросали под откос ручные гранаты — пыль, дым, осколки летели в штольню, из тьмы доносились выкрики команды на чуждом, дико звучащем здесь, на волжском берегу, языке. И командир дивизии Родимцев оставался в этот роковой час таким же, как всегда: спокойным, с немного насмешливой речью, каждым размеренным своим словом закладывающий увесистый камень в пробитую вражеской силой плотину. И вражеская сила отхлынула.

Мы беседуем с генералом Родимцевым. Он говорит:

— Дивизия вошла в ритм битвы.

За время нашего разговора телефоны звонили раз десять, и генерал чуть-чуть поворачивал голову, говорил два-три слова дежурному по штабу. И в этих коротких словах, произносимых легко, будничпо, словах боевых приказов, была торжественная сила человека, овладевшего ритмом боевой бури, человека, диктовавшего этот ритм дивизии, которой он командует.

Заместитель генерала отдавал последние распоряжения перед штурмом одного из домов, занятых немцами. Этот большой пятиэтажный дом имел большое значение, из его окон немцы просматривали Волгу и часть берега.

План штурма меня поразил множеством деталей, сложностью разработки. На аккуратно сделанном чертеже был нанесен дом и все соседние постройки. Условные значки показывали, что во втором этаже, в третьем окне находится руч-

ной пулемет, на третьем этаже в двух окнах сидят снайперы, а в одном расположен станковый пулемет—словом, весь дом был разведан по этажам, по окнам, по черным и парадным подъездам. В штурме этого дома участвовали минометчики, гранатометчики, снайперы, автоматчики. В этом штурме участвовала полковая артиллерия и мощные пушки, находившиеся на том берегу, в Заволжье. У каждого рода оружия была своя задача, строго сопряженная с общей целью, взаимная связь, управление осуществлялось системой световых сигналов, по радио, телефонами.

...Глубокой ночью мы ехали вдоль Сталинграда на моторной лодке. Шесть километров дороги, несколько десятков минут по широкой волжской воде.

Волга кипела, синий пламень разрывов германских снарядов вспыхивал на волнах, выли несущие смерть осколки, угрюмо гудели в темном небе наши тяжелые бомбардировщики. Сотни светящихся, вьющихся трасс, окрашенных в синий, красный, белый цвета тянулись к ним от германских зенитных батарей, бомбардировщики изрыгали по немецким прожекторам белые трассы пулеметных очередей. Заволжье, казалось, потрясало всю вселенную могучим рокотаньем тяжелых пушек всей силы великой нашей артиллерии. На правом берегу земля дрожала от взрывов, широкие зарницы бомбовых ударов вспыхивали над заводами, земля, небо, Волга — все было охвачено пламенем. И сердце чуяло — здесь идет битва за судьбы родины, здесь ровно, торжественно, среди пламени сражается наш народ.

В. ГРОССМАН

НАПРАВЛЕНИЕ ГЛАВНОГО УДАРА

Ночью сибирские полки дивизии полковника Гуртьева заняли оборону. Всегда суров и строг вид завода, но можно ли найти в мире картину суровее той, что увидели люди дивизии в октябрьское утро 1942 года. Темные громады цехов, поблескивающие влагой рельсы, уж кое-где тронутые следами окиси, нагромождение разбитых товарных вагонов, горы стальных стволов, в беспорядке валяющиеся по обширному, как главная площадь столицы, заводскому двору, холмы красного шлака, уголь, могучие заводские трубы, во многих местах пробитые немецкими снарядами. На асфальтированной пло-

Слева направо: Начальник штаба 62-й армии генерал-майор *И. И. Крылов* — защитник Одессы и Севастополя; командующий 62-й армии генерал-лейтенант *В. И. Чуйков*; член Военного Совета 62-й армии генерал-лейтенант *К. А. Гуров* и Герой Советского Союза гвардии генерал-майор *А. И. Родимцев*, командир знаменитой гвардейской дивизии. Фото Г. Зельма.

площадке темнели ямы, вырытые авиационными бомбами, всюду валялись стальные осколки, изорванные силой взрыва словно тонкие лоскуты ситца. Дивизии предстояло стать перед этим заводом и стоять насмерть. За спиной была холодная, темная Волга. Ночью саперы взламывали асфальт и в каменистой почве выдалбливали кирками окопы, в мощных стенах цехов прорубали боевые амбразуры, в подвалах разрушенных зданий устраивались убежища. Полки Маркелова и Михалева обороняли завод. Один из командных пунктов был устроен в бетонированном канале, проходящем под зданиями главных цехов. Полк Сергиенко оборонял район Глубокой балки, шедший через заводские поселки к Волге. «Лог смерти» называли ее бойцы и командиры полка. Да, за стеной была ледяная, темная Волга, за спиной была судьба России. Дивизии предстояло стоять на-смерть. Прошлая мировая война стоила России больших жертв и большой крови, но в первой мировой войне черная сила противника делилась между западным фронтом и восточным. В нынешней войне Россия приняла всю тяжесть удара германского нашествия. В 1941 году германские полки двигались от моря до моря. В нынешнем, 1942 году, немцы всю силу своего удара сконцентрировали в юго-восточном направлении. То, что в первую войну распределялось на два фронта великих держав, что в прошлом году давило на Россию, на одну Россию фронтом в 3.000 километров, нынешним летом и нынешней осенью тяжким молотом обрушилось на Сталинград и Кавказ. Но мало того, здесь в Сталинграде немцы вновь заострили свое наступательное давление. Они стабилизировали свои усилия в южных и центральных частях города. Всю огневую тяжесть бесчисленных минометных батарей, тысячи орудий и воздушных корпусов обрушили на северную часть города, на стоящий в центре промышленного района завод «Баррикады». Немцы полагали, что человеческая природа не в состоянии выдержать такого напряжения, что нет на земле таких сердец, таких нервов, которые не порвались бы в диком аду огня, визжащего металла, сотрясаемой земли и обезумевшего воздуха. Здесь был собран весь дьявольский арсенал германского милитаризма — тяжелые и огнеметные танки, шестиствольные минометы, армады пикирующих бомбардировщиков с воющими сиренами, осколочными фугасными бомбами. Здесь автоматчиков снабдили разрывными пулями, артиллеристов и минометчиков —

термитными снарядами. Здесь была собрана германская артиллерия от малых калибров противотанковых полуавтоматов до тяжелых дальнобойных пушек. Здесь бросались мины, похожие на безобидные зеленые и красные мячики, и воздушные торпеды, вырывающие ямы, об'емом в двухэтажный дом. Здесь почью было светло от пожаров и ракет, здесь днем было темно от дыма горящих зданий и дымовых шашек германских маскировщиков. Здесь грохот был плотен, как земля, а короткие минуты тишины казались более страшными и зловещими, чем грохот битвы. И если мир склоняет головы перед героизмом русских армий, если русские армии с восхищением говорят о защитниках Сталинграда, то уже здесь, в самом Сталинграде, бойцы Шумилова с почтительным уважением произносят:

— Ну, что мы! Вот люди: держат заводы. Страшно и удивительно смотреть: день и ночь висит над ними туча огня, дыма немецких пикировщиков, а Чуйков стоит.

Грозные эти слова для военного человека: направление главного удара, жестокие страшные слова. Нет слов страшнее на войне, и, конечно, не случайно, что в хмурое осеннее утро заняла оборону у завода сибирская дивизия полковника Гуртьева. Сибиряки — народ коренастый, строгий, привыкший к холоду и лишениям, молчаливый, любящий порядок и дисциплину, резкий на слова. Сибиряки — народ надежный, кряжистый, и они-то в суровом молчании били кирками каменистую землю, рубили амбразуры в стенах цехов, устраивали блиндажи, окопы, ходы сообщения, готовя смертную оборону.

Полковник Гуртьев, сухощавый 50-летний человек, в 1914 году ушел со второго курса Петербургского политехнического института добровольцем на русско-германскую войну. Он был тогда артиллеристом, воевал с немцами под Варшавой, под Барановичами, Чарторийском.

28 лет своей жизни посвятил полковник военному делу, воевал и учил командиров. Два сына его лейтенантами ушли на войну. В далеком Омске остались жена и дочь-студентка. И в этот торжественный и грозный день полковник вспомнил и сыновей-лейтенантов, и дочь, и жену, и много десятков воспитанных им молодых командиров, и всю свою долгую, полную труда, спартански скромную жизнь. Да, пришел час, когда все принципы военной науки, морали, долга, которые

он с суровым постоянством преподавал сыновьям своим, ученикам, сослуживцам, должны были получить проверку, и с волнением поглядывал полковник на лица солдат-сибиряков: омичей, новосибирцев, красноярцев, барнаульцев—тех, с кем сулила ему судьба отражать удары врага. Сибиряки пришли к великим рубежам хорошо подготовленными. Дивизия прошла большую школу, прежде чем выступить на фронт. Тщательно и умно, беспощадно придирчиво учил бойцов полковник Гуртьев. Он знал, что сколь ни тяжела военная учеба, ночные учебные штурмы, утюжение танками сидящих в щелях бойцов, долгие марши,—все же во много крат тяжелее и суровее сама война. Он верил в стойкость, в силу сибирских полков. Он проверил ее в дороге, когда за весь долгий путь было лишь одно чрезвычайное происшествие: боец уронил на ходу поезда винтовку, соскочил, поднял винтовку и три километра бежал до станции, чтобы догнать идущий к фронту эшелон. Он проверил стойкость полков в сталинградской степи, где впервые необстрелянные люди спокойно отразили внезапную атаку тридцати немецких танков. Он проверил выносливость сибиряков во время последнего марша к Сталинграду, когда люди за двое суток покрыли расстояние в 200 километров, и все же с волнением поглядывал полковник на лица бойцов, вышедших на главный рубеж, на направление главного удара.

Гуртьев верил в своих командиров. Молодой, не знающий устали, начальник штаба полковник Тарасов мог дни и ночи сидеть в сотрясаемом взрывами блиндаже над картами, планировать сложный бой. Его прямота и беспощадность суждений, его привычка смотреть правде прямо в глаза и искать военную правду, как бы горька она ни была, зиждились на железной вере. В этом небольшом, сухощавом молодом человеке, с лицом, речью и руками крестьянина, жила неукротимая сила мысли и духа. Заместитель командира дивизии по политической части Свирин обладал крепкой волей, острой мыслью, аскетической скромностью, он умел оставаться спокойным, веселым и улыбаться там, где забывал об улыбке самый спокойный и жизнерадостный человек. Командиры полков Маркелов, Михалев и Чамов были гордостью полковника, он верил им, как самому себе. О спокойной храбрости Чамова, о несгибаемой воле Маркелова, о замечательных душевных качествах Михалева, любимце полка, по-отечески заботливом к

подчиненным, мягком и «симпатичнейшем человеке», не знающем что такое страх, все в дивизии говорили с любовью и восхищением, и все же с волнением глядел на лица своих командиров полковник Гуртьев, ибо он знал, что такое направление главного удара, что значит держать великий рубеж сталинградской обороны. «Выдержат ли, выстоят ли», — думал полковник.

Едва дивизия успела закопаться в каменистую почву Сталинграда, едва управление дивизии ушло в глубокую штольню, выдолбленную в песчаной скале над Волгой, едва протянулась проволочная связь и застучали радиопередатчики, связывающие командные пункты с занявшей в Заволжье огневые позиции артиллерией, едва мрак ночи сменился рассветом, как немцы открыли огонь. Восемь часов подряд пикировали «Юнкерсы-87» на оборону дивизии, восемь часов без единой минуты перерыва шли волна за волной немецкие самолеты, восемь часов выли сирены, свистали бомбы, сотрясалась земля, рушились остатки кирпичных зданий, восемь часов в воздухе стояли клубы дыма и пыли, смертно выли осколки. Тот, кто слышал вопль воздуха, раскаленного авиационной бомбой, тот, кто пережил напряжение стремительного десятиминутного налета немецкой авиации, тот поймет, что такое восемь часов интенсивной воздушной бомбежки пикирующих бомбардировщиков. Восемь часов сибиряки били всем своим оружием по немецким самолетам, и, вероятно, чувство, похожее на отчаяние, овладевало немцами, когда эта горящая, окутанная черной пылью и дымом заводская земля упрямо трещала винтовочными залпами, рокотала пулеметными очередями, короткими ударами противотанковых ружей и мерной злой стрельбой зениток. Казалось, все живое должно быть сломлено, уничтожено, а сибирская дивизия, закопавшись в землю, не согнулась, не сломалась, но вела огонь — упрямая, бессмертная. Немцы ввели в действие тяжелые полковые минометы и артиллерию. Нудное шипение мин и вой снарядов присоединились к свисту сирен и грохоту рвущихся авиационных бомб. Так продолжалось до ночи. В печальном и строгом молчании хоронили красноармейцы своих погибших товарищей. Это был первый день — новоселье. Всю ночь не умолкали немецкие артиллерийские и минометные батареи, и мало кто спал в эту ночь.

Этой ночью на командном пункте полковник Гуртьев

встретил двух своих старых друзей, которых не видел больше 20 лет. Люди, расставшиеся молодыми, не женатыми, встретились уже седыми, морщинистыми. Двое из них командовали дивизиями, третий — танковой бригадой. Они обнялись и все вокруг: начальники их штабов и адъютанты, и майоры из оперативного отдела увидели слезы на глазах седых людей.

— Какая судьба, какая судьба, — говорили они.

И в самом деле: что-то величественное и трогательное было во встрече друзей юности в грозный час, среди пылавших заводских корпусов и развалин Сталинграда. Видно трудной дорогой шли они, если встретились вновь при выполнении высокого и тяжелого долга.

Всю ночь грохотала немецкая артиллерия и, едва взошло солнце над вспаханной немецким железом землей, появилось сорок пикировщиков, и снова завыли сирены, и снова черное облако пыли и дыма поднялось над заводом, закрыло землю, цехи, разбитые вагоны, и даже высокие заводские трубы потонули в черном тумане. В это утро полк Маркелова не остался в земле. Он вышел из укрытий, убежищ, окопов, он покинул бетонные и каменные норы и перешел в наступление. Батальоны шли вперед через горы шлака, через развалины домов, мимо гранитного здания заводской конторы, через рельсовые пути, через садик городского предместья. Они шли мимо тысячи безобразных ям, вырытых бомбами, и над головами людей был весь ад немецкой воздушной армии. Железный ветер бил в лицо, а они все шли вперед, и снова чувство суеверного страха охватило противника: люди ли шли в атаку, смертны ли они.

Да, они были смертны. Полк Маркелова прошел километр, занял новые позиции, закрепился на них. Только здесь знают, что такое километр. Это — тысяча метров, это сто тысяч сантиметров. Ночью немцы атаковали полк во много раз превосходящими силами. Шли батальоны немецкой пехоты, шли тяжелые танки и пулеметы, заливали позиции полка железом. Пьяные автоматчики лезли с упорством лунатиков. Некому рассказать о том, как сражался полк Маркелова. Повесть эту расскажут мертвые тела бойцов, расскажут друзья, слышавшие, как в ночь и на следующий день и снова в ночь рокотали русские пулеметы, раздавались взрывы русских гранат. Повесть об этом бое расскажут развороченные и сожженные немецкие танки и длинные вереницы крестов с немец-

кими касками, выстроившиеся повзводно, поротно, побатальонно.

На третий день немецкие самолеты висели над дивизией уже не восемь, а двенадцать часов. Они оставались в воздухе после заката солнца, и из высокой тьмы ночного неба возникали воющие голоса сирен «Юнкерсов», и, как тяжелые и частые удары молота, обрушивались на полыхавшую дымным красным пламенем землю фугасные бомбы. С утренней зари до вечерней били по дивизии немецкие пушки и минометы. Сто артиллерийских полков работали на немцев в районе Сталинграда. Иногда они устраивали огневые налеты, по ночам они вели изматывающий методический огонь. Вместе с ними работали минометные батареи. Это было направление главного удара.

По нескольку раз в день вдруг замолкали немецкие пушки, минометы, вдруг исчезала давящая сила пикировщиков. Наступала необычная тишина. Тогда наблюдатели кричали: «Внимание!» и боевое охранение хваталось за бутылки горючей жидкости, бронебойщики раскрывали брезентовые сумки патронов, автоматчики обтирали ладонью свои ППШ, гранатометчики поближе подвигали ящики гранат. Эта короткая минутная тишина не означала отдыха. Она предшествовала атаке.

Вскоре лязг сотен гусениц, низкое гудение моторов оповещали о движении танков, и лейтенант кричал:

— Товарищи, внимание! Слева просачиваются автоматчики.

Иногда немцы подходили на расстояние 30—40 метров и сибиряки видели их грязные лица, нерванные шинели, слышали картавые выкрики псковеркапных русских слов, угрозы, насмешки, а после того как немцы откатывались, на дивизию с новой яростью обрушивались пикировщики и огневые валы артиллерии и минометов. В отражении немецких атак велика заслуга нашей артиллерии. Командир артиллерийского полка Фугенфиров, командиры дивизионов и батарей находились вместе с батальонами, ротами дивизий на передовой. Радио связывало их с огневыми позициями и десятки мощных дальнобойных орудий на левом берегу жили одним дыханием, одной тревогой, одной бедой и одной радостью с пехотой. Артиллерия делала десятки замечательных вещей, она прикрывала стальным плащом пехотные позиции, она корежила, как

картон, тяжелые немецкие танки, с которыми не могли справиться бронебойщики. Она, словно меч, отсекала автоматчиков, лепившихся к броне танков. Она обрушивалась то на площадь, то на тайные места сосредоточения. Она взрывала склады и поднимала на воздух немецкие минометные батареи. Нигде за время войны пехота так не чувствовала дружбу и великую помощь артиллерии, как в Сталинграде.

В течение месяца немцы произвели 117 атак на полки сибирской дивизии.

Был один страшный день, когда немецкие танки и пехота 23 раза шли в атаку. И эти 23 атаки были отбиты. В течение месяца каждый день, за исключением трех, немецкая авиация висла над дивизией 10—12 часов. Всего за месяц 320 часов. Оперативное отделение подсчитало астрономическое количество бомб, сброшенных немцами на дивизию. Это цифра с четырьмя нулями. Такой же цифрой определяется количество немецких самолетовылетов. Все это происходит на фронте длиной около полутора — двух километров. Этим грохотом можно было оглушить человечество, этим огнем и металлом можно было сжечь и уничтожить государство. Немцы полагали, что сломают моральную силу сибирских полков. Они полагали, что перекрыли предел сопротивления человеческих сердец и нервов. Но удивительное дело: люди не согнулись, не сошли с ума, не потеряли власть над своими сердцами и нервами, а стали сильней и спокойней. Молчаливый, кряжистый сибирский народ стал еще суровей, еще молчаливей, ввалились у красноармейцев щеки, мрачно смотрели глаза. Здесь, на направлении главного удара германских сил не слышно было в короткие минуты отдыха ни песни, ни гармоники, ни веселого легкого слова. Здесь люди выдерживали сверхчеловеческое напряжение. Бывали периоды, когда они не спали по трое — четверо суток кряду, и командир дивизии — седой полковник Гуртьев, разговаривая с красноармейцами, с болью услышал слова бойца, тихо сказавшие ему:

— Есть у нас все, товарищ полковник, и хлеба — девятьсот грамм, и горячую пищу непременно два раза в день приносят в термосах, да не кушается.

Гуртьев любил и уважал своих людей, и знал он, когда солдату «не кушается», то уж крепко, по-настоящему, тяжело ему. Но теперь Гуртьев был спокоен. Он понял: нет на

свете силы, которая могла бы сдвинуть с места сибирские полки. Великим и жестоким опытом обогатились красноармейцы и командиры за время боев. Еще прочней и совершенней стала оборона. Перед заводскими цехами выросли целые переплетения саперных сооружений — блиндажи, ходы сообщения, стрелковые ячейки, инженерная оборона была вынесена далеко вперед, перед цехами. Люди научились быстро и слаженно производить подземные маневры, сосредоточиваться, рассыпаться, переходить из цеха в окопы ходами сообщения и обратно, в зависимости от того, куда обрушивала свои удары авиация противника, в зависимости от того, откуда появлялись танки и пехота атакующих немцев. Были сооружены подземные «усы», «щупальцы», по которым истребители подбирались к тяжелым немецким танкам, останавливающимся в ста метрах от здания цехов. Саперы минировали все подходы к заводу. Мины приходилось подносить на руках, по две штуки, держа их подмышками, как хлебы. Этот путь от берега к заводу имел протяжение 6—8 километров и полностью простреливался немцами. Само минирование производилось в глубоком мраке, в предрассветные часы, часто на расстоянии 30 метров от фашистских позиций. Так было заложено около 2 тысяч мин под бревна разнесенных бомбежкой домиков, под кучки камней, в ямки, вырытые снарядами и минами. Люди научились защищать большие дома, создавая плотный огонь от первого этажа до пятого, устраивали изумительно тонко замаскированные наблюдательные пункты перед самым носом у неприятеля, использовали в обороне ямы, вырытые тяжелыми бомбами, всю сложную систему подземных заводских газопроводов, маслопроводов, водопроводов. С каждым днем совершенствовалась связь между пехотой и артиллерией, и иногда казалось, что Волга уже не отделяет пушек от полков, что глазастые пушки, мгновенно реагирующие на каждое движение врага, находятся рядом со взводами, с командными пунктами.

Вместе с опытом росла внутренняя закалка людей. Дивизия превратилась в совершенный, на диво слаженный, единый организм. Люди дивизии не чувствовали, сами не понимали, не могли ощутить тех психологических изменений, которые произошли в них за месяц пребывания в аду, на переднем крае обороны великого сталинградского рубежа. Им казалось, что они те же, какими были всегда — они в свободную тихую минуту мылись в подземных банях, им так же

приносили горячую пищу в термосах, и заросшие бородами Макарович и Карпаухов, похожие на мирных сельских почтарей, приносили под огнем на передовую в своих кожаных сумках газеты и письма из далеких омских, тюменских, тобольских, красноярских деревень. Они вспоминали о своих плотницких, кузнечных, крестьянских делах. Они насмешливо звали шестиствольный немецкий миномет «дурилой», а пикирующих бомбардировщиков с сиренами «скрипунами» и «музыкантами». На крики немецких автоматчиков, грозивших им из развалин соседних зданий и кричавших: «Эй, рус, буль-буль, сдавайся», — они усмехались и меж собой говорили: «Что это немец все гнилую воду пьет, или по хочет волжской?» Им казалось, что они те же, и только вновь приезжавшие с лугового берега с почтительным изумлением смотрели на них, уже не ведавших страха, людей, для которых не было больше слов «жизнь и смерть». Только глаза со стороны могли оценить всю железную силу сибиряков, их равнодушие к смерти, их спокойную волю до конца вынести тяжкий жребий людей, занявших стертую оборону.

Героизм стал бытом, героизм стал стилем дивизии и ее людей, героизм сделался будничной, каждодневной привычкой. Героизм всюду и во всем. Героизм был в работе поваров, чистивших под сжигающим огнем термитных снарядов картошку. Великий героизм был в работе девушек-санитарок, тобольских школьниц Тони Егоровой, Зои Калгановой, Веры Каляды, Нади Кастериной, Лели Новиковой и многих их подруг, перевязывающих и поивших водой раненых в разгаре боя. Да, если посмотреть глазами со стороны, то героизм был в каждом будничном движении людей дивизии. И в том, как командир взвода связи Хамицкий, мирно сидя на пригорке перед блиндажом, читал «беллетристику» в то время, как десятки немецких пикировщиков с ревом бодали землю, и в том, как офицер связи Батраков, аккуратно протирая очки, вкладывал в полевую сумку донесения и отправлялся в двенадцатикилометровый путь по «логу смерти» с таким будничным спокойствием, словно речь шла о привычной воскресной прогулке, и в том, как автоматчик Колосов, засыпанный в блиндаже разрывом по самую шею землей и обломками досок, повернул к заместителю командира Свирину лицо и рассмеялся, и в том, как машинистка штаба, краснощекая толстуха-сибирячка Клава Копылова начала печатать в блиндаже

боевой приказ и была засыпана, откопана, перешла печатать во второй блиндаж, снова была засыпана, снова откопана и все же допечатала приказ в третьем блиндаже и принесла его командиру дивизии на подпись.

Вот такие люди стояли на направлении главного удара.

Об их несгибаемом упорстве больше всего знают сами немцы. Ночью в блиндаж к Свирину привели пленного. Руки и лицо его, поросшее седой щетиной, были совершенно черные от грязи, превратившийся в тряпку шерстяной шарф прикрывал шею. Это был немец из пробивных отборных частей немецкой армии, участник всех походов, член нацистской партии. После обычных вопросов пленному перевели вопрос Свирина: «Как расценивают немцы сопротивление в районе завода?» Пленный стоял, прислонившись плечом к каменной стене блиндажа. «О»,—сказал он и вдруг разрыдался.

Да; настоящие люди стояли на направлении главного удара, их нервы и сердца выдержали.

К концу второй декады немцы предприняли решительный штурм завода. Такой подготовки к атаке не знал мир. 80 часов подряд работала авиация, тяжелые минометы и артиллерия. Три дня и три ночи превратились в хаос дыма, огня и грохота. Шипение бомб, скрипящий рев мин из шестиствольных «дурил», гул тяжелых снарядов, протяжный визг сирен одни могли оглушить людей. Но они лишь предшествовали грому разрывов. Рваное пламя взрывов полыхало в воздухе, вой истерзанного металла пронизывал пространство. Так было 80 часов. Затем подготовка кончилась, и сразу же в 5 утра в атаку перешли тяжелые и средние танки, пьяные орды автоматчиков, пехотные немецкие полки. Немцам удалось ворваться в завод, их танки ревели у стен цехов, они рассекали нашу оборону, отрезали командные пункты дивизии и полков от переднего края обороны. Казалось, что лишенная управления дивизия потеряет способность к сопротивлению, что командные пункты, попавшие под непосредственный удар противника, обречены на уничтожение, но произошла поразительная вещь: каждая траншея, каждый блиндаж, каждая стрелковая ячейка и укрепленные руины домов превратились в крепости со своими управлениями, со своей связью. Сержанты и рядовые красноармейцы стали командирами, умело и мудро отражавшими атаки. И в этот горький и тяжелый час команди-

ры, штабные работники превратили командные пункты в укрепления, и сами, как рядовые, отражали атаки врага. 10 атак отбил Чамов. Огромный рыжий командир танка, обороняющий командный пункт Чамова, расстреляв все снаряды и патроны, соскочил на землю и стал камнями бить подошедших автоматчиков. Командир полка сам стрелял из миномета. Любимец дивизии, командир полка Михалев погиб от прямого попадания бомбы в командный пункт. «Убило нашего отца»,—говорили красноармейцы. Сменивший Михалева майор Куппнерев перенес свой командный пункт в бетонированную трубу, проходящую под заводскими цехами. Несколько часов вели бой у входа в эту трубу Куппнерев, его начальник штаба Дятленко и шесть человек командиров. У них имелось несколько ящиков гранат, и этими гранатами они отбили все атаки немецких автоматчиков.

Этот невиданный по ожесточенности бой длился, не переставая, несколько суток. Он шел уже не за отдельные дома и цехи, он шел за каждую отдельную ступеньку лестницы, за угол в тесном коридоре, за отдельный станок, за проход между станками, за трубу газопровода. Ни один человек не отступил в этом бою. И если немцы занимали какое-либо пространство, то это значило, что там уже не было живых красноармейцев. Все дрались так, как рыжий великан танкист, фамилии которого так и не узнал Чамов, как сапер Косиченко, выдергивавший чеку из гранаты зубами, так как у него была перебита левая рука. Погибшие словно передали силу оставшимся в живых, и бывали такие минуты, когда 10 активных штыков успешно держали оборону, занимаемую батальоном. Много раз переходили заводские цехи от сибиряков к немцам и снова сибиряки захватывали их. В этом бою немцам удалось занять ряд зданий и заводских цехов. В этом бою немцы достигли максимального напряжения атак. Это был самый высокий потенциал их удара на главном направлении. Словно подняв непомерную тяжесть, они надорвали какие-то внутренние пружины, приводившие в действие их пробивной таран.

Кривая немецкого напора начала падать. 3 немецких дивизии дрались против сибиряков. Пяти тысячам немецких жизней стоило 117 пехотных атак. Сибиряки выдержали это сверхчеловеческое напряжение. 2 тысячи тонн превращенного в лом танкового металла легло перед заводом. Тысячи тонн

снарядов, мин, авиабомб упали на заводской двор и цеха, но дивизия выдержала напор. Она не сошла со смертного рубежа, она ни разу не оглянулась назад, она знала: за спиной ее была Волга, судьба страны.

Невольно думаешь о том, как выковалось это великое упорство. Тут сказалася и народный характер, и высокое сознание великой ответственности, и угрюмое кряжистое сибирское упорство, и отличная военная и политическая подготовка, и суровая дисциплина. Но мне хочется сказать еще об одной черте, сыгравшей немалую роль в этой великой и трагической эпопее — об удивительной целомудренной морали, о крепкой любви, связывавшей всех людей сибирской дивизии. Дух спартанской скромности свойственен всему командному составу дивизии. Он сказывается и в бытовых мелочах, и в отказе от положенных законом ста грамм водки во все время сталинградских боев, и в разумной непримиримой деловитости. Любовь, связывающую людей дивизии, я увидел в той скорби, с которой говорят о погибших товарищах. Я услышал ее в словах красноармейца из полка Михалева, ответившего на вопрос «как живется вам?»

— Эх, как живется, — осталась мы без отца.

Я увидел ее в трогательной встрече седого полковника Гуртьева с вернувшейся после второго ранения батальонной санитаркой Зоей Калгановой. «Здравствуйте, дорогая девочка моя», — тихо сказал Гуртьев и быстро с протянутыми руками пошел навстречу худой, стриженой девушке. Так лишь отец может встречать свою родную дочь. Эта любовь и вера друг в друга помогали в страшном бою красноармейцам становиться на место командиров, помогали командирам и работникам штаба браться за пулемет, ручную гранату, бутылку с горючей жидкостью, чтобы отражать немецкие танки, вышедшие к командным пунктам.

Жены и дети никогда не забудут своих мужей и отцов, павших на великом волжском рубеже. Этих хороших, верных людей нельзя забыть. Наша Красная Армия может лишь одним достойным способом почтить святую память павших на направлении главного удара противника — освободительным, не знающим преград, наступлением. Мы верим, что час этого наступления близок.

Николай ВИРТА

ЖИВАЯ ЛЕГЕНДА

—Не посрамим, товарищ командующий,—отвечал Людников и вел генерала Еременко к бойцам пополнения.—Вы знаете, куда мы идем?—спрашивал он молодую рать.

— Знаем, товарищ полковник. Мы идем в Сталинград.

— Зачем вы идете туда?—спрашивал командующий.

— Чтобы выполнить приказ Сталина и страны—Сталинграда не отдать.

В середине октября 138-я дивизия пересекла холодную штурмовую Волгу. На переправе она впервые понюхала порох Сталинграда. Была ночь, светлая от вражеских ракет. Но не только бело-зелено-красным фейерверком встретили фашисты переправляющуюся дивизию: вражеская артиллерия, минометы обрушились на нее с силой, не поддающейся описанию. Однако не зря работали коммунисты дивизии и закаленные в предыдущих боях ее командиры—трусов среди молодых бойцов не оказалось. Вступив на правый берег, дивизия с хода бросились в бой за завод «Баррикады» и пятнадцать дней кровавых схваток, атак и контратак превратили бойцов пополнения в ветеранов Сталинграда.

Ветераны Сталинграда! Этим почетным званием в 62-й армии награждался каждый из бойцов, который благополучно минновав трудности переправы, оставался в живых после трехдневных боев.

О человеке, выдержавшем это испытание, говорили:

— Это настоящий сталинградец! Он дрался в городе целых три дня!

Ветераны дивизии Людникова держали «Баррикады» до ноября. Лишь после ужасающей бомбежки артиллерийского обстрела немцы зажали 138-ю дивизию в кольцо.

...Надо представить себе эту обстановку, чтобы понять сложность борьбы, предстоявшей Людникову и его бойцам. Но, и представив себе площадку, на которой дралась дивизия, трудно понять всю глубину трагического положения Людникова. Шестьсот метров простреливаются почти из всех видов оружия, четыреста—тем более. Две полнокровных фашистских дивизии обложили истомленную боями 138-ю дивизию. Два седых волка—фашистских генерала—возглавляли борьбу против одного полковника, правда, имевшего за собой

25 лет военной жизни, полковника-большевика, человека громадных физических и, как мы увидим, духовных сил.

В распоряжении генералов были огромная техника и все средства для подавления окруженной дивизии, счет людям в которой велся отнюдь не четырехзначными числами. Помимо многократного превосходства в живой силе, абсолютного превосходства в технике, у фашистов было еще одно преимущество: они владели всеми высотами, а за их спиной был глубокий, тогда еще прекрасно обеспеченный тыл.

Дивизия Людникова занимала самые невыгодные из всех невыгодных рубежей, которые можно себе представить. Каждый бугорок простреливался противником из сотен огневых точек. Командный пункт Людникова помещался на берегу Волги. За спиной Людникова была Волга, пути через которую немцы держали под ожесточеннейшим огнем.

Как раз напротив позиции Людникова остров Зайцевский разделял Волгу на два рукава. Водить лодки в обход острова было невозможно: столь длинный путь вызвал бы только напрасные жертвы. Лодки переправлялись до восточного берега острова. Здесь их принимали героические бойцы четырехсотого батальона Укрепленного района, которые несли охрану острова, и перетаскивали на себе до воды, до Денежной Волошки. Лодка, благополучно преодолевшая этот путь, разгружалась бойцами Людникова с молниеносной быстротой, но и эта быстрота не спасала от жертв. При разгрузке погибал не один десяток людей. Разгрузив лодки, бойцы должны были на себе тащить патроны, снаряды и еду по крутому береговому подъему наверх, ползком по ходам сообщения, под ливнем смертоносного огня.

Ноябрьской ночью Людников доложил командованию армии о своем положении и спросил, что делать.

Ему сказали:

— Драться до конца.

Людников ответил:

— Есть драться до конца!

Его спросил командарм:

— А где будет ваш командный пункт?

Он сказал:

— Традиция командиров сто тридцать восьмой дивизии — быть там, где кражаются их люди. Не мне нарушать ее.

Ему ответили:

— Хорошо, держитесь.

На Волге появилось сплошное сало. С верховьев шли большие льдины, образуя непроходимую ледовую кашу. Людников подсчитал запасы и установил для всех и для себя в том числе на ближайшее время следующую дневную норму: сухарей—25 граммов, сала—10 граммов, крупы—12 граммов, сахару—5 граммов. Фельдшер Сима Озерова сообщила, что в дивизии 350 раненых, их надо безотлагательно переправить на левый берег. Эта, дважды раненая и не покинувшая своего поста девушка, вытаскивала раненых из боя, перевязывала их раны, кормила, мыла, одевала, раздевала и сама хоронила умерших.

С переднего края между тем доносили, что фашисты беспрерывно атакуют позицию дивизии. Начальник артиллерии докладывал, что снаряды и патроны на исходе. Об этом же сообщали командиры полков и батальонов. Утром началась атака с воздуха такой силы, что скала, в которой была выдолблена штольня командного пункта, треснула в трех местах. И в самый разгар этой адской бомбежки от входа в командный пункт послышался крик:

— Фрицы спускаются к берегу!

Фашисты подошли к блиндажу Людникова на расстояние пистолетного выстрела. Полковник скомандовал: «В ружье», — и все, кто был в штабе: здоровые, раненые, могущие передвигаться, связистки и сам Людников взяли автоматы и пошли в атаку на фашистов и перебили их. Однажды на рассвете немцы еще раз хотели прорваться к командному пункту. Их заметил один командир. Он один из своей винтовки уложил двенадцать немцев, остальные ушли, заказавшись подходить к этому месту.

Десять дней дивизия, питаясь по норме, установленной командиром, свирепо дралась с немцами, отражая по пяти—восьми атак в день, переходя в контратаки сама, истребляя немцев гранатами, которых, к счастью, оказалось более чем достаточно.

На каком-то участке обороны погиб весь гарнизон, за исключением одного бойца. У него осталось шесть винтовок; он расположил их на расстоянии метра друг от друга и поочередно стрелял из каждой. Немцы, думая, что гарнизон еще жив, боялись атаковать его. Через два дня этот боец позвонил полковнику. Он сказал, что ему скучно одному, что он устал

бегать от винтовки к винтовке и просит прислать к нему хотя бы одного человека «для того, чтобы было повеселее».

Между тем сало все еще шло по Волге. Девяносто лодок было отправлено с левого берега к Людникову. На этой операции батальон под командованием старшего лейтенанта Брусина потерял семьдесят человек. Лодки тонули вместе с грузом и людьми; некоторые лодки силой течения были отнесены вниз. Из девяносто лодок тридцать четыре все же попали к Людникову; они привезли еду, патроны. Сотни раненых были отправлены на правый берег и Сима Озерова всегда сопровождала очередную партию.

Командиром лодочной переправы Людников поставил редактора дивизионной газеты. Этот молодой парень, подписав газету к печати, уезжал на левый берег и, стоя по пояс в воде среди льдин, властно командовал погрузкой и разгрузкой.

Людников установил награды: каждый, кто благополучно совершил два рейса через Волгу на лодке, получал медаль «За отвагу», каждый, кто сделал это четыре раза подряд, получал орден Красной Звезды.

В двадцатых числах ноября дивизия вздохнула свободнее: к ней пробился бронекатер и привез достаточные запасы патронов, снарядов, еды и медикаментов. Четыре германских артиллерийских полка обстреливали место выгрузки; было убито и ранено тридцать человек, но положение бронекатер спас. Двадцать третьего ноября Людников с севера начал пробивать себе путь к армии; навстречу ему шла отличная дивизия полковника Горишнего. Двадцать пятого ноября два полковника подали друг другу руки—окружение было ликвидировано.

Надо ли говорить, что Людников все эти ужасные дни не отдал фашистам ни сантиметра сталинградской земли и не пропустил их к Волге? Десять тысяч человек потеряли фашисты перед фронтом дивизии во время своих безрезультатных атак... Дивизия Людникова тоже сильно поредела, но каждый из оставшихся в живых—аккумулятор ненависти и бесстрашия.

Я спросил полковника:

— Чем же вы занимались в часы досуга и были ли они?

— Конечно, были! Мы провели в дивизии шахматный турнир.

Страна назвала 62-ю армию легендарной. В 62-й армии

считали, что наибольшим выражением легендарной доблести может служить эпопея Людникова. Но в этой дивизии, ныне ставшей гвардейской, в свою очередь считают, что предел героизма показали бойцы «Ролика».

Представьте себе глубокий овраг, выходящий горлом к Волге. Песчаные стены оврага круты. По верху оврага расположены германские блиндажи. За блиндажами глубокая траншея, ведущая в глубь фашистской обороны.

В стенах оврага пробиты две ямы, они расположены друг против друга. В этих ямах сидели четыре бойца Людникова: Харазия, Кузминский, Ветошкин и Колосовой.

Первоначально этот овраг и ямы служили промежуточным узлом связи с соседней левофланговой дивизией Горишнего. Позывная этого узла была «Ролик». Четыре бойца были связисты «Ролика». Когда дивизия оказалась в полном окружении, младший сержант Кузминский почью пробрался к Людникову и доложил:

«Нас отделяют от дивизии сто метров. Немцы бьют по нас день и ночь, они не дают нам высунуть головы из ям. Что мы должны делать?».

Полковник отвечал:

— Вы должны сидеть на месте, следить за действиями врагов и докладывать мне. Во что бы то ни стало поддерживайте со мной связь и не пропускайте немцев к Волге.

Этим четырем всем вместе было девяносто три года.

Приказ командира они выполнили. Они сидели в своих ямах, и если фашисты не давали высунуть голову «роликовцам», то и «Ролик» сковывал все действия немцев, обстреливая все скаты оврага и весь берег.

Телефонная связь с дивизией часто рвалась. Восстанавливали ее почью под бешеным огнем. Ночью же поочереди они выходили из своих ям, пробирались к своему полковнику, забирали еду, патроны для пулеметов и автоматов и снова уходили в овраг.

Их было четверо. Против них был полк. И этот полк ничего не мог сделать с «Роликом». Ямы были расположены так, что ни одна из пуль не могла пронзить бойцов, сидевших в них. Тогда немцы решили истребить эту четверку иным способом. Однажды ночью они забрались к ним в тыл и стали спускать в одну из ям ящик со взрывчатыми веществами. Два бойца, сидевшие в яме напротив, выстрелом без

промаха перебили веревку, на которой висел ящик. Ящик полетел на дно оврага и взорвался там.

Три раза немцы повторяли этот прием и три раза он проваливался. Фашисты бесновались. Они подвозили пушки для того, чтобы прямой наводкой разрушить ямы. Но как только пушка приближалась к удобной позиции, бойцы открывали огонь по расчету. Немцы откатывались.

Когда по Волге пошло сало, на долю «Ролика» легла новая задача — обеспечивать высадку лодочников на волжский берег, помогать выгружаться; двое из них охраняли овраг, двое помогали лодочникам выгружаться. Полтора месяца длилась эта беспримерная оборона оврага.

Только двое из богатырей «Ролика» остались живыми. Двое погибли в последних битвах за Сталинград. Вот их могила. Мы снимаем шапки и стоим несколько минут молча, отдавая честь солдатам героической дивизии, погибшим во славу русского оружия.

Евгений КРИГЕР

СТАЛИНГРАД В БОЮ

По мере приближения к берегу Волги в том месте, где работает переправа на Сталинград, вы начинаете все яснее и яснее понимать, что здесь не обычный участок фронта, что никогда до сих пор вам не приходилось не только видеть такое, что предстоит увидеть здесь, но даже читать о чем-нибудь подобном в военных трудах и описаниях. Сама дорога ежеминутно напоминает вам об этом. На ветхих дощатых избах громадными, во всю стену, буквами написано: «Отстоять Сталинград!» В селах от стены к стене, от дерева к дереву, от забора к забору повторяется: «Наша Волга! Наш Сталинград!» И все окрестности, песчаные дороги в клубах дыма и желтой пыли, оголенные первыми холодами сады, рыбацкие поселки с сохнувшими на берегу лодками, вся степная приволжская ширь, озаренная зловещими огнями, притихшая на краю великой битвы, взывает—отстоять, отстоять, отстоять, отстоять!

Военная дорога не оставляет вас в покое ни на минуту. То она обращается к идущим в Волге войскам: «Смелость— душа победы!» То бросает в моторный гул и рев, в скрежет

переключаемых скоростей, в походную страду колонн и обозов: «Водитель! Ты доставляешь боеприпасы защитникам Сталинграда. Не медли. В твоих руках — их жизнь и бой!» И снаряды, мины, патроны идут безостановочно, днем и ночью, битва поглощает их жадно, десятками грузовиков, баркасами, баржами, и город в степи становится крепостью.

Чем ближе к берегу, тем строже и лаконичнее лозунги, длиннее дистанции между колоннами и автомобилями, и все чаще попадается на поворотах и перекрестках короткое слово «переправа» со стрелкой в сторону Волги. До переправы еще далеко, однако новый человек так много наслышан о ней, что невольно охватывает его смутное чувство тревоги и нетерпеливого ожидания. Еще в степи одни говорили, что нужно переправляться только ночью и лучше на лодках, по которым немцу бить труднее, особенно в дымзавесе. Другие, напротив, советовали дождаться баржи, она идет дольше, но зато мины не причинят ей большого вреда, как бы ни расковыряли ее, а все будет держаться на воде. Третьи рекомендовали во всем положиться на русскую реку, ее смелых паромщиков, капитанов и лодочников. Но из всего, что говорили о переправе более решительные, или более осторожные люди, из народной молвы, идущей по длинным степным дорогам Заволжья, складывалось одно общее, поглощающее все мысли и чувства впечатление—не сама по себе переправа, как бы опасна она ни была, волнует воображение сотен и тысяч людей, а то, что река в этом месте отделяет все виденное и пережитое до сих пор на войне от того нового, великого и героического, имя чему—Сталинград в обороне.

Все, что движется навстречу, оттуда со стороны Волги, привлекает к себе ваше пристальное внимание. На мохнатой лошаденке, отчаянно понукая ее, неловко вскидывая локтями, проскачет краснофлотец, и вы вспомните, как на днях бронекатера Волжской флотилии подошли к берегу, где скопилась большая группа наших раненых бойцов, огнем своих пушек прикрыли посадку раненых на катера и полным ходом, взрыв винтами воду, продолжая бить из орудий, вынесли раненых из прибрежного ада к спасению, к жизни, к хирургам. Проедет на бричке пехотный командир в зеленом маскировочном костюме с бурыми пятнами, он дремлет, и лицо у него тоже бурое от пыли и дыма, и, видно, вырвался он из такого места, что теперь все ему нипочем, он спит,

как бы ни тряслась его бричка. И у раненых то же выражение успокоенности, их не испугает и не остановит одиночный взрыв бомбы в стороне от дороги. Они видели кое-что посерьезней, а здесь-то все для них мир и покой, они тихо бредут по степи и на вопросы встречных о положении в городе отвечают:

— Страсть как жмет! Да, ничего, держимся. Небось, морда у него в крови. А ты туда?

— Туда.

Простое слово «туда» звучит у обоих серьезно и строго, и, помолчав, раненый говорит:

— Ну, давай. Там сам увидишь. Смотри не дрейфь. Трусов там не любят.

* * *

Вперед проходит целый караван рыбацких лодок на подводах, и вы снова вспоминаете о переправе. Но теперь вы уже стыдитесь своего тревожного чувства. После захода солнца быстро темнеет, и тогда со стороны Волги встает над степью воспаленное, багровое, страшное небо Сталинграда, и уже никто из идущих не может оторвать от него взгляда.

— Это он?

— Он.

Зарево вздрагивает и трепещет, небо здесь как будто дышит огнем. С наступлением темноты дорога оживает, колонны войск выходят на нее из укрытий, движутся пушки, грузовики со снарядами и с хлебом, с медикаментами и с газетами, — город в огне, город в крови, но он живет, потребности его велики, и к ним относятся свято.

Но вот и река. Еще издали она ворочала в воздухе тяжелые глыбы звуков, то грузных, как обвал в горах, то внезапных и быстрых, как шипение нападающей змеи. Теперь стал виден источник зарева и гула, вот уже второй месяц висящих над степью. Это Сталинград. Это бой в Сталинграде. 23 августа немцы обрушили на город первый невероятный и подлый своей преднамеренной жестокостью бомбовый удар. Три четверти города были в огне и в развалинах. Свыше тысячи самолетов бомбили город, разрушая прекрасные площади и светлые дома. И когда немцы решили, что города больше нет, — измученный, израненный город встал, поднялся и вышел на бой. Более высокого примера стой-

кости история не знает. Второй месяц пылает над Волгой, над Россией, над миром, жертвенный огонь Сталинграда. Немцы сбрасывают над городом листовки: «Сдавайтесь!» Листки грязной немецкой бумаги превращаются в пепел еще на высоте в тысячу метров — город сжигает их своим гордым огнем. У Сталинграда есть старший брат — Севастополь. Но в Сталинграде нет крепостей, нет скал и пещер, он вытянулся узкой полосой на голой, открытой со всех сторон земле, и за спиной у него — Волга. И все же растерзанный бомбами город вышел на бой, и десятки гитлеровских дивизий уперлись в него, как в скалу, скребут танками, долбят самолетами, подтачивают минами, тысячами солдатских трупов падают к его ногам, но город стоит, город сражается.

Вот он перед нами. Города не видно. Виден огонь. Дома, улицы, как будто плавятся в медленном пламени. На фоне багрового неба видны скелеты зданий, бесформенные массивы разрушенных стен, желтые огненные дыры окон и дверей. Кажется, что там нет и не может быть ничего живого. Но из клокочущего пламени поминутно выпархивают зеленые, красные, белые ракеты, с остервенением ввинчиваются в небо трассирующие пули, мечутся голубые лучи прожекторов, немецких и наших, шарахаются и вдруг обрываются светящиеся жгуты пулеметных очередей, — там люди, там войска, там бой.

На этой стороне Волги идут приготовления к переправе очередной группы войск. Никакой дымзавесы не нужно, река и так в дыму. Слышны сигнальные рожки, как на станционных путях, скрипят во мгле канаты, стучат копские копыта по деревянному трапу, фыркают заводимые моторы автомобилей, растерянный буксирный пароходик «Абхазец» развернул громадную баржу под погрузку. Все это делается в кромешной темноте, почти наощупь, приказания отдаются приглушенным голосом, и все мы выполняем их поспешно и молча и не можем оторвать взгляда от пылающего, гремящего залпами города. На лицах у нас бродят багровые огненные блики. Вдруг вся масса людей на несколько минут замирает. Пронзительный вой и треск. Над берегом рвется немецкий снаряд.

— По всему берегу щупает. Ничего. Скоро заткнется.

Это говорится спокойно, пренебрежительным тоном бывалого человека, но человек этот очень еще молод. Комлев был

начинающим журналистом в провинции, а теперь война направила его сюда, под Сталинград, на борт волжского буксира. Погрузка продолжается под огнем. Волга поддерживает Сталинград своими людьми, матросами, капитанами. Мария Ягупова пришла на буксир работать матросом. Ее ранили в голову. Она отлежалась в деревне, где остался у нее ребенок, и вернулась назад на буксир. Капитан «Абхазца» Хлынин 26 лет на воде. Теперь он дерется за Волгу — пятьсот рейсов с берега на берег, десятки тысяч бойцов, доставленных в бой. Семья капитана осталась в огне, в квартале, захваченном немцами. Но капитан здесь, рядом, он еще отобьет свой квартал. Молодой комендант буксира Домарев говорит печально и гордо:

— Я тоже сталинградец.

Комлев добавляет:

— Все мы теперь сталинградцы. Вчера убит мой друг Кузнецов, с баркаса «Пожарский». Мы похоронили его на берегу под двумя тополями. Никуда не уйдем мы от этого города.

Буксир отдает концы, нагруженная баржа тяжело отваливает от берега. Через полчаса мы будем там, в огне. Разговоры затихают. Сосредоточенное и торжественное молчание воцаряется среди бойцов. Гул Сталинграда колеблет воздух над великой рекой. Город принимает в свой раскаленный мир новый отряд Красной Армии.

* * *

Черный, обугленный, изглоданный бомбами берег. Обожженные плавучие пристани и плоты. Чудом сохранившаяся вышка водной станции. Это был веселый, молодой, трудолюбивый город. Немцы решили его убить. Тогда город стал бойцом и героем. В день первой бомбардировки среди стонов раненых, обгоревших, полузадушенных обломками людей, женщина кричала:

— Не смогут, проклятые, сжечь нашу землю, не бойтесь! Нас сожгут, а землю не смогут.

Земля Сталинграда жива, люди его в бою. Такого боя никто еще не видел. Война вошла в тесные кварталы городской окраины со всем своим чудовищным багажом — с авиацией, с танками, с пушками, с минометами. То, что Гитлер готовил для целого фронта, обрушилось на один город. Кто

знал до сих пор, что воздушная армия может драться с одним кварталом, с одной улицей? На это пошли немцы в Сталинграде, но Сталинграда они не получили. Здесь бой идет вплотную, как рукопашная схватка, где люди хватают друг друга за горло и душат. Но рукопашная схватка в окопе длится минутами. Здесь это продолжается второй месяц. Мы повстречались с бойцами. Они шли за патронами. Один сказал:

— Ворвались в первый этаж одного дома. А на втором сидят немцы, стучат сапогами, трещат пулеметами. Мы их выбьем.

Тонкий потолок отделяет здесь наших от немцев. Этот потолок и есть линия фронта в этом доме. Как дерутся здесь за дом? Приходят к голым стенам с вырванными окнами, вцепляются в камень, стреляют из чердаков и подвалов. Снаряды и мины выщербают из стен камень за камнем, на месте дома остается груда обломков, но люди держатся в ней, в этой груде, или умирают. Дома нет, но бой за дом продолжается, ибо раскаленные камни развалин—это тоже рубеж, и его надо держать. Этим прославились здесь гвардейцы Родимцева. Обстановка еще не позволяет сказать, где и как они дерутся, но такого боя еще не было в истории войн. Больше десяти дней, они держали узкий и неудобный для обороны участок против двух штурмующих немецких дивизий и 100 вражеских танков и отбились, прикрыли подвоз боеприпасов и пополнения, дали возможность вывезти раненых и потом сами ринулись в наступление.

В Сталинграде можно быть или героем, или трусом, другого выбора нет. Но трусов здесь не щадят. Я слышал, как над трупом одного из них командир сказал:

— Пусть его могила зарастет горькой полынью, пусть каркает над ним воронье, пусть воют над ним злые ветры!

Но как же мучился этот командир, когда не смог узнать имени моряка, с автоматом в руках и с гранатами, занявшего дом после того, как этот дом безуспешно атаковал целый взвод. Таковы законы уличного боя. Иногда одному, но отважному, легче ворваться в дом, чем целому взводу слабых духом и нерешительных. Здесь, действительно, дерутся не числом, а умением.

В истории войн не было задачи более трудной, чем оборона Сталинграда. Узкой полосой вытянулся город по берегу Волги. Он вплотную прижат к воде. Его во многих местах

прорезают глубокие овраги и балки — лазейки для немецких автоматчиков. Защитники города не имеют ни одного метра пространства для свободного маневра. Но бойцы Сталинграда срослись с многострадальными камнями города и отходят только после того, как камни рассыпаются в прах.

Я видел один из командных пунктов. Землянки врыты в склоны оврага, а земля вокруг них в черной накипи мазута, в пальтрах горевшей нефти. Волжский ветер гнал сюда потоки огня, пламя ревело кругом, ручьями стекало в блиндажи, катилось к воде, завивалось там смерчами, столбами, перекидывалось на плоты, на дебаркадеры, плыло по реке багровыми островами, и вода закипала, а на командном пункте люди сидели над картами и за телефонами.

С восходом солнца над городом появляются бомбардировщики. По тысяче самолетовылетов в день. «От ударов взрывных волн барабанные перепонки у нас дышат, как жабры»,— сказал один из командиров. На открытом месте стоит боец. Ударом в колокол он предупреждает о приближении бомбардировщиков. Бьет колокол, как на вокзале, но уж слишком часто, каждые две-три минуты. Все скрываются в землянках, а боец стоит во весь рост, следит за идущими в пике самолетами.

— Хожде-ение! — кричит боец. — Эй там, на галерке!

И снова звонит его колокол. С истерическим визгом и треском рвется поблизости мина. Песком запорошило глаза. Через мгновение мы поднимаем головы. Боец лежит на земле. К нему бросаются помогать, но он уже на коленях. Вот люди подбегают к нему, но он опять стоит во весь рост.

— Хожде-ение! — кричит он сердито, и тихо звонит его колокол. Но теперь боец звонит левой рукой. Правую он затянул бинтом.

Это — рядовой сталинградец. Такие здесь на всех рубежах, ими держится город. И огень вокруг города, его улицы становятся каменными гробами для немецких дивизий.

Образ Сталинграда в бою отчеканен в моей памяти поступком старого паромщика. Это было ночью. Его лица, его имени никто не запомнил. Паром разбило авиабомбами, люди бросились в темную волжскую воду. У молодого лейтенанта шинель набухла водой, лейтенанта тянуло ко дну. Старый паромщик схватил его за ворот шинели и быстро перекинул с себя спасательный круг.

— Бери! Держись! — прошептал он. Лейтенант молча отмахивался.

— Дурак! — закричал старик. — Мне оторвало руку. Я — старый, отвоевался, а тебе воевать! Держись! Держи Сталинград!

Он оттолкнулся и, загребая одной рукой, ушел в темноту.

Это человек великого города, человек сталинградской обороны, безымянный герой, которыми и держится Волга против бешеного натиска гитлеровцев.

В. КОРОТЕЕВ

БОИ ЗА СТАЛИНГРАД

Этот сад стал теперь ареной кровопролитного боя. Его деревья почти начисто скошены снарядами и минами и превратились в обгорелые обрубки стволов с двумя-тремя ветками. Лужайки и цветники развороченны бомбами, дорожки завалены разбитыми деревьями, кирпичом, щебнем. На площадке четырнадцать больших воронок — столько бомб сбросили немцы только на один этот уголок территории сада.

Немцы подступили к полотну железной дороги, прикрывавшему сад, тремя группами. В правофланговой было 200 автоматчиков и 10 танков, в левофланговой — до полка пехоты и 25 танков, в центральной — до батальона пехоты с тремя танками. Эта третья группа в первое время активных действий не вела, выполняя сковывающую роль. Таким образом, перед фронтом Н-ской части был противник, вдвое превосходящий численностью и еще более силой огня.

Основными путями проникновения немцев в город были два железнодорожных виадука, находящихся неподалеку от сада, на километр один от другого. Сюда немцы и направили свои усилия после того, как они безуспешно пытались пробраться к саду напрямик, через линию железной дороги.

Полотно, заставленное вагонами, было непроходимо для танков. Поэтому командир Н-ской части сосредоточил свои противотанковые средства у виадуков. Фланги были защищены станковыми пулеметами, которые слева держали под обстрелом овраг — место накапливания и выхода противника.

а справа линию железной дороги, откуда немецкие автоматчики все еще пытались просочиться к парку. Позади, за площадью, среди развалин обгоревших домов, занимали огневые позиции минометчики под командой младшего лейтенанта Попова.

Первую атаку немцы начали на правом фланге. Три танка с двумя ротами пехоты подошли к виадуку. Два танка осторожно, один за другим, вышли за виадук и остановились, не решаясь итти дальше. Этот момент использовали наши артиллеристы. Меткими выстрелами они подбили оба танка. Третий танк, стреляя с хода, на большой скорости донесся до угла улицы, за ним высыпали из-под моста автоматчики. Грянул разрыв противотанковой гранаты: ее бросил уже раненый боец Дзадзамия из щели, с расстояния десяти метров. Подорванный танк остановился. Ружейным и пулеметным огнем, защитники сада косили вражескую пехоту. Немцы бросились назад, под виадук. Первая атака была отбита.

Тогда противник начал яростно обстреливать сад минометным и артиллерийским огнем. Это длилось полтора часа, а затем снова началась атака, на этот раз с левого фланга. Немецкие танки приблизились к железнодорожному полотну и с пригорка открыли огонь. Под прикрытием их, автоматчики спустились в овраг, угрожая выйти в тыл нашей части. Но когда немцы подошли ближе к устью оврага, они попали под огонь наших левофланговых пулеметов. Оставив здесь до 60 трупов своих солдат, немцы поспешно отошли.

Поняв, что фланги нашей части достаточно укреплены, противник усилил воздействие на центральный участок обороны. Кроме того, утром следующего дня немцы перед атакой подвергли боевые порядки части и весь сад в целом яростной бомбежке с воздуха.

Новая атака началась с того, что пять танков подошли к виадуку, на левом фланге и открыли огонь с места. Одновременно до батальона солдат противника, рассыпавшись вдоль линии железной дороги, стало наступать в лоб. Еще несколько танков подошло справа, открыв огонь из пушек и пулеметов. Ефрейтор Шиндин выдвинулся вперед и подбил из противотанкового ружья два танка один за другим. Он отползал назад, разделавшись с танками, но в этот мо-

мент десяток пуль пронизал храбреца — немецкие автоматчики уже подобрались вплотную к саду.

Через трупы своих солдат немцы остервенело лезли к командному пункту части. На центральном участке их отбили. Наши бойцы уничтожили здесь до роты противника, а затем, перейдя в контратаку, продвинулись вперед. Достигнув полотна железной дороги, они бросали оттуда гранаты в убегающих немцев, расстреливали их из винтовок и автоматов. Но на флангах положение оставалось тяжелым. Вот дрогнул левый фланг, не выдержав сильного напора врага. Капитан Яковлев остановил бойцов и повел их в контратаку. Немцы подтянули еще 15—20 танков и открыли массированный огонь по правому флангу полка. Под прикрытием этого огня, до батальона вражеской пехоты пробралось в сад. Однако, наши роты держались стойко.

В течение трех часов три раза переходили немцы в атаку, но безуспешно. Их ярость разбивалась о стальную стойкость защитников сада. Однако, противник занял все же часть сада и несколько домов. Отсюда он фланкирующим огнем пулеметов обстреливал наши позиции. Надо было подавить вражеские пулеметы. Командир части выделил несколько мелких групп, поручив им ночью подавить пулеметы гранатами и очистить от немцев ряд домов. В результате два пулемета были подавлены, один немцы оттянули назад. Но зато они установили на полотне еще три станковых пулемета.

С утра враг вновь начал обстрел сада из всех видов оружия. Вслед за тем немцы в течение четырех часов бомбили парк с воздуха. Обстановка значительно усложнилась. Выведены из строя противотанковые орудия, связь с соседями прервана. Вражеские танки подходят к обоим виадукам и бьют по нашим окопам. Автоматчики обтекают сад справа и слева.

Ряды защитников сада поредели, но неравная борьба продолжалась. Минометчики неустанно били по входящим в парк немцам, а когда кончились мины, исправили трофейный пулемет и снова открыли огонь.

Противник, потерпевший огромный урон, замедлил наступление. Наступила короткая передышка. Наши роты занимают новые рубежи, окапываются, приводят себя в порядок. Начинается новый день яростного боя.

Сержант ЛОГВИНОВ

КАК ПОДПИСЫВАЛИ ПИСЬМО ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ

— Товарищ Карсанов здесь?

Из темноты выступил средних лет человек, подтянутый и стройный.

Капитан вынул из планшета аккуратно сложенный лист бумаги и протянул его красноармейцу.

— Ну-ка, почитайте, а мы послушаем.

Карсанов подсел поближе к раскрытой дверце печурки и, откашлявшись, начал:

«Товарищу Сталину Иосифу Виссарионовичу. От бойцов, командиров и политработников Сталинградского фронта...».

В тесном, полутемном блиндаже стало тихо.

Карсанов читал письмо неровно... Его голос то понижался, то повышался.

Наконец он умолк. Стало еще тише. Короткое молчание нарушил подносчик Осмак.

— Товарищ капитан, разрешите нам, от нашего гвардейского имени подписать это письмо.

— Конечно, товарищ Осмак.

Осмак повернулся к товарищам.

— Подписываю письмо товарищу Сталину и даю клятву, что ни перед какой опасностью не отступлю.

— Отступать нам некуда — позади Волга, а впереди враг, которого мы должны уничтожить и уничтожим, — сказал гвардии старшина Щербатюк.

Один за другим берут слово гвардейцы. Подписывая письмо вождю, они выражают свои мысли и чувства в горячих проникновенных словах. Эти мысли одни:

— Клянемся тебе, товарищ Сталин, что город твоего имени не отдадим врагу.

...Письмо пошло дальше, в землянки, окопы, а в тесном блиндаже долго не смолкали разговоры.

Ст лейтенант Ю. ЧЕПУРИН

100 РАДИОПЕРЕДАЧ ДЛЯ ВОЙСК ПРОТИВНИКА

Из укрытия выезжает полуторатонный ГАЗ. Несколько километров он мчится по извилистой лесной дороге, потом сворачивает вправо и останавливается на берегу Волги.

Ночь светлая. Хорошо видны разрушенные дома, стоящие неподалеку, деревья надломленные и расщеплённые снарядами и минами.

Первым из машины выскакивает капитан Гуркин. Он всматривается в противоположный берег, где то и дело вспыхивают немецкие ракеты, и не умолкая, строчат пулеметы.

Зашумел движок. Люди заняли свои места.

— А нам,—говорит капитан,—лучше отойти в сторону, вон туда! Иногда нервы фрицев не выдерживают, видите, всю землю кругом минами расковыряли. Это вчера.

Мы отходим на несколько метров вперед и устраиваемся около полузатопленной, вмерзшей в лед, баржи. Перестрелка на правом берегу не прекращается. Но вот раздается мощный голос рупора:

— Внимание, говорит фронт! Товарищи бойцы, командиры и политработники! Начинаем передачу для войск противника на немецком языке.

Маленькая пауза—и в эфир летят слова:

— Ахтунг, ахтунг, ахтунг!—(Внимание, внимание, внимание).

Сначала фрицы стараются заглушить радиопередачу, усиливают огонь. Но как только до них доносятся слова: Роммель... Египет... Сталинград...—пулеметы постепенно затихают, и только ракеты все чаще освещают небо над Волгой. Фрицы слушают:

— Немецкие солдаты!—четко разносится в морозном воздухе, — под мощными ударами английских войск в Египте войска Роммеля продолжают отступление.

...Немцы дают пулеметную очередь, и трассирующие пули гаснут в воздухе, как искры. Пулемет вскоре замолкает. И слова правды летят через Волгу.

Когда диктор, техник-интендант 1-го ранга тов. Хепкин говорит о положении немецких войск в районе Сталинграда, немцы слушают особенно внимательно.

Уличные бои на рабочих окраинах города. Подразделение младшего лейтенанта Малицкого занимает оборону. Фото Э. Евзерихина.

Программа звуковещательной станции разнообразна. «Последния известия» сменяет «Песня болотных солдат», а затем вальс Штрауса. Сеанс заканчивается выступлением военнопленного солдата Франца Михтнера. Он обращается к немецким солдатам. Михтнер говорит, чтобы они не верили клевете, распространяемой немецкими офицерами, будто Красная Армия уничтожает военнопленных.

Каждый день в одно и то же время мчится на свои боевые позиции полуторатонная автомашина с большим рупором над кабиной. Каждый день немецкие солдаты слушают правду о положении на фронтах, о положении в Германии.

Звуковещательная станция работает под обстрелом врага. Она провела уже свыше 100 передач.

Ол. КУРИН

В БОЯХ ЗА „КРАСНЫЙ ОКТЯБРЬ"

(Из рассказов офицера)

В один из мартовских дней, когда гвардейцы Гурьева стояли на отдыхе, а вернее сказать,—готовясь к новым сражениям, вели напряженную боевую учебу, мне довелось побывать у них в гостях. Мой фронтовой блок-нот заполнился десятками записей героических эпизодов, уличных сражений, напряженных боев за каждый цех завода-красавца, а мне все называли новые и новые имена доблестных солдат и офицеров.

— Обязательно побывайте в батальоне Ильютченко, — советовали мне штабные командиры.

Как-то вечером я разыскал Ильютченко. Это был высокого роста, стройный, подтянутый гвардейский капитан с орденами Красного Знамени и Красной Звезды на груди. Я представился: «Военный корреспондент «Сталинградской правды»...

Мы разговорились о недавних жарких боях. Гвардии капитан Ильютченко рассказывал до глубокой ночи о бойцах своего батальона. Когда было трудно восстановить некоторые подробности или вспомнить даты, Ильютченко обращался к помощи тетрадки. Я заинтересовался ею, и гвардии капитан передал мне тетрадь, исписанную химическим карандашом. На обложке была надпись:

«Д. Ильютченко. Записки гвардейца».

Потом шли наброски предисловия о характере уличных боев в Сталинграде и далее описание эпизодов боев за «Красный Октябрь» в октябре — ноябре 1942 года. Они были сущим кладом для военного корреспондента. С разрешения гвардии капитана Д. Ильютченко я выписал некоторые из них и подготовил к печати.

I. СНАЙПЕРСКАЯ ХИТРОСТЬ

Гвардейцы генерала Гурьева, обороняя завод «Красный Октябрь», отбивали многочисленные атаки противника. Немцы вели по нашим позициям непрерывный артиллерийский огонь. С утра до позднего вечера самолеты сбрасывали на нас тысячи бомб. Воздух стонал от бесчисленных взрывов, клубы дыма и пыли закрывали солнце. Дрожала земля и рушились здания. В этом смерче огня и металла, в смертельных схватках с врагом, воины Сталинграда проходили суровую школу боевого опыта, совершенствуя свое воинское мастерство и выучку.

В боевом донесении я прочитал, что гвардии красноармеец Никитенко за день сразил двух немцев. «Этот сможет стать снайпером», — подумал я. Разыскав меткого стрелка, я спросил его:

— Что нужно для того, чтобы вы ежедневно убивали по два немца?

— Пристрелять винтовку и выбрать удобную огневую позицию,—ответил Никитенко. Я рассказал ему о правилах снайпинга, об опыте первых снайперов батальона, и боец ушел в овраг пристреливать винтовку.

Ночью Никитенко осмотрел развалины домов, облазил воронки, оставленные разбитые окопы и блиндажи, а ранним утром он устроился в траншее, завалонной разным хламом, ржавым кровельным железом и досками. Начинающий снайпер терпеливо наблюдал за расположением врага. Фриц с ведром в руках торопился в блиндаж. Бойцы, сидевшие в четвертом блиндаже, увидели его и взялись за винтовки. Не успели они и прицелиться, как недалеко от них раздался выстрел и фриц шлепнулся на землю. Бойцы переглянулись: кто убил немца? Скоро еще два чужеземца свалились замертво.

В тот же день гвардейцы узнали, что это стрелял Никитенко. Мне же он рассказал только об одном отправленном к праотцам фрице, в которого выпустил две пули.

— Дюже толстый попался...—шутливо оправдывался гвардии рядовой.

— Четыре пули на трех фрицев—это неплохо,—ободрил я Никитенко, и с той поры он стал получать трудные задания.

Был такой случай. Две вражеские пули впились в бру-

ствер над самой головой наблюдателя. Откуда-то стрелял фашистский снайпер. Никитенко получил приказание обнаружить и уничтожить этого немца.

Наутро на том месте, где накануне находился наблюдатель, начал высовываться через бруствер неосторожный «красноармеец». Вражеский снайпер выстрелил, и «наблюдатель» свалился. Вскоре он показался в другом месте. Снять прозвучал выстрел и вновь «наблюдатель» свалился в блиндаж. Фриц, сидевший где-то в развалинах, не удержался от восклицания.

Снайпер Никитенко не торопился, он терпеливо наблюдал, выискивал тщательно замаскировавшегося фашистского стрелка. Наконец, он засек вражеское логово. Над бруствером снова приподнялся «наблюдатель». Прогремел выстрел на этот раз из траншеи Никитенко. Чучело, изображавшее «наблюдателя», выглянуло уже в новом месте. Фриц молчал: русский снайпер перехитрил его.

II. ОДНАЖДЫ НОЧЬЮ

Рота стояла в обороне. На командный пункт роты часто приходили командиры. Они коротко докладывали о боевых делах. Получали приказы. Сам командир роты Павленко каждую ночь посещал блиндажи и там беседовал с бойцами, давал им советы бывалого офицера.

Так было до тех пор, пока немецкие пулеметчики не расположились в каких-нибудь шестидесяти метрах от командного пункта. Они пристреляли амбразуру наблюдателя и вход в блиндаж. Каждого, появлявшегося в ходах сообщения, немцы обстреливали короткими очередями. Был ранен связной. Гвардии старшина Волченко нес ужин. Фрицы обстреляли старшину и пробили котелок. Скупой на слова Волченко вошел в блиндаж обозленным и мы услышали от него целую гневную речь:

— Да... Пристрелялся паршивый фриц, вот, гадина, без горячего оставил...

Старшина быстро скрутил цигарку, присел на ящик из-под патронов и задумался. Потом посмотрел на нас, медленно прошел по блиндажу, взял противотанковую гранату и автомат.

— Товарищ командир, — обратился старшина к командиру Павленко,—разрешите прикончить немецкий блиндаж.

— Справитесь?

— Не сомневайтесь,—ответил Волченко и пополз по ходу сообщения. Оставшиеся в блиндаже бойцы и командиры около часа всматривались в темноту, тревожно ожидая товарища. Вдруг совсем недалеко прогрохотал взрыв. Мы переглянулись, и вновь потянулись минуты тревожного ожидания.

Наконец, в блиндаж, слабо освещенный коптилкой, сделанной из гильзы, вошел улыбающийся Волченко, волочивший за собой вражеский пулемет.

— Я по-своему, по-русски пристрелил ихний блиндаж,— сказал вполголоса гвардии старшина и тяжело опустился на скамью. Мы не добились от Волченко больше ни слова, а на утро увидели разбитый немецкий блиндаж и серо-зеленые клочья шинелей на развороченной глинистой земле.

Командир роты Павленко записал в личевой счет старшины Волченко еще двух убитых немцев и, не торопясь, вывел цифру «21».

III. ПАНТЕЛЕЙ ШУЛЬГА—КОММУНИСТ...

Он был самым пожилым из всех нас и многим годился в отцы. И только за одно это надо было уважать Пантелея Шульгу. Но солдатскую любовь он снискал своим бесстрашием, боевым опытом, жизнерадостностью, отеческой заботой о молодом пополнении. В часы затишья около высокого, худощавого солдата обычно собирались бойцы. Скороговоркой, пересыпая речь украинскими словами, рассказывал им Шульга о походах в Щорсовском полку, о боях за Царицын, в которых он участвовал.

— Це дило було так,—говорил Шульга.—Ночью наш отряд пробрался в лес и узнал, что недалеко белогвардейцы. Мы разожгли большой костер, шум и стрельбу подняли, что за верству услышишь, и скрылись в засаде. Отряд белогвардейцев в лес, на костер направился—им, конечно, интересно знать, что там случилось. А мы тильки цього и чекали. Вырвались из засады, и ну рубать.

Его беседы были наполнены гордостью за славу и силу русского оружия и русского солдата. Он старый солдат, всем своим существом переживал наши неудачи. Его бесило, что немцы свободно ходят в глубине поселка. Возвратившись однажды с совещания боевого актива, Пантелей Шульга долго расспрашивал бойцов, кто из них раньше был охотником, у кого

меткий глаз, проверял чистоту оружия. Отобрав четырех бойцов, Шульга пошел с ними к себе в подвал полуразрушенной школы. Заставив бойцов усердно чистить винтовки, он приговаривал:

— Чистьте, чистьте, ребятушки. Завтра будет немцам жарко. Сперва мы их заставим ползать по земле, а потом и не вылазить из берлог.

Осмотрев вычищенные винтовки, Пантелей Шульга усадил гвардейцев и подробно рассказал им, как выбирать огневую позицию и стрелять без промаха. Обучал их терпеливо. Когда воины занимали места в блиндаже, Пантелей Шульга все советовал, как вести себя в бою. Если позволяли условия, Шульга заставлял будущих снайперов обмениваться опытом.

— Моя винтовка в двадцать раз старше любой из ваших,—любил говорить Шульга,—а стреляет, как новенькая. Ружьишко-то небось, еще в германскую на фронте было и в восемнадцатом по немцам стреляло.

Между Шульгой и его десятью учениками шло ревностное соревнование. Скоро молодые стрелки перепяли у своего учителя любовь к оружию, навыки снайперской стрельбы. Уже за первые полторы недели охоты за фрицами они истребили 120 немцев.

Величие души и стойкость Пантелея Шульги с особой силой раскрылись 23 октября. Вторую неделю немцы наступали на завод «Красный Октябрь». Сам сатана, казалось, не выдержал бы того ада, который был в поселке. Над заводом стоял непроницаемый дым и чад — то горели цехи и мазутные ямы. Земля около каменных домов сначала делалась красноватой от кирпичной пыли,—так часто по ним ударяли пули, осколки снарядов и бомб, — потом покрывалась щебнем, кирпичем от взлетавших в воздух домов. Надо было укрываться не только от пуль и бомб, но и от летящих обломков стропил, конструкций. Над поселком выли пикировщики и «музыканты»—самолеты с воющими сиренами. После продолжительной авиационной подготовки и минометно-артиллерийского обстрела немцы переходили обычно в атаки.

Так было 23 октября. До роты немецкой пехоты пробралось к школе, которую оборонял Пантелей Шульга и его восемь товарищей.

Суровые и молчаливые бойцы вложили запалы в гранаты. Два наших снайпера и автоматчики стреляли по рядам

фрицев. Взвилась ракета, и гитлеровцы с гиканием и улюлюканием ринулись на школу. Автоматными очередями и гранатами встретили немцев гвардейцы. Как ошпаренные, отходили немцы от школы четыре раза. Но редели и ряды героев— их было шестеро.

Неожиданно появились танки. От выпущенных ими снарядов рушились стены. Гвардейцы, перемазанные известью, с кровоподтеками на лице, в помятых гимнастерках выбирались из-под развалин и, устроившись поверх их, стреляли по наседавшему врагу. Иссякали патроны. Раненые красноармейцы Агажишнев и Пилипенко, оставив развалины, поползли к трупам немцев — а их вокруг здания было до шести десятков—и, забрав вражеские винтовки, начали стрелять из трофейного оружия.

Самоуверенные немцы надеялись на стальную броню. Танк, подминая под себя глыбы земли, подошел к полуразрушенной стене. И сразу за стеной и по развалинам всего в нескольких метрах от гвардейцев поползли немцы. Настали минуты наивысшего испытания крепости солдатских сердец и нервов.

— Не пройдете, гады!—закричал Шульга и, схватив бутылку с зажигательной жидкостью, пополз к танку. Автоматчик Бодарин выпустил последний диск патронов. Шульга все быстрее и быстрее приближался к машине с черным крестом. Немцы заметили Шульгу и поползли ему наперерез, намереваясь, очевидно, захватить гвардейца живым. Но он опередил вражеских солдат: зажигательная бутылка точно угодила в танк, жидкость растеклась по броне и машина запылала.

Пятеро боевых друзей крикнули от радости «ура» и оставшиеся гранаты полетели в немцев, ползших к Шульге. Воспользовавшись секундным замешательством, Пантелей Шульга схватил у убитого немца пулемет и он безотказно заработал в руках гвардейца.

Бой утих. Вокруг развалин школы валялись 60 трупов гитлеровцев и стоял сожженный танк. Фрицы уже не пытались захватить школу. Победила гвардейская стойкость.

IV. ОНИ НЕ ПРОШЛИ

Никогда не забыть мне ожесточенных октябрьских боев в поселке «Красный Октябрь». Немцы, имея крупное превосходство в силах, остервенело рвались к Волге. Что только

ны делал враг! Он пускался на хитрости, он атаковал нас танками, он стянул в район завода чуть ли не всю авиацию фронта. На несколько километров вокруг стоял непрерывный гул от взрывов бомб и гудения моторов. Горел поселок. Горели цехи. В небо поднимались огромнейшие столбы черного дыма. В то время было зарегистрировано до двух с половиной тысяч самолетовылетов в день. Земля как будто перепахивалась гигантским плугом, безжалостно рушившим на своем пути дома и перемешивающим их обломки с песком и глиною.

Именно тогда и отличился Николай Жулин. Немцы атаковали блиндаж Лазутина, находившийся около трансформаторной будки немного левее Каруселыной улицы. Блиндаж был крепким, надежным, с мощной системой огня. Когда я наблюдал за работой блиндажа, то у меня, как, впрочем, и у других командиров, создавалось впечатление, что из него ведет огонь целый взвод, а было там только четыре гвардейца.

Немцам не удавалось пробиться вперед. Пятую атаку немцы начали под прикрытием танков, сосредоточивших на блиндаже бешеный огонь. Положение гвардейцев становилось тяжелым. Разорвавшаяся мина разбила вход, снаряд развернул амбразуру. В блиндаже остался в живых только Николай Жулин. Перемазанный пылью, с царапинами на лице, он продолжал обороняться блиндаж. Жулин стрелял то из автомата, то из винтовки, то из противотанкового ружья.

По Карусельной улице, громыхая и лязгая гусеницами, двигались танки. Один из них несся на полуразрушенный блиндаж. Жулин насторожился. Отложив автомат, он припал к бронебойке и стал выжидать. Вражеская машина подползла совсем близко. Послышался выстрел, за ним другой, и танк громадным волчком завертелся на месте и запылал. Жулин смахнул с лица крупные капли пота и закричал самому себе: «Здорово, Николай, здорово!».

Короткое, как миг, ликование вновь сменилось напряженным боем. Гитлеровцы продолжали атаковать неслающийся блиндаж. Свистели пули и выли осколки, взлетали комья земли. Жулин выбирал цели и стрелял. Вдруг что-то обожгло левую руку и он почувствовал боль. «Пустяки» — думал он, наскоро перевязывая рану и урывками поглядывая на ползущих с двух сторон немцев. «Борьба еще не окончена» — говорил себе Жулин, бросая гранаты. Шмелем прожужжал

осколок мины и впился в плечо. Беспомощно повисла уже раз раненая рука. Потемнело в глазах.

Обливаясь кровью, Николай Жулин метнул еще четыре гранаты. Гитлеровцы были взбешены этой стойкостью. Бросая гранаты, они побежали на блиндаж героя. Николай судорожно обшарил все ниши. В последнее мгновенье под руку попала противотанковая граната. Собрав остатки иссякающих сил, гвардеец метнул ее в немцев, находившихся в нескольких шагах. В воздух взлетели комья земли, и клубы пыли окутали героя. Немцы не выдержали. Оставив убитых, они отошли.

Боевые друзья Жулина пробрались к разрушенному блиндажу. В герое еще теплилась жизнь. Он приоткрыл отяжеловшие веки и узнал товарищей, склонившихся над ним головы:

— Прощай, Николай, — произнес коренастый, с закопченным гарью лицом, молодой, но уже поседевший, гвардеец, — прощай, дорогой сталинградец...

Комсомолец Жулин открыл глаза. Его почерневшие губы зашевелились и мы услышали от Николая Жулина слова о том, во имя чего он отдал свою жизнь:

— Они не прошли... Напишите об этом Сталину...

V. „БРАВО, ГВАРДИЯ!“

Весь взвод любил Петра Неживязова — всегда сурового, но интересного собеседника и верного товарища. Он внушал чувство огромного доверия к себе и каждый из командиров знал, что на коммуниста Неживязова можно положиться. Не случайно поэтому гвардии младший лейтенант Шестопалов остановил свой выбор именно на Неживязове.

— На рассвете, — говорил ему Шестопалов, — немцы готовят наступление. — Прикрываемый нами участок — самый уязвимый и немцы попытаются здесь прорваться на завод. Приказываю вам, товарищ Неживязов, с двумя бойцами выдвинуться в развалины вон того дома, — командир взвода показал рукой на щербатые стены с полуразбитой крышей, находившиеся метрах в ста от заводского забора, и властным тоном закончил:

— Этот дом—ваш рубеж. Его надо удержать во что бы то ни стало.

— Есть удержать рубеж, — ответил Неживязов и, повер-

пувшись кругом, пошел к гвардейцам. Он тщательно осмотрел автомат, взял десятка полтора «феиек», запасся дисками. И, ожидая всескрывающей от вражеских глаз ночной темноты, завязал беседу с бойцами Завьяловым и Аникеевым. Когда в небе вспыхнули крупные звезды, и, словно соперничая с ними, над скелетами домов высоко повисли ракеты, бойцы поползли на рубеж...

...Пастало прохладное октябрьское утро. Чудесная заря щедро расплескала краски над заволжским лесом, где стояла наша артиллерия.

— Заря-то,—начал было Аникеев,—как в моем краю...

Нахлынувшие воспоминания прервались так же неожиданно, как и возникли: в небо взвилась зеленая ракета, оставляя за собой дымный след. Три советских автоматчика насторожились. Еще две ракеты взвились в небо, и тихая улица наполнилась ухапьем минометов, автоматными очередями, выкриками — то наступали немцы. Командир Шестопалов был прав: используя хорошо замаскированные ходы сообщения, немцы сосредоточились недалеко от дома, где засел Неживязов и два его друга. И вот теперь до сотни фрицев в рост шли на дом. Правее их против нашей роты разворачивался целый батальон. Сотня против трех. Как говорят, дома и стены помогают. Неживязов, Аникеев и Завьялов, укрывшись за стенами с многочисленными выбоинами от пуль и осколков, ввязались в бой. Несколько очередей из автоматов, и гитлеровцы залегли. Неживязов переменил позицию, чтобы удобнее было стрелять по немцам, наступавшим с флангов.

Оправившись, немцы теперь уж поползли, укрываясь то в воронках, то за грудами кирпича и обломками зданий. Метрах в тридцати от дома немцы приподнялись и бросились в атаку. Из блиндажа навстречу противнику полетели гранаты. Их смертоносные разрывы задержали противника, но не на долго. Ливень огня обрушился на дом, и по уцелевшим доскам пола забарабанили куски штукатурки и кирпича.

Среди треска, выстрелов и свиста пуль Неживязов услышал, как немцы нахально кричали: «Рус, капут... Рус, здавайтс!..» И такая ярость охватила Неживязова, что он готов был голыми руками разорвать фрицев на куски.

— А ну-ка, покажем им, гвардейцы!—крикнул товарищам Неживязов. Но никто ему не ответил. Он окликнул Завьялова, но и тот молчал.

— Да стреляйте же! — с досадой прокричал Неживязов и повернулся в сторону друзей. Переставляя руки и оставляя за собой кровавый след, к окну полз с мертвенно-бледным лицом Завьялов. Страшное это было зрелище: правая нога бойца еще держалась на сухожилии, а из оторванной ступни левой ноги стекала кровь.

— Друг, помоги немного,— не сказал, а выдавил из себя нечеловеческими усилиями эти слова автоматчик. Потом, он кивком головы показал на окно. Неживязов подтащил товарища, а сам страшный от гнева и злости к врагу и сострадания к товарищу, с гранатами в руках побежал к двери: в нее врывались немцы. В скоротечном бою исход решают доли секунд, в которые надо успеть оценить обстановку и принять решение. Наши бойцы научились действовать в таких условиях. Ловким, почти неуловимым движением, Неживязов швырнул «феньки» в ноги гитлеровцам, а сам пластом растянулся на земле, чтобы его не задели осколки. Бросок был удачным—нескольких немцев разорвало в клочья, а уцелевшие гитлеровцы, не выдержав богатырского натиска, отбежали и укрылись за стенами домов.

Озлобленные неудачами немцы открыли ураганный огонь по бастиону Петра Неживязова. Языки пламени заплясали по крыше, перекинулись на уцелевшие деревянные стены и перегородки.

Завьялов лежал у окна. Из его ран все еще текла кровь. Гвардеец открытым ртом жадно вдыхал воздух. Силы оставляли его. Слегка приподняв голову, Завьялов увидел, что оглушенный разрывами собственных же гранат Неживязов перебегает по заволакиваемой дымом комнате от окна к окну. После короткой очереди он менял огневую позицию. «Нет, сволочи, не возьмете! Не возьмете!» — кричал бесстрашный гвардеец.

Обида и горечь заполнили сердце Завьялова. Горько ему было от того, что он ничем не может помочь боевому другу, попавшему в беду, товарищу, с которым клялся стоять насмерть. До его слуха донеслись слова Аникеева, подсказывающего, что надо делать.

— Бросай гранаты в окно, бросай! — говорил Аникеев и сам, превозмогая боль в раненой руке, снова принялся стрелять по немцам.

— За вас, друзья... За город Сталина,—едва слышно

сказал Завьялов и, каким-то чудом дотянувшись до подоконника, облокотился на него и на голову врага из горящего дома полетели гранаты.

— Браво, гвардия! Браво! — неистово воскликнул Петр Неживязов.

И эти слова, и взрыв последней гранаты слились воедино с «ура», пронесшимся там, где рота успешно отразила атаку немецкого батальона.

Т. КОЛЕСНИКОВ

ВЕРНЫЙ СЫН СТАЛИНГРАДА

Пулеметчик Николай Шереметьев родился и вырос в Сталинграде. В первые же дни бомбежки, гитлеровцы разрушили дом, где он жил, при бомбежке погибли отец, мать и четыре сестры Шереметьева.

Трудно было переживать потерю родных, но молодой воин не пал духом. Он поклялся беспощадно бить немцев, мстить за разрушенный город, за смерть родных.

В боях за родной город Николай Шереметьев показал образцы героизма и стойкости. Не один десяток фашистов скосил он своим пулеметом.

Недавно отважный пулеметчик вступил кандидатом в члены партии Ленина—Сталина.

Через несколько дней подразделение пошло в наступление. Немцы встретили наступающих сильным огнем. Не раздумывая, Шереметьев выдвинулся с пулеметом вперед и уничтожил огневые точки. Бойцы двинулись дальше, но на полпути снова вынуждены были залечь. Кинжальным огнем строчил вражеский пулемет. Шереметьев скрытно подполз к огневой точке и метнул гранату. Пулемет с прислугой перестал существовать. Фашисты дрогнули, разбежались в разные стороны, но их вдогонку настигали меткие пули пулемета Шереметьева.

Осколком мины ранило Шереметьева. Но молодой коммунист остался в строю и продолжал обливать немцев свинцовыми очередями. Бойцы достигли нового рубежа. Стараясь вернуть потерянные позиции, враг открыл сильный минометный огонь. Шереметьева ранило вторично. От большой

потери крови он потерял сознание. Очнулся Шереметьев на медпункте.

— Жаль что я мало убил этих гадов, — тихо сказал он. Но это не все. После лечения я с ними рассчитаюсь полностью.

Красноармеец Иван ЛЫСЕНКО

МОЙ ГОРОД

Когда я смотрю на родной город, сердце мое обливается кровью, руки еще сильнее сжимают автомат. Сталинград! Кто хоть раз бывал в этом городе, раскинувшемся на берегу нашей красавицы-Волги, тот никогда не забудет его. А мне он особенно дорог. В этом городе я родился и рос, учился и мужал. Недалеко от моей огневой позиции — родной дом, а вот семилетка, где я учился, вот завод, где я работал. Мы выпускали трактора, и в каждом из них была моя деталь. Я гордился своим заводом, гордился званием стахановца. Вот дворец культуры, где мы проводили веселые вечера, кино, театр, сохранилась еще трамвайная линия.

Но нет, теперь это уже все не то. Гитлеровские мерзавцы сбросили тысячи бомб и снарядов, чтобы разрушить город. Но город мой жив! Я в нем, я держусь за него!

В одном из домов, где сейчас еще окопались гитлеровцы, жила моя любимая девушка. Может быть гитлеровские варвары изнасиловали ее и расстреляли, может быть они ее пытали и потом повесили в моем родном городе? Нет, этого я никогда не прощу немцам. Я буду мстить за родные улицы, за школу и завод, за все любимое. И близок час, когда с именем Сталина на устах я приду на свою праздничную улицу.

СЛАВА ГЕРОЯМ СТАЛИНГРАДА

Доблестно сражаются за честь и независимость Родины защитники Сталинграда. В боях с немецкими поработителями они воскресили славные традиции защитников Царицына. Их боевые дела, подвиги записаны на страницах истории великой Отечественной войны, истории героической обороны Сталинграда.

Страна чтит и славит своих героев, заслуженно награждает их. Только на-днях многие из защитников Сталинграда Указом Президиума Верховного Совета СССР удостоены высших правительственных наград.

Звания героя Советского Союза присвоены: красноармейцу Ермакову Афанасию Ивановичу, известному пулеметчику, истребившему за 17 дней 300 гитлеровцев, младшему сержанту Болото Петру Осиповичу, одному из героической четверки бронебойщиков, подбившей 15 танков из 30, гвардии лейтенанту Андрееву Николаю Родионовичу, который со своим экипажем сжег и подбил 27 вражеских танков, старшему лейтенанту Гокову Филиппу Антоновичу, батальон которого только в одном бою вывел из строя 34 вражеских танка и истребил 220 гитлеровцев.

Защитники Сталинграда—старший лейтенант Рубан Иван Назарович и капитан Цыбулин Иван Петрович—первыми награждены орденами «Александра Невского». Это они, герои, не дрогнув перед превосходящими силами врага, обеспечили его разгром каждый на своем участке.

Удаль и отвага, бесстрашие и дерзость, смелость, решительность, помноженные на выучку и мастерство,—вот залог успеха героев. Нельзя стать снайпером, не овладев винтовкой. Нельзя быть мастером танковых ударов, не зная танка. Нельзя стать воздушным асом без боевой летной выучки. Мало одного желания бить врага, надо уметь уничтожать его без промаха.

Надо уничтожать гитлеровцев так, как уничтожают их наши славные герои. Сочетая отвагу с умением, они идут в дерзкую атаку, бросаются на таран, врываются в самую гущу врага.

(*Газета „Сталинское Знамя“*).

ТАНКИСТ ШОЛОХОВ

Беспримерен подвиг Дмитрия Шолохова. В тяжелом бою против заклятого врага советский богатырь одержал блистательную победу. Находясь в засаде со своим танком, за пять часов боя Шолохов сжег 25 фашистских танков и уничтожил батальон пехоты противника. Представить себе только, как в широкой волжской степи полыхают двадцать пять костров, как за несколько часов выросло огромное кладбище трупов поганой немчуры!

Дмитрию Шолохову всего 22 года. Это молодой, полный сил, воин - командир. В нем сочетаются воинское мастерство и высокая отвага.

У Шолохова светлый ум. В горячке боя он умеет правильно оценить обстановку, принять нужное решение и осуществить его. Когда семью бронебойными снарядами Шолохов поджег 6 фашистских танков, он решил прекратить огонь, несмотря на то, что немцы не успели его обнаружить. Шолохов предполагал, что немецкие танки займут такое положение, из которого ему будет удобнее бить их. И расчет командира оказался правильным.

У Шолохова сердце льва. Он не дрогнул, когда вокруг него бушевал огненный смерч разрывов. Он, не вздрогнув, подпустил к себе на 150 метров колонну танков врага. Больше того, именно в эту трудную минуту у него созрел замечательный план: устроить врагу огневую пробку. И Шолохов хладнокровно подпустил танки и ударил сначала по головной машине, а затем — по хвостовой. Танки загорелись, а остальные заметались под меткими выстрелами героя.

Президиум Верховного Совета СССР присвоил звание Героя Советского Союза старшему лейтенанту Дмитрию Дмитриевичу Шолохову. Еще один славный воин - сталинградец удостоен лавров героя нашей Родины!

(*Газета „Сталинское Знамя“*).

М. ХУРАМШИН

ГЕРОЙ-СВЯЗИСТ

Бой достиг высшего напряжения. В воздухе гудели вражеские самолеты, непрерывно бомбили наши позиции. Вся артиллерия противника обрушилась на наш передний край. После этого в атаку пошла немецкая пехота...

Как раз в этот напряженный момент порвалась телефонная линия, нарушилась связь с минометной батареей, нарушилось управление огнем.

Дежурный связист пошел на линию, но долго не возвращался. У телефона оставался комсомолец Шаломенцев. Он решил пойти сам исправить повреждение. Огонь был такой, что головы не поднять. Шаломенцев пустился бегом вдоль провода. Обрывов было несколько, Шаломенцев их быстро устранял. Отважного связиста ранили.

Вот последний обрыв. Устранить его Шаломенцев не успел. Рядом упала мина. Смертельно ранен связист. И в последнюю минуту своей жизни он сжал рукой концы разорванного провода.

Связь уже действовала. По телефону передавались команды и приказы, по телефону корректировался минометный огонь, и врагу стало жарко от нашего шквального огня...

А на поле боя с крепко зажатыми в руке концами оборванного провода лежал геройски погибший комсомолец Шаломенцев.

Скромный связист Шаломенцев защищал Сталинград до последней капли крови и геройски отдал свою жизнь. Слава ему!

ПУЛЕМЕТЧИК ИЛЬЯ ВОРОНОВ

Илья Воронов — гвардеец, командир пулеметного расчета, боец Сталинграда. Он, защищая свой боевой рубеж, отбил неоднократные ожесточеннейшие атаки озверелого врага, трупами умостил дорогу от немецких окопов до своей позиции, принял двадцать пять ран, но с поля боя не ушел. Не ушел богатырь Воронов с боевого рубежа и в то время, когда выбыл из строя его пулемет. Не ушел герой Сталинграда и тогда, когда кончились у него патроны к оружию, взятые у павших товарищей. Не ушел герой-гвардеец и в тот момент, когда

оказалась перебитой осколком мины рука. Истекая кровью, Воронов зубами срывал кольца гранат и посылал одну гранату за другой в гущу ненавистных врагов.

Сколько же воли к победе, сколько горячей любви к своей матери-родине в этом героическом подвиге пулеметчика Ильи Воронова.

(*Газета „Сталинское Знамя“*).

Гр. ЛИМ

АРТИЛЛЕРИСТ НЕУМЫВАКИН

Немцы, собрав на узком участке большое количество пехоты и танков, контратаковали наши подразделения. Группе вражеских танков удалось прорваться вперед и окружить полковую батарею, в которой находился сержант Неумывакин. Бешеным огнем из пушек и пулеметов фашисты вывели из строя орудийные расчеты и намеревались гусеницами раздавить орудия.

Оставшись один, сержант решил сражаться до последней капли крови. Он сам подносил снаряды, заряжал и прямой наводкой бил по немецким танкам. Подбит один танк, второй. Неумывакин перенес огонь на фланги. Подбив шесть немецких танков и одну бронемашину, храбрец остановил танки противника, а затем обратил их в бегство.

Л. ЛИНЬКОВ

СЕРДЦА ЧЕТЫРЕХ

Сталинградская быль

Молва об их подвиге опередила официальное сообщение. В окопах на окраинах Тракторного завода и «Красного Октября» еще не знали имен героев, но из уст в уста передавали волнующую весть: четверо воинов устояли против двадцати немецких танков.

Каждому, кто в эти часы ждал новую атаку немцев, каждому бойцу, готовому к новому смертному бою, от этой вести становилось легче на душе. Не таким уж тяжелым представлялось все пережитое, не такими страшными казались бомбежки, минометные налеты и вражеские автоматчики, от-

крывшие неожиданную пальбу в тылу, — ничто не казалось непреодолимым, если четыре человека смогли отразить двадцать танков...

Это произошло в середине сентября в районе, известном сталинградцам под старинным названием Дар-Гора. Рота воинов была окружена там батальоном противника. Бой разгорелся с рассветом.

В течение часа наши позиции «обрабатывали» вражеские пикировщики. Самолеты заходили группами по тридцать-сорок штук. С пронзительным воем, разрывая воздух, летели вниз тяжелые бомбы, рельсы и даже пустые бочки из-под горючего. Немцы хотели навести ужас на защитников Дар-Горы, подавить их волю к сопротивлению.

За бомбежкой последовал короткий артиллерийский налет, а потом, пользуясь попутным ветром, противник поджег дымовые шашки, и за клубами плотного серого дыма пошла пехота.

Немцы наступали со стороны городского кладбища, через развалины больницы, вдоль железнодорожного полотна и улицей, ведущей в тыл командного пункта полка.

До 16 часов немцы безуспешно пытались захватить командный пункт и, потеряв на подступах к нему полтораста человек, перенесли удар на 4-ю роту.

Рота заняла круговую оборону. Из-за домов на окопы роты сыпались сотни мин, из зданий били тяжелые пулеметы. Почти до вечера продолжался этот ливень. Обожженная земля дымилась, обломки кирпича накалились от частых разрывов мин. Неумолкающий грохот и треск глушили людей, но люди стойко держались. Едва умолкали вражеские минометы, едва немцы поднимались из-за укрытий в атаку, как рота огрызалась пулеметными очередями, залпами винтовок, гранатами. Словно сама сталинградская земля встала на пути врагов, и развалины домов, занятых ротой, превратились в неприступные редуты.

Тогда немцы вызвали танки. Двадцать средних танков появились среди руин. Они шли к окопам взвода младшего лейтенанта Круглова. Из взвода осталось в строю четверо: Петр Круглов, сержант Александр Беляев и красноармейцы Михаил Чембаров и Николай Сарафанов. Только накануне они провели бой с десятью танками, подбив две машины. Сейчас предстояло выстоять против новой стальной лавины.

Двадцать бронированных коробок ползли на окопы, где залегли воины. Самым молодым был среди них командир Петр Круглов. Двадцать лет жизни он провел среди гор родного Алтая, год уже воевал с немцами. Он был молод, но бойцы доверяли его опыту и любили его.

Сержанта Беляева дороги войны привели в Сталинград из Вологодской области, где в деревне Новая Тальма осталась его старая мать. Пулеметчик Сарафанов и бронебойщик Чембаров—земляки сталинградцы, оба родом из Ольховского района, из соседних сел Гусевка и Рыбинка.

— Приготовиться к отражению танков! — приказал Круглов.

Чембаров и Беляев поудобнее пристроились у длинноствольных ружей. Круглов и Сарафанов приготовили бутылки с горючей жидкостью.

О чем думали четыре воина в эти минуты? Может быть вспомнили всю довоенную жизнь, и, глядя на ползущие по развалинам города танки, они, как никогда раньше, хотели жить.

Отсюда, с Дар-Горы, им была видна широкая Волга. По реке плыли сорванные с якорей горящие баржи. Черная туча которые сутки колыхалась над водой: немецкие бомбы подожгли склады горючего, и ветер разнес клочья сажи, запах горелого железа и нефти.

Облачка зенитных разрывов беспрерывно возникали над рекой, среди разрывов пикировали «Юнкерсы» и сыпали вниз бомбы на буксиры, на лодки и катера, доставлявшие с того берега красноармейцев, снаряды и хлеб.

А там, за рекой, горели поля пшеницы, столбы пожарищ подпирали небо по всему горизонту — то полыхали подожженные немцами деревни и села, то горела русская земля.

Может горели в этот час и родные избы Сарафанова и Чембарова, может жены и дети их бежали пыльными дорогами под пулями немецких истребителей в горе, в слезах и, увидев сейчас своих мужей и отцов, гневно спросили бы: «Как вы допустили такое?».

И пусть далеко от Сталинграда до кругловского дома в Алтайских горах, пусть в вологодских лесах Беляева не слыхать смертного голоса войны, но и Круглов с Беляевым думали о доме своем, и нельзя было помыслить уйти за Волгу, не было там для солдат Сталинграда места, не при-

няла бы их заволжская степь. Надо было лежать здесь, среди камней спаленного города и биться с немцем, не щадя своей жизни.

Петр Круглов взглянул, наверное, на лица товарищей, увидел в них решимость и понял: они не дрогнут, не сдадут, не побегут прятаться за стену соседнего дома, не сойдут с рубежа.

— По головному огонь!—скомандовал Круглов.

Сержант Беляев прицелился и с первого выстрела подбил головной танк. Машина остановилась и из верхнего люка выскочили двое немцев.

— Огонь! —крикнул Круглов.

Сарафанов скорее понял, чем услышал его, и короткой очередью пулемета сразил врагов.

Танки прибавили ходу, пять машин мчались в ряд. До окопов осталось всего метров сорок. Сарафанов схватил бутылку и, на миг приподнявшись над окопом, бросил ее. Бутылка угодила в орудийную башню и ярко вспыхнувшее пламя потекло по броне.

Третий танк, выскочивший слева сквозь остатки стены, поджег Михаил Чембаров.

Обходя подбитые и горящие машины, три танка подошли к окопам почти вплотную. Сержант Беляев в упор выстрелил в ближайшую машину. Танк прополз несколько метров и, нависнув над окопом, встал...

Целый час продолжался невиданный бой со стальными чудовищами. Погибли под танками Беляев и Сарафанов. Не стало Чембарова. Раненый Круглов остался один, но он не уполз по окопу, не скрылся в щели: в груди его билось отважное сердце. И рядом с сердцем, в кармане гимнастерки, пропитанной горьким потом и горячей кровью хранилась клятва вождю. Ночью в землянке при тусклом свете коптилки Круглов переписал ее простые слова:

«Дорогой Иосиф Виссарионович!.. Мы клянемся тебе, дорогой вождь, беспощадно уничтожать ненавистного врага, где бы он ни появился...».

И вот появился немец перед окопом, спрятался в броню и хочет раздавить русского человека. Не пройти немцу!

«...Мы обещаем тебе, дорогой товарищ Сталин, что в тяжелый момент мы не дрогнем перед лицом смертельной угрозы...

Мы готовы лечь костьми, но не допустить врага в Сталинград».

Истекая кровью, с трудом держась на ногах, поднялся Круглов, и будто Родина вся встала рядом, он метнул две бутылки, поджег два немецких танка и, пронзенный пулями, упал бездыханный рядом с телами товарищей.

Шесть танков пылали вокруг, и не выдержали немцы в других машинах и повернули обратно...

Так погибли четыре героя, так отстояли они свой рубеж...

П. УЛЬЕВ, И. ДОМАНОВ

СТАЛИНСКИЕ СОКОЛЫ

Воздух наполнился ревом моторов. То и дело брызгали очереди из пулеметов. Быстрый, как ветер, истребитель лейтенанта Гультяева кружил по небу.

Шел неравный воздушный бой. Григорий Гультяев сражался с 4-мя немецкими «Мессершмиттами». Он смело атаковал вражеские самолеты и, пикируя, засыпал их градом пуль. Ему удалось подбить первого стервятника. Вскоре и второй самолет врезался в землю, остальные хищники в беспорядке рассыпались и, выжимая газ, поспешно удрали во свояси.

Не раз лейтенанту Гультяеву приходилось встречаться с врагом в воздухе. В боях за Сталинград славный летчик сбил 10 немецких стервятников, а вместе со своими товарищами уничтожил 19 вражеских самолетов.

Партия и правительство высоко оценили заслуги Григория Гультяева. Недавно его грудь украсилась орденом Отечественной войны 1 степени.

Таких мастеров воздушного боя, как Гультяев, много. Они изо дня в день наносят сокрушительные удары по врагу, загоняя в землю фашистских стервятников.

Фронту хорошо известен старший лейтенант Иван Петров, награжденный орденом Отечественной войны второй степени. Он искусно сражается с врагом. Недавно Петров поднялся в воздух на перехват вражеского бомбардировщика, направлявшегося к одному нашему объекту. Погода была не летная. Над землей низко плыли облака. Но, несмотря на это, враг был найден. Приблизившись к немецкому бомбардировщику на дистанцию в 100 метров, Петров дал по фашистскому хищнику огневую очередь, и «Хейнкель-111» рухнул на землю.

Смелую воздушную атаку совершили летчики старшие лейтенанты Мудров, Муранов и сержант Придатко. Патрулируя в воздухе над нашими войсками, они встретились с 12 фашистскими бомбардировщиками, летевшими под прикрытием нескольких «Мессершмиттов». Сталинские соколы смело ринулись на них в атаку. В воздушном бою они уничтожили 4 немецких самолета, а остальные вынуждены были сменить курс.

С глубоким уважением на фронте произносится имя летчика Александра Прудникова. Ему было поручено штурмовать автоколонны противника. Выполняя эту боевую задачу, он попал под сильный огонь вражеской зенитной артиллерии. Вокруг рвались снаряды. Но, несмотря на это, младший лейтенант Прудников произвел 3 атаки, истребил при этом немало гитлеровцев и их техники.

Фашисты ни на минуту не прекращали огонь по его самолету. Вражеский снаряд зажег бензобак машины. Видя, что пламя сбить нельзя, Прудников, по примеру легендарного Гастелло, твердой рукой направил свой пылающий самолет в скопище немецких автомобилей и орудий. Раздался оглушительной силы взрыв. Смерть героя Прудникова дорого стоила врагу.

Молодой летчик, младший лейтенант Габайдулин, вылетев в свой пятый боевой полет, за короткое время сбил 2 трехмоторных транспортных самолета. В тот же день он сжег еще два «Юнкерса» на аэродроме противника. Лейтенант Улинский, маскируясь солнцем, подобрался к немецкому транспортному самолету и с дистанции 100 метров дал по нему несколько коротких очередей. «Юнкерс» врезался в землю и взорвался на снарядах, которыми был нагружен.

Так сражаются наши летчики в районе Сталинграда.

Всеволод ИВАНОВ

РУССКОЕ ПОЛЕ

Это удивительное событие случилось под Сталинградом в конце лета 1942 года.

Двадцатипятилетний командир эскадрильи штурмовиков лейтенант Гаврила Иванович Игнашкин получил задание: разгромить в тылу врага аэродром, на котором, как сообщила

разведка, стояло не меньше сотни транспортных самолетов и истребителей. Лейтенант Игнашкин поднял два звена «Илов» и полетел.

От аэродрома, где находились самолеты его полка, на юг, к аэродрому противника, можно было лететь почти по прямой. Однако Игнашкин решил описать дугу, чтоб налететь на немца из под солнца. Поэтому он спустился вниз по Волге.

Когда он, покинув лозняки и крутые яры правого берега, поднялся над степью, он заметил легкий туман. Игнашкин вгляделся и почувствовал беспокойство. Дело в том, что кабину его самолета наполнял странный запах, причину которого было трудно отгадать.

Откуда этот запах?

Лейтенант вспомнил большие праздники в селе, где и отец его, и дед, и он сам в ранней юности крестьянствовали. Они были очень бедны и поэтому только в большие праздники могли печь пироги, и так как в Орловской области не столь уж много дров, то, бережа топливо, постоянно пироги либо недопекали, либо, торопясь, перепекали. Так вот теперь запах, наполнявший самолет, напоминал запах подгоревшего хлеба.

Лейтенант великолепно знал свою машину. Мало ли какие запахи свойственны ей. Но запаха подгоревшего хлеба она никогда не издает.

Туман густел. Запах подгоревшего хлеба усиливался.

Лейтенант, чтобы выйти из тумана, стал подниматься.

«Откуда он, туман?» — размышлял лейтенант. — По данным метеосводки, не должно быть тумана! А метеосводка у нас всегда правильная: на всем пространстве от Волги до Дона не может быть тумана».

Тревога, таинственная и какая-то горькая, наполнила его сердце. Что такое? Почему?

Он набирал высоту. Он поднялся на 800 метров. Люди его эскадрильи не подготовлены к полетам на высоте. Да к тому же странный туман, видимо, также тревожил их. Они ближе прижимались к ведущему самолету. Туман между тем не уменьшался. Всюду, куда хватал глаз, — вперед на сотню километров, с боков на сотню,—земля была покрыта этим туманом.

Ни лейтенант Игнашкин, ни его ведомые на «Илах» никогда не поднимались к высоте трех тысяч метров. И все же добрались, потому что от самой земли до трех тысяч метров в неподвижном и горячем воздухе лета стоял туман.

И только когда самолеты вышли из полосы дыма и лейтенант увидал внизу, словно застывшие перья, полосы тумана, он понял, откуда это.

Горели нивы. Дым!

Да, горел хлеб,—и горел на корню, горел на всем пространстве от Волги до Дона.

Горел людской, крестьянский труд. Горела русская, донская, казачья земля, горела, подожженная немецким войском.

Горько было лейтенанту вести самолет над этим дымом. Отец его так воспитывал детей: все в людях, а сам он работает дома. Тяжело с девяти лет ходить по людям, поднимать чужую землю, копать или полоть, или даже просто караулить урожай или скот, пасущийся на земле. И все же, несмотря на все тяготы, Игнашкин любил поля, поднимающиеся хлеба, запах созревающей нивы...

Земли не было видно. Лейтенант шел на высоте. Время истекло. Он подлетал к Дону по всем расчетам. И он начал пробивать дым. Как бы ни горек был этот дым, но Игнашкин не имел права вернуться, задание срочное, совершенно необходимое.

Он перелетел Дон. По ту сторону реки дыма не было. Лейтенант снизился. Он пролетел речушку, горку, лесок и за леском увидел совершенно открытое поле—российское, донское поле.

Лейтенант летел «бреющим».

Поле было недвижно. Лучи солнца озаряли его с востока, и лейтенант видел впереди тень своего самолета, крадущегося к вражескому аэродрому.

Направо и налево, в безмолвности, ибо ничего, кроме гула пропеллера, лейтенант не слышал, а гул этот был для него уже привычен, вроде тишины, — так вот направо и налево лейтенант видел на поле поверженные немецкие танки, исковерканные орудия, брошенные повозки и трупы, трупы немцев. Минуты шли за минутами, километры шли за километрами, но всюду, куда он ни бросал свой взор, всюду лейтенант видел разбитые танки, орудия, повозки, покинутые

мертвецами окопы, и всюду—неубранные трупы немцев, словно их столько набили, что и хоронить-то некому!

Лейтенант увидел впереди себя большак.

Дорога широкая, в выбоинах, наполненная белой пылью сверх края, лежала неподвижная и пустая. Лейтенант полетел вдоль нее на высоте двадцати метров, так, что можно было разглядеть следы от автомобильной шины.

И вдруг он увидел впереди крестьянина.

С запада на восток по большаку шел крестьянин, с палочкой, с сумкой за плечами.

Увидав русские самолеты, крестьянин остановился, снял шапку и, перекрестившись, показал на восток,—дескать, туда иду.

Лейтенант приветствовал старичка, показав, что он сам идет на запад. Оглянулся.

Старичек уже надел шапку и попрежнему шел большаком, пустынным, пыльным и жарким, на восток.

Лейтенант подумал: «Да что он не знает, что там линия фронта?». Лейтенант заметил место, где встретился старичек. «Возвращаясь,—думает,—посмотрю, куда все-таки он пошел этим страшным полем».

Летит лейтенант. Летит полчаса, час...

По расчетам лейтенанта километрах в двадцати должна уже быть железная дорога.

Так оно и есть. Видит — линия. Справа, значит, надо быть аэродрому.

Видит—стоят на аэродроме вражеские самолеты.

Лейтенант подает команду: атака!

Высота у него к тому времени была 300 метров. Стал он обстреливать аэродром из пушек, из пулеметов... Потом по бомбе сбросил. Немцы из зениток открыли такой огонь, словно вся земля подряд пушками уставлена.

Лейтенант—по оврагу, бреющим. За ним ведомые.

Поднялся повыше. Видит—горят три огромных факела на аэродроме. Значит, транспортники пылают. Затем послышался взрыв,—склад со снарядами. Сделано, словом, все, что нужно. Лейтенант чувствовал удовлетворение.

С той цели, которую он разгромил, лейтенанту по прямой было ближе к своему аэродрому. Но вспомнил он хлебный дым, через который должен лететь, вспомнил старичка-кре-

стьянина с котомкой, и захотелось ему увидать: куда-же все-таки старичок идет?

И лейтенант повернул на прежний курс.

На большаке старичка уже не было.

Однако скоро лейтенант обнаружил старика.

Он подошел к самой линии фронта и полз через нее.

Он полз на восток, к своим, к родным, к милой армии, к сыновьям, которые ушли с ней, к детям, которые уехали в эвакуированных поездах, к знакомым, которые угнали стада. Он полз с запада на восток!

Увидев приближающиеся русские самолеты, старик встал на колени, положил перед собой шапку и поднял кверху руки.

Этим жестом он говорил: «Возьмите меня, летчики, возьмите меня, я не могу быть среди немцев!».

Лейтенант так и понял его.

Но лейтенант не имел приказа на посадку. Да и как мог он сесть?

Лицо и руки лейтенанта были мокры от слез.

Он поднялся вверх, как бы пытаясь этим смахнуть свои слезы.

Когда лейтенант спустился на свой аэродром, его окружили ведомые:

— Товарищ командир, вы заметили, как он просился?

— Конечно, видел.

* * *

Русский человек, разозлясь, редко употребляет высокопарные слова, а того реже—высокопарные жесты. Сверкнет он глазами, стиснет зубы так, что стальные желваки забегают по челюстям, да еще, пожалуй, пустит крепкое слово, от которого и сосна качнется до корня,—и все.

Зато ненависть русского человека долга и результаты ее страшны.

Вспоминая то горящие хлеба, то разрушенные немцами села, которые они видели, и, наконец, того старика, который полз через фронт на восток, летчики подразделения старшего лейтенанта Игнашкина совершили много славных дел.

Есть под Сталинградом пункт Гумрак. Там, километра на два, скопились немецкие танки. Лейтенант Игнашкин привел к Гумраку свои самолеты—18 «Илов» и 12 истребите-

лой—и в великую ненависть вошли его ребята. Отбомбили. Видят, много очагов пожара,—ну, и уходи, казалось. Нет! Самолеты зашли еще раз, чтобы на бреющем окатить немца из пулеметов и пушек. Затем еще и еще! Игнашкин их и увести не может. Свыше сорока танков вывели из строя, а им все мало! Игнашкин собирал их минут сорок да так и не собрал, пришлось одному уйти, они уже вернулись сами,—и вернулись без потерь.

Делали в день по четыре—пять вылетов.

— Устали?—спросит командир полка.

Конечно же, устали да и не один к тому ж. Однако говорят командиру:

Нет. С чего же уставать? Дело привычное.

И командир знает, что устали. Но знает он также, что русскую ненависти не остановишь. Он говорит:

— Летите.

* * *

За штурмовки под Сталинградом лейтенанту Г. И. Игнашкину присвоено звание Героя Советского Союза. У него не было ни одного случая, чтобы он не выполнил боевого задания. Г. И. Игнашкин сделал 97 удачных боевых вылетов. Если вы попробуете помножить эти девяносто семь боевых вылетов на количество уничтоженных танков и самолетов противника, то получится цифра, которая вполне определяет силу ненависти, наполняющей лейтенанта Игнашкина.

Я видел его сразу же после получения Золотой Звезды, Героя Советского Союза и ордена Ленина. Он стоял передо мной, в полушубке, в шапке-ушанке. Длинная, сумрачная—от меблировки и темных обоев—комната окружала нас. Всюду лежали пачки книг. Это были книги по истории России и ее народа. Это было поле русской истории. И должен заметить, что, несмотря на свою молодость и округлое лицо, Игнашкин казался здесь на месте.

Я спросил его:

— Долго пробудете в Москве?

Он ответил:

— Завтра уезжаю под Сталинград. У нас, среди летчиков, есть такое животрепещущее мнение, что за того старика, который по полю, через фронт полз, не совсем еще отплачено. Надо работать.

Майор П. ТРОНЬКО,
Капитан В. ЗГУРСКИЙ

ЛИЛИЯ

Имя у нее было такое хорошее и ласковое—Лиля, и лицо всегда светилось улыбкой, добротой. Когда товарищу по полку иногда было трудно, когда в его сердце забиралась тоска, когда приходилось переживать боевые неудачи, она легким шагом подходила к нему, ласково смотрела в глаза и просто, тепло говорила:

— Грустишь? На войне и не такое бывает...

Четырнадцатилетним подростком Лиля поступила в аэроклуб. Днем училась в десятилетке, а вечером—в аэроклубе. Она успевала делать все: и решать задачи по алгебре, и учить немецкий язык, и осваивать аэронавигацию. Она окончила десятилетку с аттестатом отличницы и раньше всех вылетела на учебном самолете. «Молодец, Лиля»,—говорили тогда ей, а она смущалась и краснела, лепеча, что не понимает, за что ее хвалят.

...Когда началась война, Лиля сказала: «Теперь мое место на фронте». И она ушла добровольцем в авиачасть. В начале ей поручили нести воздушную вахту над крупным тыловым городом, отражать налеты вражеских бомбардировщиков. Враг прорывался к городу очень редко. Сразиться, померяться силами и мастерством с ним девушке-летчику не удавалось, и она только мечтала о горячем бое, об атаке, в которую идешь с замиранием сердца.

Настоящая боевая работа настала для Лили в грозные дни обороны Сталинграда.

Небо над приволжским городом кишело тогда сотнями вражеских самолетов. Немцы пытались подавить нас численным превосходством. Они бомбили передний край нашей обороны, прижимали к земле нашу пехоту.

Но в самую тяжелую минуту, когда враг уже готов был торжествовать победу, пехотинцы улавливали долгожданный, все возрастающий рокот. То на подмогу наземным друзьям шли наши соколы. Появление их вызывало общий восторг, бурю возгласов и рукоплесканий. Земля приветствовала небо. Она благодарила летчиков, которых никогда не видела, не знала в лицо.

А если бы на земле знали, что в голубом небе сражается девушка, что это она, пикируя до пятнадцати метров, поливает врага свинцовым дождем, а затем огромным напряжением сил, до темноты в глазах, выхватывает машину из пике, чтобы продолжать драться на высоте,—то, пожалуй, аплодировали бы еще сильней и неистовей.

...Это был третий вылет Лили Литвяк на прикрытие Сталинграда. Как и всегда, в воздухе было много вражеских машин. Они шли эшелонами по высотам, штурмуя и бомбя наши боевые порядки. Ведущий Лили, опытный летчик-майор, в стороне от большой группы бомбардировщиков заметил три «Юнкерса». Он решил атаковать их. За ведущим ринулась Лиля. Атака была настолько стремительной, что немцы растерялись, рассыпались в разные стороны. Воспользовавшись этим, ведущий сбил один «Юнкерс», а Лиля приблизилась к другому на расстояние в тридцать метров. Казалось, еще мгновенье—и машины со страшной силой столкнутся в воздухе. Но Лиля открывает огонь, и меткая очередь обрывает путь немца. Из «Юнкерса» показались языки пламени, во все стороны повалил дым. Еще несколько мгновений, и самолет упал на землю.

За один вылет Лиля Литвяк одержала две победы, которым может позавидовать любой воздушный боец.

В горячих сталинградских боях Лиля выросла, возмужала и закалилась. Здесь пришли к ней мастерство и уверенность. И если ей после сталинградской страды приходилось участвовать в бою четырех советских машин против двадцати девяти немецких, она не терялась. Собрав всю волю, все силы маленьких, но упорных девичьих рук, она атаковала врага и в бою добывала победу.

Как-то Лиля вместе с боевыми друзьями отражала массовый налет немцев на прифронтовой промышленный город. Град пуль посыпался на ее ястребок, но она уверенно шла на сближение с фашистами. В решающий момент, перед атакой, ее ранило в ногу. Как быть? Выйти из боя, не сразив врага? Не бывать этому! Лиля, превозмогая боль, поймала в прицел пулемета вражескую машину и дала короткую очередь. И моторы «Юнкерса» задымили. А через минуту фашист, объятый пламенем, свалился в последнее пике. Серьезно раненная, Лиля мастерски посадила самолет на своем аэродроме.

Совсем недавно Лиля, подбив фашистский бомбардировщик, продолжала преследовать немца, чтобы добить его. На помощь бомбардировщику пришел «Мессершмитт». Тогда Литвяк вступила в единоборство с истребителем. Конец его был обычный: «Мессершмитт», спасавший своего собрата, сам нашел себе гибель.

Это был двенадцатый фашистский самолет, сбитый гвардии лейтенантом Литвяк.

В этом бою Лиля получила еще одно ранение. Когда она возвратилась в свою часть, командир заявил, что на несколько дней освобождает ее от полетов.

— Я хочу летать,—сказала Лиля.—Сейчас не время отдыхать, страдная пора началась.

И она вскоре снова полетела в бой.

Наблюдая, как поднимается в воздух зеленокрылый истребок с пышной, будто живой лилией, нарисованной на фюзеляже, товарищи с нежностью и любовью говорили:

— Счастливого пути, дорогая! Боевой удачи!

И вот совсем неожиданно в горячий июльский день она не вернулась с задания. Ее ведомый сообщил, что Лиля погибла в неравном бою с «Мессершмиттами», что вела она себя до последней минуты так же мужественно и достойно, как всегда. Никому не хотелось верить в ее смерть.

Последний подвиг Лили высоко оценило командование. Посмертно она награждена орденом Отечественной войны второй степени. К двум боевым орденам, заслуженным отвагой и доблестью молодой героини, прибавился третий.

...Пройдет время, закончится война и там, где сегодня идут бои, заколосятся тучные хлеба, на радость девушкам вырастут нежные, чудесные цветы. Но в нашей памяти останется навсегда образ девушки-богатыря, которая пронесла свою славу на крыльях истребителя от Сталинграда до донецких степей, до солнечной Украины.

В гвардейской сталинградской части, в которой сражалась Лиля Литвяк, каждый день на вечерней поверке будут вызывать ее, как живую, и правофланговый будет отвечать:

— Пала смертью героя в боях за Родину...

А на могиле девушки-бойца русский народ воздвигнет невиданный памятник из самого крепкого сплава—огромную лилию, бессмертный цветок радости и любви.

Ст. сержант И. СТАЦЕНКО

САПЕРЫ—В БОЯХ ЗА СТАЛИНГРАД

— Я минер-разведчик. Большую часть боевых заданий приходится выполнять в тылу у врага. Страшно ли? Бывает. А посмотришь, с каким невиданным героизмом дерутся за каждый метр земли наши пехотинцы, артиллеристы, минометчики, связисты,—и одно стремление владеет сердцем: пойти за такими героями в огонь и в воду. Гордишься, что сталинградец ты, что плечо к плечу с героями сражаешься.

Недавно получил я задание пробраться в тыл врага и установить там мины. Разведку произвели днем. А как только наступила темнота, я, старший сержант Батурин и старшина Костенко поползли вперед. У каждого автомат, по пять противопехотных мин и по две гранаты.

Вот уже и вражеские блиндажи. Слышим не русский говор. Батурин приоткрыл дверь. Никого. Все сидят в следующем отделении. Батурин пошарил, нашел кровать и положил под перину две мины. Две других поставил у двери, а остальные мы расставили у обоих выходов из блиндажа. Через два часа мы услышали два сильных взрыва. Фрицы взорвались на наших минах.

Следующую вылазку в тыл врага мы совершили тоже ночью. Ночь—лучшая наша союзница. Против одного из подразделений части Родимцева немцы сильно укрепились в группе домов. Взять их штурмом в лоб невозможно. Мы заминировали дорогу и вход в дом, где фрицы готовили пищу. В эту же ночь несколько гитлеровцев взорвались на минах. Наши бойцы, воспользовавшись замешательством немцев, овладели несколькими домами.

Пробираясь в тыл врага и возвращаясь назад, мы не раз встречались с глазу на глаз с немцами. Однажды мы нарвались на двух фрицев, сидевших с пулеметом в секрете. Пока они разворачивали пулемет, старшина Костенко запустил гранату и убил их.

З. КАЦ,
М. ТАЛАЛАЕВСКИЙ

ОРЛЕНОК

Есть такая песня—«Орленок».

Хорошая песня. Ее частенько пел Гоша Стрелков еще тогда, когда был пионервожатым в далеком сибирском селе.

«Его называли орленком в отряде»,—пел он. И его, Гошу Стрелкова, стали называть орленком.

Отошло детство. Гоша стал Георгием. И вот он уже не в школьном классе, а в строгой аудитории военного училища. Но и здесь, как и в пионерском отряде, его называли орленком—может за песню, а может за крепкий характер и за какое-то особое умение всегда высоко держать голову.

На войну Стрелков попал не сразу. Она гремела где-то на дальних просторах России. Стрелков терпеливо ждал своего часа. Он шел навстречу войне, все так же высоко держа голову, хоть знал по рассказам бывалых солдат, что война—трудное дело и что она требует от человека не только тяжелого труда, но и крови, самой жизни.

Лицом к лицу с войной столкнулся Георгий Стрелков под Сталинградом. Столкнулся и не дрогнул, не отвел глаза, не опустил головы. Первый же бой, в котором он участвовал, стал знаменитым, почти легендарным. Это была битва 33-х советских воинов с 70 фашистскими танками.

В этот день было не до песен. Вместе с политруком Евтифеевым и бойцами своего взвода он занимал оборону на подступах к Сталинграду.

Весь день немцы осыпали окоп бомбами, снарядами, минами. Но в короткие минуты затишья Стрелков запевал своего любимого «Орленка», и эта крылатая песня трогала до слез людей, зарывшихся в землю, горячую от солнца и огня.

Танковая атака началась во второй половине дня. Танки шли левее и правее позиции связистов. Стрелков впервые в жизни увидел вражескую танк. На фоне песков он казался черным, сплюснутым, как огромная черепаха.

— Приготовить гранаты и бутылки, — скомандовал Стрелков и приник к брустверу окопа.

На закате вражеские машины двинулись прямо на окоп Стрелкова. К этому времени политрук Евтифеев успел взять в соседнем подразделении бронебойку и 20 патронов. Первые

шесть выстрелов произвел сам Евтифеев и поджог четыре танка. Потом он передал бронебойку Стрелкову. Георгий сгоряча выстрелил и промахнулся.

— Хладнокровнее, орленок, — наставительно сказал политрук.

— Нет, политрук, уж ты лучше сам стреляй,—сказал Стрелков,—а то я...

Но он не успел договорить. Тяжелый вражеский танк загромоздился на бугор, и Стрелков внезапно почувствовал такую лютую ненависть к этой громыхающей громаде, что, наверно, задохнулся бы от гнева, если бы не выстрелил прямо в крест, отчетливо белевший на броне.

— Вот и угодил, — ликующе крикнул он, когда огромный танк безжизненно остановился на бугре.

— Молодец, орленок, — сказал Евтифеев, но Стрелков уже не слышал ничего, кроме выстрелов своей бронебойки. Он целился с таким хладнокровием и так ясно видел цель, как будто не впервые взялся за это замечательное ружье, а давно сроднился с ним так же, как и с телефонами и радиоаппаратом, которые ревностно и долго изучал.

Бой кончился в сумерках. Внизу, на склоне бугра, освещая потемневшие пески, догорали немецкие танки.

— Два—мои, — коротко сказал Стрелков.

Стрелков с гордостью посмотрел на своих товарищей. Их было пять. Пять из тридцати трех. Всех их он увидел потом, спустя некоторое время, когда седой человек с ромбом в петлице вручал им награды.

— Орлы, — сказал бригадный комиссар, глядя на них.

И все невольно обернулись на Георгия Стрелкова, которого звали орленком, у которого теперь на груди сверкал орден Ленина.

Майор К. АБРОСЕНКО

ВОЛЖСКАЯ ВОЕННАЯ ФЛОТИЛИЯ В ОБОРОНЕ СТАЛИНГРАДА

Сталинградская эпопея войдет замечательной страницей в историю Великой Отечественной войны, в летописи русского народа. Она останется навеки в сознании нашего народа, как символ его военной мощи, символ героизма советских

людей, их любви к родине, к великому Сталину, их лютой ненависти к врагу.

Победа Красной Армии под Сталинградом явилась началом массового изгнания врага из Советской Страны.

В героической борьбе за Сталинград почетное место принадлежит Волжской Военной Флотилии, принявшей активное участие в отражении натиска врага и уничтожении его живой силы и техники.

Славные моряки Волжской Военной Флотилии, тесно взаимодействуя с войсками Сталинградского и частично Донского фронтов, бесстрашно, мужественно и стойко сражались с немецкими полчищами и с честью выполнили возложенные на них задачи: остановить и затем разгромить и уничтожить озверелого врага, отстоять город Сталина и великую русскую реку Волгу.

I. ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЛЖСКОЙ ВОЕННОЙ ФЛОТИЛИИ

Волжская Военная Флотилия является самой молодой из всех военных флотилий.

В июле 1941 года, по указанию товарища Сталина, был создан учебный отряд на реке Волге, на базе которого в октябре того же года была сформирована Волжская Военная Флотилия.

Река Волга, являясь важнейшей жизненной водной артерией нашей страны, соединяющей промышленные центры Советского Союза с хлебными и нефтяными районами, в условиях войны приобрела особо важное значение. По Волге фронт и тыл обеспечиваются важнейшими материалами, имеющими стратегическое значение. Важность перевозок по Волге особенно повысилась с приближением фронта к ее берегам. Немецко-фашистское командование, стремясь обойти Москву с востока, отрезать ее от волжского и уральского тыла, всячески старалось нарушить непрерывность волжской коммуникации, чтобы лишить нашу страну возможности использовать важнейший волжский водный путь для снабжения фронта горючим, боеприпасами, продовольствием.

В ночь с 22 на 23 июля 1942 года немцы начали активные действия на коммуникации р. Волги, производя обстрелы и бомбовые удары по идущим транспортам и караванам с одновременным сбрасыванием мин на фарватер реки.

Перед моряками ВВФ стала задача — оградить Волгу, не допустить прекращения плавания.

Главное Политическое Управление Наркомата ВМФ в обращении к морякам флотилии писало:

„Краснофлотцы флотилии!

Родина доверила вам защиту Волги — этой важнейшей жизненной артерии, соединяющей промышленные центры советской страны с хлебными и нефтяными ее районами.

По Волге идут караваны судов с ценнейшими грузами оружия, продовольствия, горючего для фронта.

Вы должны с честью оправдать доверие родины.

Волга должна быть неприступной для врага.

Защищайте Волгу так же стойко, храбро, как защищали ее военные моряки в годы гражданской войны. В трудных условиях в боях под Верхним Услоном и Казанью десантные отряды моряков, во главе с бесстрашным комиссаром Маркиным, нанесли сокрушительный удар по врагу и обеспечили взятие Казани.

В 1919 году об руку с частями Красной Армии военные моряки разгромили вражеские полчища у Владимировки и Черного Яра.

Товарищи краснофлотцы!

В боях Отечественной войны покройте новой славой почетное на Волге имя военного моряка. Приумножайте славные боевые традиции наших предков и героев гражданской войны.

Бейтесь до последней капли крови с ненавистным врагом.

Оградите от налетов воздушных пиратов каждый транспорт.

Беспощадно уничтожайте фашистских стервятников.

Зорко охраняйте волжские фарватеры. Быстро ликвидируйте минную опасность.

Крепче зенитную оборону, не допускайте фашистские самолеты к нашим объектам, не позволяйте им забрасывать минами фарватеры и производить бомбежку наших кораблей и транспортов.

Волга была и всегда будет свободной русской рекой, могучей артерией Советского Союза.

Дорога к Волге должна стать дорогой смерти гитлеровских бандитов.

Выше стойкость, тверже дисциплину, крепче удары по врагу, товарищи военные моряки. Победа будет за нами!

Смерть ненавистным фашистским захватчикам!»

Волжская Военная Флотилия была значительно пополнена военными кораблями и 24 июля 1942 года передана в оперативное подчинение Командующему Сталинградским фронтом. Командующий Сталинградским фронтом 28 июля 1942 года поставил перед флотилией конкретные задачи. Они сводились к тому, чтобы флотилия была готовой к поддержке действий сухопутных войск на Сталинградском оборонительном обводе, обеспечила полностью коммуникацию на участке Камышин — Астрахань, не допустила переправы войск противника через р. Волгу. Флотилия должна была прикрыть свои базы и обеспечить от воздействия противника бесперебойную работу речных портов: Саратов, Камышин, Сталинград, Астрахань и, наконец, обеспечить переправу войск и грузов на сквозных маршрутах через р. Волгу.

Выполняя поставленные перед ней задачи, Волжская Военная флотилия повела активную борьбу с немецкими захватчиками.

Охраняя идущие по Волге суда и караваны, не допуская перерыва волжской коммуникации, флотилия обеспечила питание фронта всем необходимым для успешного ведения боевых действий и осуществления разгрома вражеских войск под Сталинградом.

II. БОЕВОЙ ПУТЬ ВОЛЖСКОЙ ВОЕННОЙ ФЛОТИЛИИ

Боевая деятельность Волжской Военной Флотилии была чрезвычайно многообразна. На нее возлагались задачи:

борьба с минными постановками противника, очищение от мин фарватера реки;

конвоирование судов и караванов, ограждение от налетов воздушных пиратов идущих транспортов;

поддержание режима, обеспечивающего непрерывность коммуникации по Волге, обвехование минных обстановок и отыскивание обходных фарватеров;

поддержка огнем корабельной артиллерии частей Красной Армии, оборонявших Сталинград;

борьба с сухопутными частями противника, прорвавшимися на правый берег реки Волги в районе Сталинграда. Перемалывание живой силы и техники врага, недопущение его переправ через Волгу;

обеспечение переправ частей Красной Армии, перевозка людских пополнений, вооружения, боеприпасов, продовольствия и всех видов снабжения для войск, оборонявших Сталинград;

эвакуация раненых бойцов и командиров, а также гражданского населения из района боевых действий.

До августа флотилия была занята главным образом борьбой с минной опасностью на волжской коммуникации и бомбово-штурмовыми действиями авиации противника, направленными на срыв воинских перевозок, питающих Сталинградский фронт как с Севера, так и с Юга.

Катера тральщики производили боевое траление, очищали Волгу от вражеских мин, искали обходные фарватеры, проводили суда и караваны по безопасным местам.

Задачу охраны судов и караванов от налетов вражеской авиации выполняли бронекатеры. Об огромнейшей роли, которую сыграли бронекатеры при конвоировании судов, ярко свидетельствует боевая деятельность бронекатера под командованием лейтенанта тов. Карпунина.

26.07. 42 г. бронекатер конвоировал следовавший вверх по Волге караван в составе 2-х нефтеналивных барж и одной баржи с воинскими грузами. Отбил четыре атаки вражеских самолетов.

28.07. 42 г. этот же бронекатер отбил атаку четырех немецких самолетов.

29.07. 42 г. отбил одиннадцать атак вражеской авиации.

31.07.42 г. отразил две атаки.

1.08.42 г. отбил пять воздушных атак.

Таким образом, только один бронекатер за пять дней рейса отбил 23 атаки вражеской авиации, сбив один немецкий самолет.

Бронекатеры, конвоировавшие суда и караваны, только за один месяц отразили 152 одиночных и групповых атаки воздушных пиратов и благополучно провели 113 судов и караванов.

Страна, фронт получали все необходимое для разгрома врага.

Со второй половины августа 1942 года, когда немцы прорвались в районе Сталинграда на правый берег Волги, катеры тральщики продолжали борьбу с минной опасностью, а бронекатеры наряду с конвоированием судов и караванов, провели активную борьбу с сухопутными частями противника и, взаимодействуя с частями Красной Армии, препятствовали попытке немцев расширить захваченный ими плацдарм на правом берегу. Канонерские лодки, бронекатеры и плавбатареи огнем своей артиллерии поддерживали оборону Красной Армии и затем наступление войск Сталинградского и Донского фронтов.

В самом начале вступления флотилии в активную борьбу с немецкими оккупантами, Народный Комиссар Военно Морского флота Союза ССР, Адмирал товарищ Кузнецов, обратился к морякам Волжской Военной Флотилии с призывом остановить, отбросить и разгромить врага, отстоять город Сталинград и великую русскую реку Волгу.

«Горячие боевые дни наступили для ВВФ.

В ежедневных горячих схватках с врагом краснофлотцы, командиры и политработники ВВФ громят фашистских захватчиков, беспощадно уничтожая их живую силу и технику, нанося им чувствительные удары.

Священная обязанность каждого краснофлотца, командира и политработника ВВФ вместе с Красной Армией измотать силы врага, обескровить, разбить и отбросить его от Волги.

Выражаю полную уверенность и не сомневаюсь в том, что славные краснофлотцы, командиры и политработники ВВФ, следуя примерам беззаветного мужества, храбрости, отваги личного состава Дунайской, Днепровской и Азовской флотилий, будут так же беспощадно, мужественно и стойко биться с озверелым врагом и выполнят с честью возложенную на них задачу.

Еще сильнее удар по врагу, славные защитники великой Волги!

Враг будет разбит, победа будет за нами!

Да здравствует Волжская Военная флотилия!

Да здравствует наш вождь, наш любимый полководец товарищ Сталин!».

Народный Комиссар ВМФ СССР—
Адмирал КУЗНЕЦОВ

На призыв Народного Комиссара Военно-Морского флота СССР моряки Волжской Военной Флотилии ответили стойкостью и отвагой при выполнении боевых заданий командования.

Корабли и батареи флотилии обеспечивали пополнение и снабжение войск Юго-Западного и Сталинградского фронтов, защищавших Сталинград, огнем корабельной артиллерии громили врага, сокрушая его живую силу и технику.

Армейское командование высоко оценило боевые действия кораблей и батарей по огневой поддержке войск.

«За двухмесячный период артиллерия флотилии оказала и продолжает оказывать большую помощь в борьбе с не-

мецкими частями, действующими перед фронтом Северного боевого участка Сталинграда.

Поддерживая непрерывную связь по радио и через офицеров связи с группой полковника Горохова, флотилия неоднократно помогала вести разведку в северном направлении и осуществляла связь группы с левофланговыми частями Северо-Донского фронта (64 и 99 СД).

Неизмеримую услугу флотилия оказывает в транспортировке боеприпасов, продовольствия и эвакуации раненых.

Зам. Ком. 124 ОСБР НАЧАРТ

23. 10. 42 г. Майор МОЦАК

С боевой характеристикой работы артиллерии и флотилии в целом согласен.

Командующий Северным участком
Командир 124 отд. стр. бригады
Полковник ГОРОХОВ

Вот другая боевая характеристика, данная Командующим 57 армии одной из бригад флотилии:

„Приказ войскам 57 армии:

1 ноября 1942 года. Действующая Армия.

Бригада Волжской Военной Флотилии в период с 30.08.42 г. по 31.10.42 г. входила в состав 57 армии и принимала участие в обороне южного оборонительного обвода г. Сталинграда.

В ожесточенных боях личный состав бригады показал высокую выучку, стойкость и беспредельную преданность социалистической родине».

Мощные удары по вражеской группировке в районе Сталинграда наносили канонерские лодки, взаимодействуя с армиями Сталинградского фронта.

Канонерская лодка «Красный», под командованием капитан-лейтенанта тов. Кузнецова, только за период боевых действий с 23 августа по 23 октября уничтожила или повредила 10 немецких танков, 39 автомашин, 2 шестиствольных миномета, 8 орудий, десятки ДЗОТов и блиндажей, взорвала три склада с боеприпасами, подожгла 2 цистерны с горючим, подавила две батареи, 3 миномета, рассеяла до 30 танков и 156 автомашин противника, уничтожила сотни вражеских солдат и офицеров.

Канонерская лодка «Чапаев» с 25 августа по 25 ноября провела 91 боевую стрельбу, уничтожила или повредила 16 немецких танков, 26 автомашин, 4 орудия, 1 бронемашину, 2 мотоцикла, 3 шестиствольных миномета, 11 пулеметов, 13 минометов, взорвала склад с боеприпасами и частично уничтожила до 15 рот противника.

С нарастанием боев за Волжскую твердыню увеличивалась и интенсивность огня с волжских канонерок, множились их боевые успехи.

Так, с 25 ноября по 31 декабря, когда войска Красной Армии вели бой на окружение и уничтожение немецких войск под Сталинградом, канлодка «Усыскин», выполняя задания армейского командования, вела огонь по аэродромам противника, по его узлам сопротивления, минным полям, артбатареям, по огневым точкам.

За эти 36 дней канлодка уничтожила 4 самолета, 5 минометных батарей, 2 огневые точки, до 200 солдат и офицеров противника и одно минное поле, подавила две батареи, 4 минометных батареи, 3 миномета реактивного действия и сломила своим огнем вражеские узлы сопротивления.

Артиллеристы-моряки своей боевой работой, точной безотказной стрельбой неоднократно вызывали восхищение бойцов—защитников Сталинграда и у армейского командования. При наступлении наших войск на Купоросное, когда передовые цепи красноармейцев сблизились с немцами местами на 30—50 метров, потребовалось провести огневую подготовку. Обстрел переднего края немецкой обороны командование Сталинградского фронта поручило артиллеристам-морякам. Канлодка «Руднев» отлично выполнила боевое приказание: ни один снаряд не упал в расположение своих частей, а передняя линия немецкой обороны была смята.

«Ура, моряки!» — кричали на берегу красноармейцы.

Вот другой факт боевой деятельности моряков-артиллеристов.

Вражеская дальнобойная батарея несколько дней с закрытой позиции вела огонь по частям Красной Армии.

После обнаружения этой батареи, Командующий Сталинградским фронтом генерал-полковник Еременко лично прибыл на НП канлодки «Усыскин», указал цель, дал задание — подавить батарею противника. Пятью выстрелами 1-го орудия, где командиром старшина 2 статьи Бабич, батарея противника была подавлена.

Командующий фронтом объявил благодарность всему личному составу.

В журнале боевых действий корабля записано: «Пятью залпами подавлена 120 мм немецкая батарея. Благодарность всему личному состава». «Волга»—молодец.

Генерал - полковник Еременко

(«Волга» были позывные «Усыскина»)

Тов. Бабич награжден орденом «Красное Знамя».

Вот еще один из отзывов о действиях канлодки:

«Огнем Вашей артиллерии отбита контратака противника, уничтожены 3 огневых точки. Очень благодарю за поддержку», — писал генерал-майор Горохов командиру и личному составу канлодки «Усыскин».

С большим уважением отзывались о боевой работе канлодок и рядовые защитники Сталинграда. В газете «Сталинское Знамя» красноармеец тов. Бегишев пишет:

«Несколько дней нам не давал покоя шестиствольный миномет противника... В штаб части пришел представитель с канонерки «Чапаев». Командир батальона познакомил лейтенанта Загинайло с обстановкой и рассказал о фашистском минамете. «Мы поможем» — сказал моряк. Краснофлотец взял с собой радистов и вместе с ними выдвинулся поближе к вражеским позициям. Немецкий миномет был засечен. Комендоры с канонерки быстро накрыли его. Миномет разлетелся вдребезги. Спасибо канонерке. Краснофлотцы часто помогают нам вести борьбу с артиллерией и минометами врага».

Канлодки срывали наступление отдельно прорывавшихся группировок противника, вели огонь на уничтожение и подавление живой силы, техники и материальных средств противника, прикрывали заградительным огнем подступы к оборонительным рубежам частей наших армий; совершали огневые налеты по скоплениям войск и танков противника; вели методический и сосредоточенный огонь по немецкой артиллерии.

Ответственные боевые задачи в боях за Сталинград выполняли бронекатеры флотилии. Они конвоировали суда и караваны. В исключительно трудных условиях доставляли Сталинградскому фронту пополнение, вооружение, боезапас, эвакуировали раненых красноармейцев, командиров, гражданское население, поддерживали огнем своей артиллерии части Красной Армии, производили внезапные огневые налеты с Волги и несли охрану переправ.

Боевая работа бронекатеров не прекращалась до полного ледостава на Волге.

Роль бронекатеров в защите Сталинграда и Волги неоценима.

«Если бы не ваши «бычки» (бронекатеры), нам бы не удержать позиций. Благодаря бронекатерам мы смогли доставить десятидневные запасы вооружения, боезапаса, продовольствия, медикаментов и с успехом отстояли Сталинград, нанося удар за ударом».

Так оценил боевую деятельность бронекатеров Командующий героической 62 армией генерал-лейтенант Чуйков.

Бронекатеры огнем своей артиллерии подбили и уничтожили — вражеских танков — 18, артбатарей — 9, минометных батарей — 15, пулеметных точек свыше 100, автомашин с войсками и грузами — 133, 4 самолета, уничтожили около 5000 солдат и офицеров. Кроме того, подавили и рассеяли: танков — 15, артбатарей — 19, минометных батарей — 15, пулеметных точек — 40, автомашин — 150, солдат и офицеров до 5000.

Краснофлотцы и командиры бронекатеров в боях за Сталинград проявили мужество, стойкость и находчивость.

Командир отделения рулевых БК — 11, член ВЛКСМ гвардии старшина 2 статьи тов. Ус Виктор Григорьевич не только отлично водил БК, но и выполнял обязанности сигнальщика и пулеметчика.

В ночь с 21 на 22/IX — 42 г. тов. Ус уничтожил из своего пулемета 2 пулеметных точки противника. С 25/IX — 1942 г. по 10/X — 42 г. тов. Ус под обстрелом врага выполнял боевое задание по восстановлению телефонной связи бронекатеров с наблюдательным пунктом. За одну только ночь на 27-IX—42 г. тов. Ус семь раз переплывал Волгу вплавь, чтобы обеспечить бесперебойную связь бронекатеров с наблюдательным пунктом. В ночь с 22 на 23 ноября 1942 года, при выполнении заданий по перевозке грузов и пополнения для армейской части, тов. Ус был дважды ранен, но отказался уйти с поста, и только приведя катер на базу, согласился отправиться в госпиталь. Тов. Ус награжден орденом «Красная Звезда».

Народный Комиссар Военно-Морского флота, за проявленную отвагу в боях с немецкими захватчиками, за стойкость и мужество, за высокую воинскую дисциплину и организо-

вашность, за беспримерный героизм личного состава присвоил бронекатеру гвардейское звание.

Экипажи гвардейских дивизионов бронекатеров имеют более 100 орденоносцев.

Большая работа при обороне Сталинграда была проделана катерами тральщиками. Когда возникла необходимость осуществления в широком объеме переправ через Волгу, а бронекатеры были заняты оказанием противодействия вражеским группировкам, прорывавшимся к берегу, на переправах работали, главным образом, тральщики. Наряду с очищением и ограждением Волги от вражеских мин катеры тральщики выполняли боевые задания командования Юго-Восточного и Сталинградского фронтов по переброске войск, вооружения, боезапасов и продовольствия с левого берега р. Волги в район Сталинграда, проводили эвакуацию раненых бойцов, командиров и гражданского населения из Сталинграда. Работая в тяжелых условиях, под огнем противника, личный состав катеров тральщиков показывал образцы мужества и героизма.

Коммунисты т.т. Вертюлин, Болров А. Н., младший политрук Лосико А. П., секретарь партийной организации Хромочкин, Нагурный в огне и дыму, под разрывами авиабомб противника выкачивали из горящих баков топливо, наливали его в бочки, катили их к Волге и грузили на корабли. Благодаря инициативе и мужеству личного состава тральщиков Сталинградской группы корабли флотилии получили свыше 100 тонн соляра, керосина, бензина и др. топлива.

В период с 15 по 26 сентября тральщики Сталинградской группы перебрасывали войска в Сталинград, в район речки Пионерка (Царица) и Центральной пристани. Это была по сути дела десантная операция, т. к. противник находился в этом районе в 100—150 метрах от Волги, и наши части занимали узкую полоску земли вдоль реки, которая непрерывно обстреливалась из минометов, пулеметов, автоматов и находилась под сильным воздействием вражеской авиации.

Выполнять боевые задания приходилось в трудных условиях. Подходы к берегу завалены лесом, разбитыми или горящими баржами, буксирами, пристанями. Обстановка на правом берегу этого участка каждый час менялась, сведений же об этом не было, или они поступали с запозданием. В таких условиях группе тральщиков пришлось выполнять боевой приказ командования по переброске войск, от выполнения которого во мно-

гом зависела судьба Сталинграда. Приказ был с честью выполнен.

Командир КТЩ № 324 старшина 1 статьи Мороговский 23.8.42 г. в 16.20 получил приказание — перебросить десантный отряд в район СТЗ. В 17.20 катер принял десант и высадил его в указанном месте. Затем было получено приказание выйти в Заплавное по р. Ахтубе для того, чтобы принять боезапас и доставить его войскам Юго-Восточного фронта.

При прохождении района с. Рынок и устья р. Ахтуба тральщик подвергся обстрелу из танков и бомбежке с самолетов противника. Несмотря на это, тральщик продолжал итти для выполнения задания, открыв огонь из пулемета и винтовок по самолетам противника. Приняв на борт боезапас, КТЩ вернулся в Сталинград. На обратном пути командир Мороговский дождался темноты, выключил мотор и проплыл по течению опасный участок, оставшись незамеченным для противника. Приказ был выполнен. Боезапас войскам Юго-Восточного фронта доставлен в срок. Высоко оценивали боевую деятельность тральщиков армейские командиры.

«Сталинградская группа катеров тральщиков ОБТ Волжской Военной флотилии, работая на Центральной переправе р. Волги, за время с 15 по 25 сентября 1942 года, несмотря на то, что работа происходила под огнем противника, задание выполнять не прекращала. Весь личный состав доказал, что выполнение задания Родины в дни Отечественной войны для него дороже всего. Особенно отличились командиры катеров: 322, 324, 337 и командиры: лейтенант Балуев, младший лейтенант Вертюлин, капитан-лейтенант Морозов; политработники: батальонный комиссар Серков, старший политрук Ешугов, старший политрук Поливенко, мл. политрук Гапонов, мл. политрук Ножка, а также капитан 3 ранга т. Ляльченко.

За период с 15 по 25 сентября 1942 года группой катеров тральщиков перевезено бойцов свыше 10 тысяч человек и грузов свыше тысячи тонн.

Нач. Центральной переправы ст. политрук ГЕЖЕНКО

Подпись тов. Геженко заверяю и подтверждаю преданную Родине работу команд катеров

Военком Управления Тыла 62 Армии
ст. батальонный комиссар ЛАВРЕНТЬЕВ"

Боевая деятельность Волжской Военной флотилии, будучи целиком подчинена интересам Сталинградского фронта, проходила в тесном взаимодействии с войсками Красной Армии.

В ходе боевых действий Волжская Военная флотилия с честью выполнила возложенные на нее задачи. Командующий Сталинградским фронтом генерал-полковник тов. Еременко и Член Военного Совета фронта Н. С. Хрущев писали о боевой деятельности флотилии:

«С первых дней боев за Сталинград Волжская Военная флотилия оказывает наземным войскам огромную помощь по уничтожению противника, наступающего на город. Особенно большая поддержка оказывалась в последние недели».

Под Сталинградом, как и на всех других фронтах Отечественной войны с германским фашизмом, военные моряки показали свою беззаветную преданность социалистической родине, великому вождю и полководцу товарищу Сталину.

Характеризуя боевые действия флотилии под Сталинградом, поэт Николай Асеев писал в своем стихотворении: «Волжская Военная флотилия».

Слову неподвластные усилия,
Сила, презирающая смерть, —
Волжская Военная флотилия,
Как тебя прославить и воспеть!

Ты, переносящая лишения
Тысячных налетов и преград,
Твердое приявшая решение
Отстоять любимый Сталинград...

...Волжская Военная флотилия,
Славу приложившая в века —
Слову неподвластные усилия
Только ты смогла поднять, река.

Только ты, река, своими волнами,
Наложивши вечности печать,
Надо всех времен прошедших войнами
Эту славу сможешь рассказать!

Краснофлотцы, командиры и политработники Волжской Военной флотилии по праву гордятся своими боевыми успехами, достигнутыми рука об руку с войсками Красной Армии при защите Сталинграда и великой русской реки Волги.

III. ГЕРОИЗМ МОРЯКОВ ВОЛЖСКОЙ ВОЕННОЙ ФЛОТИЛИИ В ОБОРОНЕ СТАЛИНГРАДА

Верные славным традициям моряков, сражавшихся на Волге в годы гражданской войны, вдохновленные стойкостью и мужеством черноморцев, оборонявших Одессу и Севастополь, и героев Балтики, мужественно отстаивающих город Ленина, краснофлотцы, командиры и политработники Волжской Военной флотилии стояли в первых рядах защитников героического Сталинграда. Военные моряки, вставшие на защиту волжской твердыни, противопоставили натиску озверелого врага железную стойкость, мужество и высокое боевое мастерство. Яркие, незабываемые примеры массового героизма, военного мастерства и непреклонной воли к победе вписали моряки флотилии в героическую историю Сталинградской обороны.

После того, как личному составу каплодок был зачитан приказ товарища Сталина, краснофлотцы и командиры дали клятву: «Стоять насмерть, ни шагу назад, выполнить требования народа — не отдавать врагу город Сталина, русскую реку Волгу - матушку».

Краснофлотец, комсомолец каплодки «Усыскин» тов. Прудников заявил: «В боях с врагом не отступлю ни на шаг. Буду биться до последней капли крови».

Краснофлотец тов. Кулаков КЛ «Федосенко» сказал: «Мы, артиллеристы, никогда не посрамим традиции революционных моряков. Фашистская нечисть не будет допущена к Волге».

Пример бесстрашия показали коммунисты каплодки «Руднев» тт. Клепов, Калашников. Первого октября 1942 года расплавилась свинцовая пробка левого котла. Пар повалил в топку, резко понизилось его давление в котле. Это угрожало потерей маневренности и подвижности корабля. Надо было выпустить пар, выгрести из котла горящий уголь, дать возможность котлу остыть, потом исправить повреждение и снова поднимать пар. В нормальной обстановке на все это потребовалось бы времени не менее 20 - 24 часов. Тов. Клепов и Калашников, зная, что боевому кораблю, стоящему на огневой позиции, в любую минуту может потребоваться подвижность, с санкции командования корабля решили эту задачу по-фронтовому. Не спуская пара, они быстро очистили топку котла, одели на себя ватное обмундирование, закутались в сырые брезенты и приступили к работе. Работали они

поочередно. В топке была температура свыше 100 градусов. Через каждые пять минут их вытаскивали и обливали водой. В течение 50 минут, благодаря находчивости и самоотверженности тт. Клепова и Калашникова, повреждение в котле было устранено, а через 2 часа давление пара стало нормальным.

Исключительную самоотверженность, мужество и стойкость проявил командир отделения радистов КЛ «Чапаев» комсомолец Цуркин. Он залег под заминированный подбитый танк, находившийся вблизи линии противника, и оттуда по радио корректировал огонь своих орудий. Первым же залпом был уничтожен шестиствольный миномет противника.

Командир БЧ-2 краснознаменной канонерской лодки «Чапаев» — лейтенант Загинайло Василий Михайлович, взаимодействуя с батальоном морской пехоты и частями генерал-майора Горохова, находился в течение 4-х месяцев на наблюдательном пункте. Под вражеским обстрелом он корректировал огонь канлодки и провел до 150 стрельб. Только с 27.08.42 г. по 31.12.42 г. канонерская лодка «Чапаев» уничтожила и подбила: 19 танков, 30 автомашин, одну бронемашину, 6 артбатарей, 3 шестиствольных миномета, 19 пулеметов, 13 минометов, до 2500 человек живой силы; разбила: 21 ДЗОТ, 1 склад с боезапасом; подавила: 4 артбатареи, 2 шестиствольных миномета; рассеяла: 150 танков, 200 автомашин, до 3 полков пехоты.

Вся Волжская Военная флотилия гордится беспримерным подвигом гвардии старшего краснофлотца, радиста тов. Решетняк Ивана Кузьмича. Во время выполнения боевого задания бронекатер подвергся интенсивному обстрелу. Один снаряд попал в боевую рубку. Вышло из строя боевое управление. Катер отнесло течением на песчаную косу, он сел на мель на виду у противника. Все отсеки катера, за исключением радиорубки, были затоплены. Команда была выведена из строя. Невредимым остался один только радист Решетняк. Он неоднократно пытался выйти из рубки, чтобы помочь товарищам, но стоило ему поднять люк, как немцы сразу же открывали по нему шквальный пулеметный огонь. Видя, что катер сидит на мели и не затонул, немцы продолжали обстрел. Была пущена в ход вражеская авиация, которая сбросила на катер 30 бомб.

В этих тяжелых условиях старший краснофлотец Решетняк, не покидая своего поста, систематически докладывал

командованию по радио о создавшейся обстановке. Ползком добравшись до боевой рубки, он осмотрел весь личный состав. Старшина 2 статьи Свергунов и краснофлотец Комаров были тяжело ранены. Решетняк оказал первую помощь раненым и снес их в радиорубку. Он продолжал нести радиовахту до тех пор, пока не была выведена из строя рация. С наступлением темноты он собрал всю документацию, ценные запасные части и перевез их вместе с ранеными на подошедшей шлюпке на левый берег. Затем, под шквальным огнем, он дважды ходил на шлюпке к катеру пока не вывез все, что было возможно из имущества и вооружения. Тов. Решетняк награжден орденом Ленина.

Большое мужество и самоотверженность проявил гвардии старшина 2 статьи пулеметчик БК - 62 Цуркан Владимир Иванович, секретарь комсомольской организации.

28 октября 1942 года бронекатер получил боевое задание: доставить мины для Н-ской армии в район завода «Красный Октябрь».

Противник освещал ракетами город и реку. Катер был замечен. На него, буквально, посыпались вражеские снаряды. В результате прямого попадания был разбит ящик с боезапасом. Тогда старшина 2 статьи Цуркан, рискуя жизнью, схватил мину рукою и бросил ее за борт. Мина взорвалась в воде, не причинив катеру вреда. Корабль был спасен. Раненый осколком в голову, Цуркан не покинул боевого поста, продолжал выполнять операцию. Бронекатер, в результате вражеского обстрела, получил 30 осколочных пробоин. Чтобы предупредить затопление корабля, Цуркан нырнул в ледяную воду и стал заделывать пробоины. Бронекатер был сохранен. В. И. Цуркан награжден орденом «Красное Знамя».

Гвардии старший лейтенант Медведев Дмитрий Петрович, зам. командира по политчасти одного из отрядов БК, имел 37 боевых выходов. Его отряд БК отбил 49 воздушных атак, при отражении которых был сбит один самолет «Ю-88».

25.10.42 г. в район завода «Красный Октябрь» шел буксирный пароход, ведя баржу с ранеными. Попав под минометный огонь противника, пароход получил два прямых попадания, загорелся и быстро затонул. Баржу с ранеными течением стало прибивать к берегу, занятому противником. Находившийся на БК-61 тов. Медведев принял решение спасти раненых. Под сильным обстрелом он подошел к барже. Одновре-

менно ведя огонь, снял с баржи 107 раненых, доставил их на левый берег, а затем пошел к поставленной на якорь барже, взял ее на буксир и привел к 62-й переправе.

Тов. Медведев награжден орденом «Красное Знамя» и медалью «За боевые заслуги».

Медалью «За отвагу» награжден т. Клековкин Николай Иванович, старшина 1 статьи, водолаз. С 5-го по 9 августа, выполняя боевое задание по подъему зенитных пушек, боеприпасов и автомашин, затонувших в Волге, тов. Клековкин работал на глубине 12—15 метров, при сильном течении, низкой температуре и частых налетах противника.

Несколько раз Клековкин терял сознание, но продолжал работать под водой до тех пор, пока груз не был поднят.

20 сентября тов. Клековкин работал по спасению имущества с затонувшего тральщика. Место затопления не было точно установлено, пришлось тралить. Трал зацепился на дне за глинистую глыбу и глубоко в нее врезался. Без гидрокостюма, с легким водолазным аппаратом, тов. Клековкин опустился на дно по тралу и, разгребая грунт голыми руками, освободил трал. Обнаружив орудия, боезапас и машины тральщика, тов. Клековкин приступил к работе на глубине 15 метров и при сильном течении. Он сделал 17 спусков на грунт, работая при каждом спуске не менее 50 минут. Во время одного из таких спусков, при закреплении троса к оружию, стало заливать барабан с химическим поглотителем. Тов. Клековкин работал до тех пор, пока не закрепил трос. Наверх его вытащили в бессознательном состоянии. Придя в сознание и превозмогая слабость, он снова спустился в воду. Весь груз был поднят.

Лейтенант Гуров Иван Алексеевич, командир огневого взвода 680 ЖДБ, выполнял на заводе «Баррикады» специальное задание командования. С 24.VIII по 4.IX противник подверг завод интенсивному обстрелу. Перед тов. Гуровым была поставлена задача—спасти из горящих цехов материальную часть.

10 суток маневрировал тов. Гуров на ограниченных железнодорожных путях между горящими цехами и сберег всю материальную часть. 8.IX батарея открыла огонь по противнику. Тов. Гуров мастерски руководил огневым взводом в условиях ураганного обстрела со стороны противника и нанес ему значительный урон.

Образцы стойкости, мужества и отваги показали морские пехотинцы флотилии.

Сводный отряд моряков был сформирован по боевой тревоге 23 августа 1942 года. Отряд пошел в наступление, имея задачу выбить противника из деревни Лотошапка и выйти на соединение с Северной группировкой наших войск в с. Акатовка. Наступление проходило успешно. К 12.00 отряд достиг северной окраины деревни Лотошапка. 29 августа, вместе с частями стрелковой бригады, моряки повели наступление на с. Рынок. К вечеру отряд достиг северной окраины этого населенного пункта и закрепился на ней.

29 сентября противник, проведя авиационную и артиллерийскую подготовку, перешел в наступление на позиции, обороняемые 115-й стрелковой бригадой. Прорвав оборону 115-й стрелковой бригады, силой двух рот автоматчиков при поддержке 5-ти танков, противник ударил во фланг отряда моряков. Десять раз атаковали немцы позиции, обороняемые моряками пехотинцами, но успеха не достигли. Личный состав отряда вел себя мужественно. наступавшие танки врага забрасывались гранатами. В этом бою исключительную стойкость проявили краснофлотцы роты лейтенанта Трипкова. Его бойцы отбили все атаки противника. Минометный расчет младшего лейтенанта Подольского, несмотря на неоднократные попытки врага занять окопы минометчиков, смело отбил натиск немцев. Фашистские танки подходили к расчету тов. Подольского на расстояние в 50—60 метров и прямой наводкой обстреливали окопы минометчиков. Младший лейтенант Подольский был ранен. Тогда командование расчетом взял на себя командир отделения Панфенов, продолжая успешно удерживать занимаемый рубеж. К вечеру 29 сентября противник, потеряв два танка и до роты автоматчиков, прекратил атаки и перешел к обороне. 30 сентября противник возобновил атаки позиций, обороняемых отрядом и вновь был отброшен моряками.

4-го октября рота немецких автоматчиков в форме бойцов Красной Армии снова атаковала позиции моряков. Краснофлотцы и командиры под командованием старшего лейтенанта Веселюк (начальник штаба отряда) подпустили врага на близкое расстояние и забросали его ручными гранатами.

Пример мужества и отваги показал лейтенант т. Калинин. Он хорошо организовал оборону своего участка, стойко отби-

вал атаки врага. Смертельно раненый, лейтенант Калинин крикнул краснофлотцам: «Бейте их, проклятых!». Атака фашистов была отбита. Враг отступил, унося с собой раненых, 6 фашистских трупов остались на бруствераx наших окопов. Несмотря на малочисленность отряда, сжатость его формирования и недостаточное вооружение, личный состав дрался мужественно и стойко. Возложенные боевые задачи отряд выполнил с честью, о чем свидетельствуют заявления командования армейских частей, вместе с которыми действовали моряки-пехотинцы. Генерал-майор товарищ Горохов, командовавший в то время Северной группой войск города Сталинграда, высоко оценил боеспособность моряков. Он писал:

«Отряд моряков не пропустил на СТЗ немецких оккупантов. Сумел удержать деревню Рынок и высоту 135,4».

За период боевых действий с 23-го августа по 4-е октября отряд истребил до батальона немецкой пехоты, уничтожил два танка, 2 миномета, 2 противотанковых пушки, 1 станковый пулемет.

16-й мотострелковый батальон немцев, против которого действовал отряд моряков, имел в несколько раз больше живой силы и огневых средств. К тому же противник сумел создать крепкий узел обороны с окопами, блиндажами и заминированными путями возможного подхода наших войск. Но все это не смогло остановить моряков.

Коммунисты отряда были всегда в наиболее опасных местах, показывая образцы храбрости и героизма.

Командир отряда, старший лейтенант тов. Горшков, ворвался с группой моряков на окраину дачи Латошанка. Личной храбростью он увлек бойцов за собой. И в последующих боях тов. Горшков проявил себя, как смелый и инициативный командир. Лейтенант Трыньков, заменив убитого в бою командира роты тов. Редкина, сумел увлечь за собой краснофлотцев и продолжал наносить удары по противнику. Коммунист воентехник 2 ранга тов. Кравченко, несмотря на контузию, с боевого поста не ушел, а расстреливал в упор противника.

Зам. командира роты по политчасти, младший политрук тов. Гриденко, прославивший свое имя в боях за Ханко, прозванный на Балтике «балтийским орленком», и здесь, на Волге, проявил себя храбрым воином. Личный состав отряда с глубоким уважением говорил о нем: «Это волжский орел».

Перед каждым боем в партбюро поступали заявления краснофлотцев, командиров с просьбой о приеме их в партию. Заявления были проникнуты любовью к родине и партии Ленина—Сталина. Лейтенант тов. Триньков в своем заявлении писал:

«Сейчас иду в наступление против врагов нашей родины. В бой хочу пти коммунистом. Прошу принять меня в кандидаты ВКП(б)».

Героизм и отвага, проявленные моряками Волжской Военной флотилии при обороне Сталинграда и реки Волги, высоко оценены нашим правительством и Народным Комиссаром ВМФ. Около 500 человек краснофлотцев, командиров и политработников награждены орденами и медалями Советского Союза.

Канонерские лодки «Усыскин», «Чапаев» награждены орденами «Красное Знамя». Двум дивизионам бронекатеров присвоено звание гвардейских.

Давая оценку боевых действий Волжской Военной флотилии и храбрости военных моряков при обороне Сталинграда, Главное Политическое Управление ВМФ в своем обращении писало:

«Товарищи краснофлотцы, командиры, политработники кораблей Волжской Военной флотилии!

В историческом сражении за Сталинград победоносные части Красной Армии разгромили и уничтожили полчища зарвавшегося врага. Великая победа под Сталинградом стала поворотным пунктом в ходе Отечественной войны. В боях зимней кампании заложен прочный фундамент для окончательной победы над немецко-фашистскими армиями.

В этих славных боях корабли и моряки Волжской Военной флотилии с достоинством и честью выполнили свой долг перед Родиной. Корабли флотилии, преодолевая огневую завесу гитлеровской артиллерии, отражая бесчисленные налеты вражеской авиации, обеспечили снабжение войск Сталинградского фронта. Десятки тысяч бойцов, боезапас, вооружение корабли Волжской флотилии доставили в осажденный Сталинград. Десятки танков и батарей, тысячи гитлеровских солдат и офицеров уничтожили меткие орудия наших кораблей. Ни вражеский огонь, ни осенние туманы, ни лед, ни мины не могли остановить советских моряков, выполняющих приказ командования. В героиче-

ских боях за Сталинград бронекатера 1 и 2 дивизионов завоевали гвардейское звание, канонерские лодки «Усыскин» и «Чапаев» стали краснознаменными. Такие командиры, как Лысенко, краснофлотцы Решетняк, Бут и многие другие, проявили образцы морской стойкости и умения бить врага наверняка. Советский народ знает и ценит боевые подвиги волжских моряков».

На всех фронтах Великой Отечественной войны военные моряки, защищая свою родину, ее великие октябрьские завоевания, очищая свою землю от немецко-фашистских захватчиков, намного приумножили вековые героические традиции русского народа, русского флота.

Подвиги военных моряков Севера и Балтики, Черноморья и Волги навсегда войдут в сокровищницу народной славы и бессмертия.

Капитан административной службы
С. ЛИПКИН

ПЕРВЫЙ ЗАЛП С ВОЛГИ

Сосредоточив большие силы танков, мотопехоты, артиллерии, немцы добились значительного превосходства в силе и прорвались к окраине Сталинграда, захватив поселок Рынок.

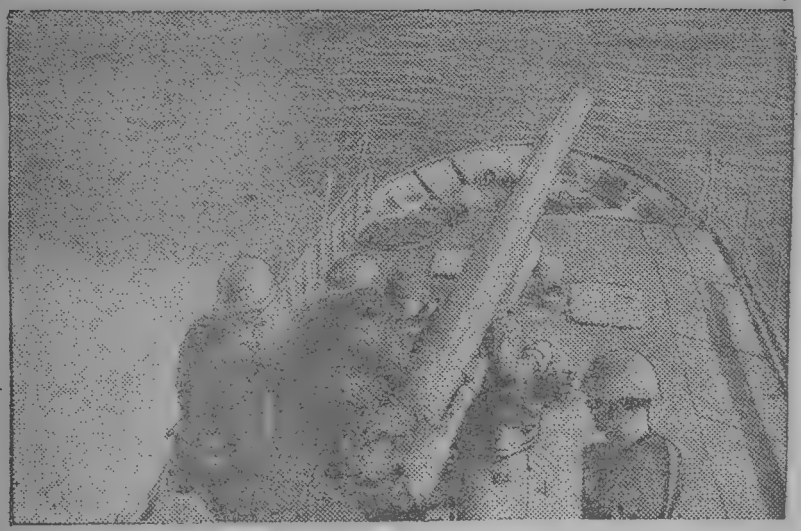
25 августа 1942 года. Сталинград горит. Косяки немецких самолетов гудели в розовато-молочном небе. С немецкой жестокостью, нечеловеческим хладнокровием фашистские стервятники сбрасывали на город, на головы мечущихся среди пламени и дыма женщин, стариков и детей тяжелые фугасы, зажигательные бомбы.

В этот критический для города и страны день подразделению волжских моряков и пехотинцев было поручено выбить немцев из Рынка, не пустить их в город. Командир канонерской лодки «Усыскин» капитан-лейтенант Кузнецов получил приказ:

— Поддержать огнем наступление морской пехоты.

С особой быстротой готовили к стрельбе свои орудия комендоры. Каждый краснофлотец горел неукротимым желанием отомстить ненавистным врагам за невиданное злодеяние.

— Бить, истреблять, крушить проклятых гитлеровцев— эта мысль руководила действиями каждого моряка.



Бронекатер Волжской Военной флотилии прикрывает проводку судов.

Фото Леонидова.

В 19.00 капитан-лейтенант Кузнецов произнес долгожданное горячее слово:

— Огонь!

Первый краснофлотский залп гулко разнесся по широким волжским просторам. Заговорил главный калибр корабля — орудия краснофлотца Бабич, старшины Кондратенко. Комендоры, как черти, работали, посылая тяжелые моряцкие снаряды в стан врага.

...В корабельных погребах кончился запас снарядов. Пришлось подносить их с берега. Подносила вся команда, даже кок, даже баталер. Бережно прижимая драгоценную ношу к тельняшкам, моряки быстро поднимались по трапу. Но старшине палубных комендоров Дружинскому казалось, что это все же недостаточно.

— Скорей, скорей, надо немцев укладывать спать!—поторапливал он подносчиков.

Как дождь сыпались на головы обезумевших от страха немцев невесть откуда летящие снаряды. Они рвались в ме-

стах скопления войск, в щепки разбивали колонны автомашин, превращали в груды бесформенного металла танки.

А тем временем моряки-пехотинцы, поднявшись во весь рост с криками—«За родину! За Сталина!»—пошли в атаку на фашистские цепи у Рынка. Немцы не выдержали лихой флотской атаки. Они сначала начали отступать к поселку. Затем побежали...

Моряки овладели Рынком... Залпы «Усыскина» проложили к нему дорогу.

* * *

Утром на корабле нетерпеливо ожидали результатов стрельбы. Телефонист сообщил с корректировочного поста корабля неопределенно:

— Поджарили фрицев...

— А результаты? результаты!

— Армия еще сводки не дала. Лично видел я, что горел один танк.

Неужели всего один танк?

Днем наконец, прибыла сводка из штаба флотилии. Ее зачитал всей команде капитан-лейтенант Кузнецов:

«Огнем корабля разбита и частично уничтожена следующая группировка противника: 2 батальона пехоты, 20 танков и до 100 автомашин, 4 танка уничтожено прямым попаданием. Немцы отступили. Наши части заняли поселок Рынок».

На корабле все ходили именинниками. Это же надо понять! Корабль сам, своими силами, отбил у немцев кусок родной земли, желанной сталинградской земли!

* * *

В эти дни, последние дни пышно догорающего августа, началась невиданная в истории войн битва. К Сталинграду на помощь спешили посланные Сталиным войска. Залпы канонерок прикрывали город с севера. Немцы искали таинственный источник огня. Сотни самолетов пролетали над канонерской лодкой. «Хейнкели», «Юнкерсы», «Мессершмитты» сбрасывали грузы и пикировали в квадрате «Усыскина». Бомбы рвались рядом. Но тщетны были усилия фашистов. Отлично замаскированный моряками корабль казался одним из кустарников ветлы, которыми так богато волжское низовье. Но едва замирал гул стервятников, и опять брал слово корабль.

Ол. КУРИН

ВОЛГА ВОЮЕТ

Волга знает удаль, мужество и бесстрашие военных моряков. Она хранит память о герое гражданской войны Маркове. Народ никогда не забудет подвигов моряков Волжско-Каспийской военной флотилии; они под руководством С. М. Кирова отстаивали в годы гражданской войны Астрахань, устье Волги, Северный Каспий.

Военные моряки всегда там, где наибольшая опасность, где происходят самые ожесточенные схватки с врагом. В дни гигантских сражений за Сталинград, они с честью и славой отстаивали любимый город, родную Волгу.

Моряки Волжской военной флотилии мощными залпами с Волги поддерживали наши наземные части, наносили немецко-фашистским захватчикам чувствительный урон в технике и живой силе.

* * *

Корректировщики артиллерийского огня—это, обычно, наиболее смелые, выносливые и находчивые моряки. Таков и старшина 2-й статьи командир отделения радистов комсомолец Цурихин. Вскинув за плечи радиопередатчик, он уходит далеко от канонерки, редкими приволжскими лесами пробирается поближе к противнику и сообщает оттуда корабельным артиллеристам нужные сведения.

...Шел бой. Немецкие минометы мешали продвижению нашего подразделения, и оно припало к земле. Канонерке было приказано подавить вражеские минометы, и командир корабля Воронин поручил разведать местонахождение немецких минометов именно старшине Цурихину.

Отважный корректировщик покинул корабль, миновал кустарники, прижимаясь к колючей, засохшей траве, пополз вперед к фашистским позициям. Ракеты порой освещали равнину, и тогда старшина замирал на месте. Переждав, снова пробирался вперед. Наконец, он заметил во тьме, прорезаемой трассирующими пулями, подбитый танк. Цурихин знал, что советские саперы заминировали танк, но все же влез в него: отличная позиция для корректировщика!

Старшина терпеливо и внимательно наблюдал. Скоро рявкнула «собака Гитлера»—шестиствольный миномет. Цурихин засек его и по радио передал донесение на корабль.

Лейтенант Загинайло быстро изготовил к стрельбе орудия. Раздались раскатистые выстрелы, и фашистская шестистволка разлетелась вдребезги.

Пехота поднялась для броска вперед...

* * *

Канонерка стреляла по укрепленным позициям немцев. Вдруг на мостик вбежал инженер-капитан и взволнованно доложил командиру:

— Сильно парит огневая коробка. Падает давление пара. Надо, очевидно, спускать из котла воду...

Командир помрачнел:

— Нельзя,—ответил он. — Корабль должен быть в полной боевой готовности.

Инженер-капитан вернулся в гудящую кочегарку.

— Посмотреть бы получше,—сказал ему главный старшина Виктор Клепов, показывая рукой на топку. А из нее валили клубы пара и летели водяные брызги. Клепов задумался. Он—потомственный судовой механик (и дед, и отец плавали механиками), должен был найти выход. И главный старшина принял смелое решение. Он взял длинный шуровочный скребок, открыл дверцу топки, и пламя озарило его лицо, ставшее в эти минуты вдохновенным.

— Выгребайте!—сказал Клепов кочегарам.

— Сгоришь! — воскликнул кто-то, разгадавший замысел главного старшины. Но коммунист Клепов уже надел на себя ватный бушлат, натянул на ноги несколько брезентовых брюк, по самые глаза надвинул кем-то поданную шапку-ушанку. Когда кочегары выгребли раскаленный уголь и спекшийся шлак, он по доске полез в горячую топку.

Обнаружив неисправность, Клепов вместе с другим главным старшиной, коммунистом Кузьмой Калашниковым приступил к работе. Через каждые пять—десять минут они выбирались из топки и, освежившись, вновь скрывались в ней.

Так продолжалось минут сорок. И опять загудела кочегарка. Ничего не подозревавшие комендоры продолжали стрелять. Гулкие залпы разносились над Волгой, и радист торопливо записывал радиограмму: «Гвардейцы благодарят за меткий огонь...».

* * *

Юркий и быстроходный бронекатер шел к правому берегу, чтобы принять на борт раненых бойцов. Немцы, услышав шум

мотора, открыли шквальный огонь. Бронебойные пули впивались в корабль, и струйки воды текли в кубрик и машинное отделение. Число пробоин перевалило за два десятка, а катер все шел. Шел и яростно сражался с врагом.

Команда спешно заделывала пробоины. К рулю встал сам командир Борис Цейтлин—молодой лейтенант с насмешливыми живыми глазами. В машинном отделении за всех работал старшина Ромуальд Яхнис, а из пушки стрелял командор Зайцев. Хоть не было около него помощников, он успешно справлялся с делом один.

Бронекатер причвартовался к берегу. Как всегда, корабль взял на борт в четыре раза больше груза, чем предусмотрено нормами и, отстреливаясь, ушел на базу.

— И раненых вывезли, и фрицев пощелкали, — рассказывал потом лейтенант Цейтлин,—вот итог стрельбы командора Зайцева.

Лейтенант протянул мне вахтенный журнал и показал короткую запись: «При перевозке раненых подавили три вражеских пулеметных точки и одну батарею».

* * *

Поздним вечером, промокшие от дождя, мы грелись у печки в землянке. Вошел оперативный дежурный. Отрапортовав, он протянул командиру боевое донесение. Командир внимательно прочитал его и проговорил вслух:

— Славно дерутся команды бронекатеров! На каждого командира и краснофлотца группы этих кораблей уже приходится свыше десятка истребленных фашистов, на каждый бронекатер — по одному уничтоженному танку и четыре пулеметных точки противника, на каждую пару катеров — по одной разбитой артиллерийской батарее. Хорошо!

Этот счет непрерывно увеличивается: вся флотилия охвачена боевым социалистическим соревнованием—кто больше истребит немецко-фашистских захватчиков и их техники.

— Если ты не убил сегодня немца,—говорят на кораблях,—то день у тебя прошел даром.

И моряки бьют. Бьют крепко, без промаха, на смерть!

...Вновь и вновь доносились залпы с Волги. И краснофлотец, стоявший на посту близ землянки, говорил после каждого залпа:

— За Волгу-матушку!

— За Сталинград!

В ПРОТИВОГАЗНОЙ МАСКЕ ПОД ВОДОЙ

На винт бронекатера намотался трос, и рули оказались заклиненными. Маленький катер потерял управление. Заглохли моторы. Все это случилось посреди Волги.

Немцы заметили катер, попавший в беду, и около него зажужжали пули, завыли мины.

— Товарищ лейтенант, — обратился к командиру краснофлотец Зозуля, — разрешите спуститься под воду. Мигом исправлю...

— Исправляйте, — ответил командир.

Водолазной маски на катере не было. Тогда Зозуля сам сделал воздушный шланг и водолазную маску. Он соединил несколько гофрированных трубок от противогаза, надел на лицо резиновую противогазную маску и опустился под воду.

Зозуля обрезал трос и почти освободил от него винт. Краснофлотец работал до тех пор, пока его, окоченевшего от холодной воды, не вытащили на палубу. За Зозулей под воду спустился краснофлотец Руденко. Через несколько минут катер получил ход.

(Газета „Сталинградская Правда")

Ст. лейтенант **Ю. ЧЕПУРИН**

КАТЕР ИДЕТ НА ПРАВЫЙ БЕРЕГ

В кубрик катера № 12 спускаются командир катера старший лейтенант Чередниченко, канонир-наводчик Медведев, санитарка Аня. Чередниченко дает короткие приказания и в заключение обращается к канониру-наводчику Медведеву:

— Проходить будем под носом у немцев. Учти.

Много дней одна из наших частей дерется во вражеском полукольце. С правого берега пришла радиограмма: «Шлите продовольствие и боеприпасы».

Льды наваливаются на катер. Корпус хрупкого суденышка скрипит, катер переваливается с боку на бок, но упрямо идет вперед. Три часа тяжелой борьбы с густым льдом, затем поворот влево. Катер пересекает Волгу. Вот позади осталась большая половина реки. На правом берегу сверкнуло несколько коротких красных вспышек. Катер качнулся. Мина упала и разорвалась рядом. Тихо вскрикнул рулевой краснофлотец

Ус. Осколки пробили ему ногу. Рулевой не выпустил штурвала из рук.

Ударил из пушки канонир Медведев, застрочил из пулемета по фашистским гнездам краснофлотец Прокопенко. Старший лейтенант Чередниченко прислушивается к работе мотора. Сердце мотора работает четко и ровно. Но вдруг льдины перегрызают штурмтросы, идущие к рулю. Катер теряет управление. Немцы усилили обстрел. Только что перевязанный Ус с помощью товарищей ставит запасной румпель (руль). У руля встает молодой краснофлотец. Раненый Ус, старшина второй статьи Никитин под огнем врага спускаются в трюм, проводят свет в отсек, где проходят тросы, и снова натягивают их. Все яростнее бьют гитлеровцы. Все настойчивее пробивается катер к заветному берегу. Снова у руля стоит перебинтованный Ус, попрежнему посылает снаряды в немчуру Николай Медведев. Он уже подавил шесть огневых точек, заставил замолчать несколько немецких пулеметов.

Вот и свои. С крутого обрыва бегут бойцы. Времени на восторги мало. Фашисты не прекращают огня. Всего несколько минут продолжается разгрузка.

И снова уходит катер.

* * *

Корпус катера старшего лейтенанта Чередниченко имеет шестьдесят шесть пробоин от вражеских мин. Они заделаны в рекордно короткий срок силами команды. Много раз вступало крохотное суденышко в бой с фашистами. На боевом счету команды катера числится уничтоженный фашистский танк, батальон рассеянной и частично уничтоженной немецкой пехоты. А сколько опасных рейсов совершил катер, перевозя раненых, боеприпасы, питание, обмундирование!

Катер снова идет на правый берег.

Ол. КУРИН

МОРЯКИ НА ЗАЩИТЕ ГОРОДА СТАЛИНА

I. ВЕРНОСТЬ ДОЛГУ

Закончив успешно разведку, бронекатер возвращался на базу. В предутренней темноте мелькали очертания знакомого берега. На реке — ни одного путеводного огонька бакенов. Трудно в таких условиях вести катер строго по фарва-

теру, к тому же он за последнее время так изменчив: то там, то сям от взрывов бомб образуются предательские бугры и холмики.

Бронекатер шел в 150 метрах от берега, и командир был доволен результатами разведки. Еще несколько километров пути и он доложит командованию обо всем, что видел.

Неожиданно катер налетел на мель—на предательский холмик. Команда спрыгнула в холодную воду; никто не жалел сил, чтобы снять корабль с мели, но сил нехватило.

Занялся рассвет; багрянo-красная заря окрасила заволжское небо, и немцы заметили бронекатер. Затарахтели крупнокалиберные пулеметы, заухали минометы. Бронекатер покрывался вмятинами и пробоинами. Командир корабля тов. Карпенюк решил пойти на хитрость — создать видимость взрыва и пожара на катере. По его приказанию краснофлотцы зажгли три дымовых шашки и скоро непроницаемая завеса белого дыма скрыла бронекатер от взоров немцев.

И вновь команда сошла в воду. Немцы не прекращали стрельбы. На катере появились раненые. Пуля застряла в колене моториста Питаева и в бедре Суслоперова. Им оказали первую помощь. Команда продолжала работать, и как работать! Больной командир отделения рулевых тов. Спирин спустился в воду и находился в ней до тех пор, пока не свалился с ног. Товарищи вытащили его на палубу, раздели, натерли спиртом, тепло укутали и уложили в каюту. Минут через 15 он снова спустился в воду.

— Не могу лежать в каюте, когда корабль надо спасать...

Наконец обстрел прекратился. Командир коммунист Карпенюк собрал всю команду в кубрик. Краснофлотцы сидели молча, каждый обдумывал, как спасти боевой корабль.

Привстал сидевший на корточках Карпенюк, и все увидели, что суров он сейчас больше, чем обычно. Но говорил он свою короткую речь с той страстностью, которая проникает в самое сердце. За командиром говорил старшина мотористов, самый молодой в команде — Зарановский.

— Катер не оставим! Будем стоять насмерть!

Об этом же заявили и командир отделения комендоров Терпецкий и комендор Гришин.

Коммунист Карпенюк обвел всю команду испытующим взглядом и, не торопясь, произнес решение:

—Спасти бронекатер, чего бы это нам ни стоило.

Команда осталась верна своему воинскому долгу. Она не покинула катера, хоть и получил он 30 пробоин и сотни вмятин. Когда стемнело, пришла помощь. Бронекатер под командованием тов. Морева под огнем врага снял с мели катер.

А через сутки бронекатер снова бороздил холодные воды Волги, выполняя опасные и сложные задания.

II. ДО ПОСЛЕДНЕГО ДЫХАНИЯ

Катер шел в Сталинград ночью. На мостике возле рулевого стоял старший лейтенант Ляпин. Он прислушивался к рокоту мотора, к орудийным залпам и треску автоматов, несущимся из дымного города.

Немец хитер и коварен. Вот и сейчас он жжет ракеты и его наблюдатели ищут корабли. Настороженность Ляпина не была напрасной: фрицы обнаружили катер. Провыли три мины, и осколки, тонко прожужжав, пролетели над головой командира.

Катер, не сбавляя скорости, шел к защитникам Сталинграда. Вдруг взрыв большой силы потряс корабль: вблизи разорвалась мина. Осколки впились в тело Ляпина и его лицо исказилось от невыносимой боли. Командир схватился за угол рубки и словно замер: запахло гарью и огненные языки поползли по борту. Вот, вот пламя распространится по всему кораблю и тогда...

Ляпин превозмог боль и скомандовал:

— Курса не менять! Немедленно ликвидировать очаг пожара!

И сам командир первым бросился к огню. Увлеченные его примером тушили пожар и раненый командир отделения мотористов Панферов и другие краснофлотцы.

Катер тем временем вышел из-под обстрела. Погасли последние тлеющие огоньки. Корабль причалил к берегу. Началась выгрузка.

На мостике стоял опечаленный рулевой: там, внизу, в кубрике, лежало бездыханное тело командира Ляпина, покрытое по морскому обычаю черной матросской шинелью.

Б. ПОЛЕВОЙ

ОГОНЬ С ВОЛГИ

Волгари! Это старинное слово здешних мест. Так называли себя бурлаки, баржегоны, матросы, рыбаки Нижней Волги — все, чья жизнь была неразрывно связана с великой русской рекой. Последние десятилетия это слово почти исчезло из лексикона. И вот оно снова звучит уже в новом качестве: так сухопутные и воздушные защитники Сталинграда зовут сейчас краснофлотцев Волжской военной флотилии. Волгари! Это слово произносят здесь сейчас очень сердечно, с хорошей улыбкой, с большим дружеским уважением.

В трудные минуты боя пушки с Волги всегда поддерживали наших пехотинцев. Это били орудия канонерских лодок, привыкших в волжских плавиях, умело нащупывающих свои отдаленные цели, чтобы потом внезапно, с точностью настоящих моряков, несколькими выстрелами смести эту цель раз и навсегда.

Немцы очень боятся этих внезапных, коротких и всегда губительных огневых налетов с Волги. После первых же залпов канонерок, над рекой появляется звено «Юнкерсов», которые начинают шарить по речной пойме, выискивая страшные суда. Но они давно уже ушли, сменили позицию и где-нибудь в другом месте, хорошо замаскировавшись, ждут, когда зазевавшийся «Юнкерс» подойдет к ним поближе, чтобы полоснуть ему очередью крупнокалиберного пулемета. Так, между делом, между огневыми налетами, они уже сбили 5 «Юнкерсов». Хвост одного из них со свастикой до сих пор торчит из воды недалеко от переправы.

* * *

На борту бронекатера — маленького, верткого, стремительного, прекрасно вооруженного, стального суденышка, одного из тех, какие называют здесь речными танками, довелось нам познакомиться с одним из замечательных волгарей старшим лейтенантом Борисом Житомирским. Коренастый, круглоликий, с большими черными глазами южанина, с раненой рукой, тяжело висевшей на бинте, он стоял, широко расставив ноги, на палубе стремительно несущегося, дрожащего от напряжения и скорости судна, ведя группу катеров на

боевое задание. Поминутно прикладывая к глазам бинокль и зорко осматривая холмистый горизонт, изредка отдавая короткие распоряжения, он с увлечением рассказывал о боевых товарищах из своей группы.

— Наша тактика такая: налетел, раздолбал и ушел в дымовую завесу. Только и видали. Вот и вчерашняя операция. Получили приказ зайти в рукав, вывезти с берега 19 раненых. Предупредили нас—река тут под артобстрелом, бьют две батареи. И вот лейтенант Горбов почью ведет катер, а, как на грех, чистая луна, на воде каждую щепку видно. Нас сразу засекли. Такая каша на реке поднялась, беда. Снаряды рвутся у самой кормы. Судно так и прыгает от взрывов, а Горбов, я за ним смотрел, стоит в рубке спокойный, точно вечером в кают-кампании, и ловко маневрирует.

— А вы?

— Не обо мне речь. Притерли катер к берегу. Команда соскочила, стала раненых носить, а комендор башни, старшина 2-й статьи Лопатин (вон он стоит, дюжий такой, как дуб) и наводчик комендор Брызгалов (вон рядом с ним, красавец-парень) тем временем вражеские огневые точки на холме засекли, да как чесанут по ним беглым огнем. Прошла гитлеровская батарея! Прямо, можно сказать, втыкает снаряды в цель. Я сам комендором был. Прямо скажу: у Брызгалова глаз, как у коршуна.

Вдруг лейтенант выпрямился, подобрался, поправил фуражку. Доброе и общительное лицо отвердело и стало замкнутым. Катера подошли к зоне действия. Командир группы Житомирский отдал несколько коротких распоряжений. Дула орудий стали поворачиваться к левому борту и подниматься, нащупывая цель где-то на холме у горизонта, откуда била вражеская батарея.

Уже потом, стороной, от других краснофлотцев, удалось узнать, как действовал сам командир группы старший лейтенант Житомирский во вчерашней операции, как он руководил огнем пушек, как на руках носил раненых, сколько хладнокровия проявил, выводя катера из дымовой завесы, из зоны обстрела. Узнали его биографию, простую и героическую биографию слесаря, который начал войну канонирom в Днепровской флотилии и в памятном бою под Тарнополем огнем своих пушек разгромил на берегу две вражеских батареи и подбил больше 10 танков. Узнали, как потом он и

группа его товарищей, сняли с раненых кораблей крупнокалиберные пулеметы, достали грузовики и организовали своеобразную батарею на колесах, которая наводила на немцев панику, внезапно появляясь у них на флангах.

— Настоящий волгарь, — сказал о нем командир части, и это звучало большой похвалой.

* * *

Не менее энергично действуют на Волге и тральщики — маленькие деревянные суденышки, еще недавно в гражданской своей жизни, бывшие речными трамваями и возившие по воскресеньям сталинградцев по домам отдыха, расположенным в волжской пойме. Сейчас эти суденышки приобрели настоящий военный вид и причиняют немцам не меньше неприятностей, чем стальные острогрудые, рожденные для битв бронекатера.

С помощью тралов вылавливают они из Волги мины, расчищая путь военным и мирным судам. Опасная работа! Мы видели, как из пулемета расстреливали одну такую выуженную мину, и, хотя судно наше стояло очень далеко, силой взрыва его подбросило, как пробку. Про минеров говорят, что они ошибаются только раз в жизни. Минеры Волжской флотилии не ошиблись еще ни разу. Немецкие мины выужены и расстреляны.

Мы побывали в гостях на тральщиках, когда их экипажи занимались не своим прямым, но очень важным делом. За день до этого немцы, бросив огонь своих батарей на Волгу, разбили переправу. Пока ее восстанавливали, связь города с Заволжьем поддерживали тральщики. Они доставляли в город боеприпасы, пополнения, а оттуда вывозили раненых. Они делали свое дело под артобстрелом с земли и с воздуха. Маленькие корабли бесстрашно и ловко маневрировали между разрывами. В сутки они совершали по 6—8 рейсов. Подведя тральщик к берегу, сами краснофлотцы, не считаясь со званиями, быстро нагружали его трюмы и перебрасывали груз. Под непрерывным обстрелом бережно выносили раненых и вновь отправлялись в рейс, заделывая на ходу пробоины, всеми средствами выкачивая воду.

Капитан одного из этих героических суденышек показал нам старый вымпел своего тральщика. Он был прострелен в восемнадцати местах. Потом он показал массу дырочек, боль-

ших и малых, испещрявших борты и аккуратно заделанных замазкой.

— 533 пробоины! — усмехнулся он. — И ничего, ходим. Волгари к этому привыкли.

День и ночь, не прекращаясь ни на минуту, без перерыва, без передышки, кипит гигантское сражение за город. День и ночь на Волге, в ее многочисленных протоках и рукавах, живет боевой героической жизнью Волжская военная флотилия, поддерживая с воды героическую борьбу сталинградцев.

ФАКЕЛ БЕССМЕРТИЯ

Краснофлотцы вели ожесточенный бой с фашистскими танками в районе Сталинграда. Когда краснофлотец Паникак израсходовал все гранаты, на его окоп, лязгая гусеницами, поползли вражеские машины. Стреляя из пушек и пулеметов, немецкие танки неудержимо приближались к окопу краснофлотца.

Паникак осмотрел окоп и нашел две бутылки с горючей жидкостью. И отважный воин решил принять бой против немецких танков.

До переднего танка оставалось 10 — 15 метров. Паникак приподнялся из окопа и взмахнул бутылкой, намереваясь бросить ее в танк врага. В этот момент вражеская пуля разбила бутылку в его руке. Воспламеняющаяся жидкость полилась на краснофлотца. Живым факелом вспыхнул Паникак. Он понял, что для него все кончено, и не стал сбивать пламя. В его сознании и сейчас жила одна мысль—уничтожить немецкий танк. Когда танк был совсем рядом, краснофлотец Паникак, превозмогая адскую боль, выбрался из окопа, подбежал к фашистской машине и ударил бутылкой по решетке моторного люка. В ту же секунду горящая фигура моряка скрылась в пламени и дыме, окутавшем немецкую машину. Танк был уничтожен.

Оставшиеся бойцы, воодушевленные бессмертным поступком своего товарища, всей мощью своего огня обрушились на врага, и он был отброшен. Фашистские танки не прошли.

(Газета „Сталинградская Правда")

Капитан В. КОЛОХАЕВ

СТОЙКОСТЬ

Неоднократно фашисты бросались в контратаку на небольшую группу моряков под командованием капитана Жукова. Все попытки гитлеровцев были безуспешны. Моряки стояли на-смерть. Они сумели прочно укрепиться на недавно отбитом у врага рубеже.

С рассветом началась новая контратака. Двести немцев, при поддержке двух тяжелых танков, приближались к рубежу моряков.

Капитан Жуков отдал распоряжение: станковым пулеметам расположиться на флангах с задачей отсечь пехоту от танков, ручным пулеметчикам и автоматчикам занять огневые позиции с фронта и вести огонь по пехоте, следующей за танками. Главстаршина Репин и краснофлотец Борисоглебский получили приказ: связками гранат подбивать немецкие танки.

Вражеские танки лезли вперед. Репин и Борисоглебский по-пластунски поползли навстречу машинам. Их действия прикрывали автоматчики. Истребители смело продвигались вперед. До танков оставалось 8-10 метров. Связки гранат полетели под гусеницы тяжелых машин. Оба танка одновременно заглохли и остановились. Экипажи попытались спастись, но были уничтожены.

Станковые пулеметы моряков открыли огонь с флангов по атакующему врагу. Ручные пулеметы и автоматы вели фронтальный огонь. Наступающая группировка немцев была зажата в огневые клещи. Немцы бросились назад. Огонь моряков преследовал отступающего врага. На поле боя немцы оставили более ста трупов.

В этот день гитлеровцы бросались в контратаку еще четыре раза, но моряки упорно удерживали свои рубежи. Провал планов взбесил врага. За ночь немцы подготовились и утром снова возобновили атаку. Теперь на моряков наступало до двух батальонов пехоты при поддержке танков.

Но и для моряков ночь не прошла даром. Они еще прочнее укрепили свой рубеж, пополнили боеприпасы, установили три противотанковых ружья.

Капитан Жуков четко поставил задачу перед бойцами. Станковые пулеметы должны были вести кинжальный огонь по пехоте противника. Автоматчики и ручные пулеметчики

Варава, Березин и Савкин получили свои сектора обстрела. Бронебойки были вручены отважным морякам Борисоглебскому, Репину и Балацину.

Танки уже были близко. Одним выстрелом из бронебойки Борисоглебский подбил танк. Три бронебойщика подбили семь фашистских машин. Остальные танки повернули обратно. Немцы растерялись. Этим не замедлили воспользоваться краснофлотцы. Капитан Жуков скомандовал:

— По пехоте врага залпом — пли!

Дружно ударили стрелки, пулеметчики и автоматчики. Залповый огонь срезал вражескую цель.

На помощь немцы вызвали свои резервы. Бой разгорался с новой силой. Большой группе немцев удалось прорваться к окопам моряков. В ход пошли гранаты. Как львы, дрались моряки. Никто не дрогнул. Подступы к окопам усеялись трупами немцев. Остатки гитлеровцев отошли.

Так отбили моряки девять атак. Небольшая группа воинов уничтожила до двух с половиной батальонов пехоты противника и 9 танков.

Гвардии капитан 3 ранга НЕСКОВ

ЛЕДОВЫЕ РЕЙСЫ

Вспоминаются бои в конце ноября. По Волге пошел лед. Условия для плавания сразу усложнились.

— Для нас не может быть никаких преград, — сказал тогда гвардии старший лейтенант Коротенко, — которые приостановили бы боевую деятельность моряков. Мы будем плавать во льдах!

И мы стали плавать во льдах.

20 ноября у Н-ской части, дравшейся в районе «Баррикад», вышел весь боезапас, кончилось продовольствие. Доставить все необходимое бойцам было невозможно: немцы сильно простреливали участок реки около завода. Часть попала в весьма трудное положение.

Отряд бронекатеров получил приказ перебросить продовольствие, боезапас, а на обратном пути эвакуировать раненых.

Лунной ночью бронекатера кильватерной колонной подходили к назначенному месту. Немцы обнаружили нас. Завязал-

ся неравный бой. Уничтожив одну за другой минометную и пулеметную точки, мы доставили груз отважным пехотинцам. Взяли на борт раненых и двинулись обратным курсом.

Вновь завязался жаркий бой. В рубку одного катера попали три снаряда. Смертью храбрых пал командир отделения рулевых Емелин. Катер терял управление. Не колеблясь, место героя занял рулевой — сигнальщик Самойлов — и повел катер по заданному курсу.

Все катера вернулись на базу. Через некоторое время они снова отправились в такой же опасный ледовый рейс.

Правительство оценило боевые дела бронекатеров и наградило 100 человек орденами и медалями. Наш дивизион за самоотверженное выполнение боевых заданий командования стал гвардейским.

В. КУПРИН, Д. АКУЛЬШИН

В ОДНОМ КВАРТАЛЕ

Эта группа домов стояла в стороне, между двумя глубокими оврагами. Впереди — асфальтовая дорога, отделенная густыми купами деревьев и кустарников. Внутри квартала — сад, много зелени. Тихий уголок Сталинграда. Но вот и сюда придвинулся грохот боя.

Рано утром стало известно, что большая группа немецких автоматчиков при поддержке танков, начала наступление на эту часть города. Старший лейтенант Калмыков, которому была поручена оборона квартала, умело распределил свои силы.

Лейтенант Лузянин со взводом автоматчиков занял оборону в первом ряду домов. Несколько бойцов замаскировались в кустах и деревьях придорожной аллеи. Остальные разместились на чердаках и по верхним этажам.

Автоматчики—у нас молодая специальность. Но они уже успели приобрести свои характерные черты. У них много удальства, боевого задора, дерзости. Они знают силу своего оружия, знают себе цену и потому горды, упорны. Стоит засесть одному — двум автоматчикам в какую-нибудь щель, — ничем их не возьмешь, не выковырнешь. В таких случаях каждый сам себе хозяин, сам себе командир, находчивый, инициативный. А в наступлении наш автоматчик берет изворотливостью и дерзостью, смело идет один на многих, любит скрытно подобраться и неожиданно ударить, особенно во

фланг или с тыла. Народ веселый, ни в какой обстановке не унывающий.

И на этот раз командир Калмыков увидел в одной из угловых комнат троих бойцов с патефоном. Один смотрел в окно, а двое ставили пластинку.

— А вы опять патефон прихватили с собой?

— С музыкой воевать способней, товарищ командир! Под нашу музыку немцы здорово танцуют.

С чердака прибежал, весь в пыльной паутине, боец Дудкин:

— Показались из-за бугра танки. За ними, как сосунки, бегут автоматчики, роты две...

Мгновенно стали по местам. Из окон третьего этажа было видно, как за темнозелеными грузными машинами во весь рост бежали серые фигурки. Они быстро приближались. Наши молчали. Но как только наступающие приблизились метров на 300, захлестали очереди наших автоматчиков с деревьев и из кустов. Ряды немцев как-то задергались, смешались. Многие со всего размаху падали в высохшую траву.

Немцы залегли; танки остановились. С вражеской стороны заговорили крупнокалиберные пулеметы и автоматы. С деревьев посыпались сухие листья и ветви. Бойцы, сидевшие там, затихли. Немцы начали проскакивать между танками, устремляясь к домам. Тогда из всех верхних этажей ударили сухие очереди автоматов. Им вторили пулеметы с подоконников и из слуховых окон. Сверху хорошо видна цель. Наши автоматчики били по передним рядам немцев, а пулеметы брали в глубину. Среди вражеской пехоты началось замешательство. Тогда двинулись вперед танки. Они начали бить из пушек по верхним этажам, где замечали в окнах наших бойцов. Но автоматчики быстро меняли места, перебегали с этажа на этаж.

Как только немецкие танки подошли поближе к дороге, из кустов в них полетели гранаты. Танки начали осторожно пятиться назад, продолжая обстрел домов. Несколько раз немецкие автоматчики поднимались в атаку. Они яростно срывались с места и бежали, стреляя из автоматов прямо «с живота». Наши бойцы вели только прицельный огонь и стреляли на выбор по немцам, вырвавшимся вперед.

Сбив этих, они заставляли откатываться обратно и залегать остальных. Немцы пытались зайти с флангов, от оврагов, но там их встречал огонь ручных пулеметов. Особенно

настойчиво атакующие порывались обойти дома справа, где было много зелени. Безуспешно! Здесь держал оборону взвод разведчиков под командованием лейтенанта Шепеля. А разведчики дерутся лихо.

Бой принимал затяжной характер. Тогда над танками взвились белые ракеты: немцы вызвали на помощь авиацию. Пронзительно загудели сирены пикировщиков, послышался вой падающих бомб. Густое облако дыма и пыли застлало все кругом. Были прямые попадания в дома. Немецкие автоматчики устремились вперед.

Но бомбежка не поколебала стойкость наших бойцов. По-прежнему нет хода врагу. Из полуразрушенных домов продолжают бить автоматчики. Враг откатывается. Опять налет. Теперь немецкие самолеты сбрасывают не только фугаски, но и зажигательные бомбы. Загораются почти все дома. А самолеты продолжают пикировать, и атакующая пехота смелее лезет вперед. Губительный огонь снова встречает врага, — нашим автоматчики продолжают стрелять из нижних этажей. Вверху ревет и разрастается пламя; автоматчики стреляют.

Синий дым ест глаза, трудно дышать, в трещинах стен появляются огненные змейки. Старший лейтенант Калмыков отдает приказ занять оборону между домами и позади них. Немецкие танки не решаются пройти между горящими зданиями: вся лицня домов слилась в одно общее пожарище, и сильные порывы ветра перебрасывают языки пламени от одного строения к другому.

Был уже вечер, когда немцы прорвались справа. Танки с автоматчиками углубились во двор. Здесь, в уцелевшем от пожара доме, засел лейтенант Лузянин со своими бойцами. Пуля пробила левое плечо отважного командира, но он продолжает руководить боем.

— Дудкин, гранаты!

— Товарищ командир, противотанковых больше нет.

— Давай, что есть!

Лузянин выскочил на улицу. Красное зарево осветило сильную фигуру лейтенанта, бежавшего навстречу танкам. Он кидает гранату за гранатой то под танки, то в немецких автоматчиков и, словно заговоренный, остается неуязвимым в вихре убийственного встречного огня.

Немцы не выдержали, дрогнули. За своим командиром бросились вперед лихие автоматчики — Дудкин, Цыганчук, Чадов, Кисин. Враг отброшен.

Пожар охватывает последние дома квартала. Рушатся перекрытия, сгибаются раскаленные железные балки. Автоматчики вынуждены временно отойти в глубь большого двора. Мало их осталось: 18 героев обороняют целый квартал. Теперь они засели за старым валом. Здесь каждый выкопал себе окопчик на расстоянии 25—30 метров друг от друга. Немцы накапливались во дворе и пробовали прорваться дальше, но старинный вал брызнул им навстречу таким огнем, что они отхлынули обратно. Тогда немецкие автоматчики двинулись в обход — слева, по оврагу. Однако, и здесь путь был закрыт. За перекинутой через овраг толстой трубой, примостился боец Степанов. Он прочищал весь этот участок автоматным огнем, а тех, кому удавалось подобраться ближе, рвал на куски гранатами.

Всю ночь не успокаивались немцы. Атаку за атакой отбивали восемнадцать храбрецов. Немецких солдат хорошо было видно при свете огромного пожара. Их метко косили с флангов ручные пулеметы, короткими, но точными очередями встречали автоматы.

Держаться было тяжело. Немцы и ночью продолжали бомбить горящий квартал. Во время одного из этих налетов отважные автоматчики лишились своего командира, — осколок бомбы сразил лейтенанта Лузянина. Две раны получил автоматчик Дудкин, и, как ни уговаривали его друзья, он не вышел из боя.

— Пока руки и глаза целы, никуда не уйду. Разве я могу вас теперь оставить?

Горсточка храбрецов держала квартал до утра. Здесь врагу не удалось пройти. На рассвете автоматчиков сменило новое подразделение.

И. ДМИТРИЕВ, С. ШУХМИН

В ЗАВОДСКОМ ПОСЕЛКЕ СТАЛИНГРАДА

В последние дни центр боев переместился в заводские районы Сталинграда. Враг неистовствует, подтягивает к городу новые части. На днях из Керчи переброшено на самолетах под Сталинград свыше тысячи немецких солдат и офицеров. В боях участвуют тыловые части, в частности, на передовых позициях дерутся четыре немецких саперных и один строительный батальон.

Вчера и сегодня немцы, подтянув резервы, обрушились на заводской поселок. До трех пехотных дивизий и сто танков бросил враг на небольшом участке фронта. Одна атака сменяла другую. Но каждый раз фашисты с большими потерями отбрасывались назад. Тогда они вызвали на помощь самолеты. Десятки вражеских бомбардировщиков забросали бомбами боевые порядки наших частей. Групповым огнем пехотинцев был сбит и рухнул на землю «Юнкерс-88». Вражеские самолеты поднялись выше и подожгли домики поселка зажигательными бомбами. Но борьба продолжалась с прежним упорством. Уносили раненых, их место занимали новые бойцы. Кровопролитный бой не стихал.

Сегодня на участок обороны, занимаемый одним нашим взводом, фашисты бросили роту. Наши бойцы встретили ее шквалом огня и, перейдя в контратаку, отбросили с большими потерями. Немцы направили в атаку батальон. Не помогло. Солдатам пытался проложить дорогу тяжелый танк. Навстречу ему вышла группа бойцов во главе с политруком тов. Хруленко. Политрук подполз к танку на расстояние в 10 метров и четырьмя зажигательными бутылками поджег машину. Заметив, что к нашим окопам ползут враги, тов. Хруленко меткими выстрелами уничтожил пять гитлеровцев, а затем метнул в них гранату, уничтожив еще семь фашистов.

С разных сторон на этот участок направились три новых фашистских танка. Меткими выстрелами из противотанкового ружья красноармеец тов. Титов зажег одну за другой все вражеские машины. Тов. Титов — один из тридцати трех героев, отбивших на подступах к Сталинграду атаку 70 танков.

Бои в направлении поселка идут, не утихая. Вот фашистская мина прямым попаданием уничтожила наш пулемет и вывела из строя расчет. 12 немецких автоматчиков окружают красноармейца Куликова. Он оглядывается, вокруг него только раненые товарищи. Куликов вступает в единоборство с фашистскими автоматчиками. Метки выстрелы Андрея Владимировича Куликова. Когда он убивает шестого фашиста, остальные убегают. Куликов перевязывает раненых товарищей из своего расчета и ползком, по очереди, перетаскивает их в санпункт.

Неподалеку дерется группа гвардейцев-минометчиков во главе с тов. Вожиевым. Увидев, что до двух рот немецких ав-

томатчиков прорвалось на улицы, тов. Вожиев собрал связистов, разведчиков и бросился в контратаку на немцев. Умело сражаясь, группа гвардейцев выбила немцев с трех улиц. Эта горстка смельчаков в течение трех суток отстаивает важный участок окраины, успешно отбивает все атаки фашистов. На боевом счету гвардейцев за эти три дня записано свыше 200 убитых фашистов, три сожженных танка и пять вражеских автомашин.

Во время уличных боев возникают самые сложные положения. Командир минометной батареи гвардии лейтенант Н. И. Андреев, находясь на наблюдательном пункте, внезапно был окружен немецкими танками и автоматчиками. Но тов. Андреев хладнокровно продолжал давать минометам ориентиры. Мощные залпы минометчиков следовали после каждого его приказания. За несколько часов батарея уничтожила много гитлеровцев.

На другом углу шесть немецких танков и взвод автоматчиков окружили здание, где находился старший лейтенант А. А. Солодков. Командир приказал батарее открыть огонь по его наблюдательному пункту. Его переспросили. Твердый голос Солодкова повторил приказание. Меткими выстрелами были поражены два танка и свыше 30 автоматчиков. Воспользовавшись поднявшейся паникой, тов. Солодков вырвался из кольца.

Жаркие бои идут вдоль всего поселка. Пользуясь численным превосходством, врагу удалось ворваться на окраину поселка и занять несколько кварталов. Немцы уже начали ломать заборы, укрепляться в домах. Но тут заговорили советская артиллерия, минометы. Наши части предприняли контратаку. Снова закипел бой...

В воздухе появляются эскадрильи наших самолетов. Немецкие зенитчики начинают яростную пальбу. Наша артиллерия открывает огонь, и вскоре две батареи противника умолкают.

Бой длился всю ночь. Улицы поселка, сады и дороги покрылись сотнями трупов убитых немецких солдат. К рассвету большинство кварталов заводского поселка было полностью очищено от фашистов. Хорошо закрепившись, наши бойцы вели меткий огонь по врагу.

Наступил новый боевой день.

Б. ПОЛЕВОЙ

БОЙЦЫ ЦЕХОВ

Вот он, чудесный завод, такой знакомый по снимкам и кино. Вся страна строила тебя! Миллионы советских людей с напряженным вниманием следили за твоим рождением, завидуя тем, кто участвовал в героической стройке в низовьях Волги.

Сталинградский тракторный завод — это могучая, полнокровная, буйная юность нашей индустриализации. Каждый из нас живо помнит дни и месяцы его рождения.

Его проект за границей встретили недоверчиво. Юмористические журналы упражнялись, изображая современные машины, приводимые в движение верблюжьей тягой. Солидные газеты удивлялись: большевики взялись не за свое дело. Разве по плечу им строить современные индустриальные гиганты? Большевики упорно строили, с любовью укладывая каждый куб бетона. Строили и построили. Тогда в газетах за границей поднялся спор: пустят или не пустят, освоят или не освоят. Немецкие технические журналы пренебрежительно фыркали: разве детям волжских бурлаков, таскавших бечевой баржи с солью, подстать современная техника? Переломают машины, пойдут на поклон за границу. Американцы смотрели на вещи иначе: ведь недаром Россия всегда слыла страной чудес. Американцы помогали нам строить этот завод. Скоро тракторы с буквами «СТЗ» бороздили все бескрайние поля нашей родины. Скоро весь мир узнал эти три магические буквы и научился их уважать.

Вот он стоит, завод-гигант. Немецкие снаряды проносятся над головами. Линия фронта недалеко. Но завод живет. Больше того — завод работает, и старый человек с седыми усами, с немецкой трофейной винтовкой за плечами и парой немецких гранат, деревянные ручки которых торчат у него из кармана ватного пиджака, преграждает путь и сурово требует:

—Пропуск!

Этот человек—старый кадровик завода и участник знаменитой царицынской обороны Иван Захарович Валиков — вот уже одиннадцать дней на посту, не сменяясь, охраняет проходную завода. Хотели поставить военную охрану, освобо-

дить старика, переправить его за Волгу. Он пригрозился дойти «до самого главного военного» и отстоял свое право охранять родной завод. И вот в смену с красноармейцами он несет дежурство, а в свободное время спит тут же. в проходной, свернувшись калачиком на старой шубе. Впрочем, ходить ему некуда. Дом его в поселке семь дней назад спалили немцы. Из будки он видел, как горел его дом, но в этот момент он нес дежурство и не покинул поста.

Заводской двор, перечеркнутый вкривь и вкось линиями путей, пуст. Он весь испахан, изрыт снарядами. Танкисты, только что принявшие четыре вышедших из ремонта машины, советуют тоном специалистов:

— К стенкам северным жмитесь. Он с юга лупит.

Впрочем, сами они возятся у своих машин совершенно хладнокровно, хотя именно эта площадка, служившая раньше, очевидно, для опробования сошедших с конвейера машин, особенно густо исклевана рябинами разрывов. И вообще я наблюдал одну характерную черту защитников Сталинграда — большую заботу о других. Человеку, вновь попавшему в город, они дают десятки советов, как ему следует себя вести. Сами же остаются совершенно равнодушны к чириканью пуль. «Мы, сталинградцы, — народ, от пуль заговоренный»,— пошутил краснофлотец на переправе.

В одном из цехов идет горячая работа. Ночью тягачи подтянули с поля боя подбитые машины. Сейчас их спешно ремонтируют. Рядом с военными ремонтниками работают рабочие заводов — сборщики, токари, слесари. Работают молча, сосредоточенно, сурово сдвинув брови, стараясь всю силу своей воли, всю быстроту своих умных, опытных рук вложить в эту работу. Военинженер 2-го ранга Герасимов удивляется. Он воюет с начала войны и никогда еще не видел таких темпов. Ремонт, на который полагаются сутки, делают за часы, с мелкими повреждениями управляются буквально в несколько минут.

— Вот эти товарищи, — военинженер показывает на слесарей Строганова, Зотова и старого мастера Филиппова, — не ложились спать уже трое суток. Вчера я приказал им прилечь. Легли. Но в это время прибыли еще танки. Подхожу, вижу—опять с ключами. Я даже рассердился. Упрямый народ. Золотой народ.

У молодых слесарей и у старого мастера, лица были

черны от ржавого масла, белки воспаленных от бессонницы глаз сверкали. Когда в дальний угол цеха ударил снаряд и осколки стекла, брызнув, упали им под руки, они даже не оглянулись, продолжая возиться в моторе танка.

Филиппов сопровождал меня по цехам. Цехи были пусты. Гром выстрелов троекратно повторялся в пустоте стен. Старый мастер был немногословен. Он только называл цехи.

Только в одном месте, у остова сожженного цеха, его прорвало. Он поднял свои большие, масляные кулаки и неистово потряс ими, грозясь туда, откуда били по заводу немецкие минометные батареи.

— Сволочи, сволочи! — прохрипел старик. — Нет, вы скажите мне, чем они, скоты, нам за все это заплатят, какой мерой они будут с нами квитаться за все эти их бесчинства?

Потом мы сели за массивной стеной, защищавшей от пуль и мин, и Яков Филиппович рассказал, как рабочие тракторного вместе с бригадой, принимавшей танки, отбили первые атаки немцев у стен города, как отличился в боях за город рабочий батальон завода, в котором начальником штаба был член Сталинградского совета, преподаватель механического института Панченко, как геройски дрались слесари, токари, фрезеровщики, как, сражаясь за Сталинград, героически погибла девушка-сталевар любимица сталинградских металлистов Ольга Ковалева. Старый мастер называл их всех — и тех, кто сражается, и тех, кто работает, — бойцами цехов. Бойцы цехов! Здорово сказано.

Уже темнело, когда я уходил с завода. В проходной—молодой красноармеец. Я спросил его: где же Иван Захарович?

Красноармеец сразу погрустнел и по расстроенному лицу его сразу ясно стало, что он еще совсем молодой паренек.

— Умер дядько Иван... час назад убило осколком... Видите ту воронку — вот от нее осколком. В грудь. Так с винтовкой и рухнул.

И мы сняли пилотки над местом гибели Ивана Захаровича Валикова, «бойца цеха», одного из тысяч героических защитников Сталинграда.

Л. ВЫСОКООСТРОВСКИЙ

УПОРНЫЕ БОИ ЗА КАЖДЫЙ ДОМ СТАЛИНГРАДА

Четырехэтажный кирпичный дом, возвышавшийся над другими постройками, был еще достаточно прочен, в силу чего мог служить укрытием от артиллерийского и пулеметного огня. С этого дома имелась возможность просматривать центральные улицы города. Справа и слева от этого полуразрушенного здания находились небольшие деревянные постройки. Вперед в гору шла улица, за которой располагалась площадь. В одном из углов площади стояли два здания, а за ними еще один большой недостроенный каменный дом. Вот на всем этом пространстве и разыгрался упорный и кровопролитный бой.

Командир стрелковой роты старший лейтенант Петраков получил приказ — занять оборону западнее всей этой группы строений, чтобы не допустить немцев вперед. Уже темнело. Сосредоточив роту в укрытии, старший лейтенант выслал разведку и под ее прикрытием стал выдвигаться к площади на рекогносцировку. Немцы заметили разведчиков. Они открыли огонь из верхних этажей недостроенного дома. Из этого старший лейтенант понял, что противник уже занял несколько зданий и выдвигался к площади, т. е. упредил роту. Старший лейтенант заметил группу вражеских автоматчиков, когда они пробирались вдоль улицы к упомянутому четырехэтажному дому. Вскоре после этого, когда уже стемнело, немцы заняли четырехэтажный дом.

Ночью старший лейтенант организовал дополнительную разведку. Она донесла, что немцы захватили основные постройки и, видимо, опасаются в темноте двигаться дальше. Командир роты решил предпринять на рассвете контратаку, не дав врагу закрепиться в занятых им зданиях.

Старший лейтенант разделил роту на две группы. Одну из них возглавил лейтенант Ромашков. Его задачей было обойти четырехэтажное здание и ударить по врагу слева. На правом фланге командир роты выставил пулемет, чтобы контролировать улицу, поднимавшуюся в гору. Вторую группу возглавил сам Петраков. Ночью она выдвинулась на площадь и укрепилась в бомбовых воронках, среди различных обломков, в готовности перейти в атаку, как только станет светать.

Уличные бои в Сталинграде. Гвардейцы атакуют дом, занятый противником.
Фото Я. Рюмкина.

Утром завязялся бой. Группа Ромашкова успешно продвинулась вперед и овладела постройками вокруг четырехэтажного здания. Правда, часть немцев осталась в тылу, откуда вела огонь. Одновременно мелкие партии немецкой пехоты стали нажимать на группу Петракова. Но тут немцев встретили огнем пулемета и отбросили их в исходное положение. Не растерялся и лейтенант Ромашков. Он продолжал продвигаться вперед, прикрываясь с тыла нашими автоматчиками. Группа его бойцов под командой младшего лейтенанта Алексеева пересекла один двор и переулком достигла улицы позади высокого дома. Этим самым противник, в свою очередь, оказался под угрозой окружения. Наши бойцы перебили тут 20 гитлеровцев и очистили от врага небольшой участок. Этот боевой эпизод поучителен настойчивостью атакующих. Они упорно просачивались дворами и переулками на фланги и в тыл врага, чем и ставили его в невыгодные условия.

На другой день старший лейтенант Петраков продолжал выполнять задачу. Разведка донесла, что враг сосредоточил в четырехэтажном доме несколько десятков автоматчиков, установил тут 3 станковых пулемета, легкий миномет и скорострельную пушку. Как только рассвело, развернулся бой. Наши бойцы подавили ряд пулеметных точек противника, рассеяли несколько групп автоматчиков и захватили две немецких пушки со снарядами, которые были немедленно обращены против врага. Затем начался бой за самое здание. Отдельные группы бойцов с гранатами и бутылками с горючей жидкостью пытались ворваться в здание, но неудачно. Противник отбил атаку огнем из-за укрытий. Воспользовавшись некоторым замешательством, наступившим в наших рядах, враг сделал вылазку и чуть было не прорвался. Старший лейтенант Петраков восстановил порядок в роте и отбил вражескую вылазку, затем снова предпринял атаку. Она началась так. Два орудия сделали по двадцать пять выстрелов по окнам, дверям и амбразурам дома. Под прикрытием этого огня бойцы подползли к зданию, а затем ворвались в него. Началась рукопашная схватка. Лишь отдельные солдаты и офицеры врага сумели спастись бегством. Рота вышла в назначенный ей район и закрепила его за собой.

Б. ПОЛЕВОЙ

ДОМ 21/А

Просторная улица с большими домами, с газонами, с молодыми, еще не закурчавившимися топольками, такая спокойная и мирная, если бы не разрытые снарядами мостовые и тротуары, если бы не баррикады и не два сожженных немецких танка, прижавшихся к разбитому каменному забору. Это — передовая линия.

Красивый четырехэтажный дом с лепными украшениями на фронтоне, с широким разбегом лестницы, с простором чистых и светлых квартир, такой благоустроенный, если бы не угол, снесенный авиабомбой, не зияющие просветы пустых окоп, не двери, выбитые силой разрывов, — за этот дом девятый день идет борьба. Его и сейчас удерживает горсточка храбрецов под командованием младшего лейтенанта Цветкова.

А дом наискось — это позиция немцев. Оттуда время от времени строчат автоматчики. Пули их, взвизгнув у подоконника, скалывают штукатурку стен, и она сыплется на пол.

Эта комната еще совсем недавно служила, очевидно, кабинетом инженера: письменный стол, книжные полки, классики рядом с технической энциклопедией и словарем Хютте, большой снимок тракторного завода в рамке с куском выбитого стекла, клеенчатый диван.

Эту комнату с двумя массивными стенами и одним маленьким окном, выходящим во двор, и избрал младший лейтенант Цветков под свое, как он шутя говорит, «К. П.». Он хрипловатым, сорванным голосом не без увлечения рассказывает историю обороны этого дома № 21-А на одной из окраинных улиц Сталинграда.

В середине сентября немцы, собрав на окраине города мощный кулак, после долгой бомбежки с воздуха, с помощью танков овладели этой улицей. Они сразу же начали на ней закрепляться. Лейтенант подводит меня к окну и, приказав смотреть осторожно из-за косяка, показывает жилки глубоких извилистых окопов, пересекающих двор, дзот, сооруженный посередине двора и замаскированный поленницей дров. Солидное укрепление. Но продержались тут немцы недолго. Сильным и внезапным ударом с фланга их выбила отсюда одна наша гвардейская часть, за ночь очистившая и эту, и примыкавшие к ней улицы. После боя во дворе дома 21-А,

в окопах, и особенно в подвале-котельной, гвардейцы нашли много немецких трупов.

Страшное зрелище увидели гвардейцы на пороге квартиры № 3 на 2-м этаже. В открытой двери, наполовину высунувшись на лестничную площадку, лежала старая, седая женщина, прикрыв собой труп полуторагодовалого ребенка. Женщина была ранена в грудь навылет тремя пулями. Перед смертью она успела назвать себя: Анна Капустина, пенсионерка, мать цехового плановика с тракторного завода.

Она рассказала бойцам страшную повесть. Вместе с внучком Игорем и младшей дочкой, 15-летней Верой, они были одни в пустом доме, когда его захватили немцы. Прошло немного времени, наши части начали теснить немцев. Немецкий офицер ворвался в комнату Капустиной раз'яренный, пьяный. Он что-то кричал, потом выхватил револьвер, выстрелил в постельку, где спал мальчик. Бабушка бросилась на помощь к внуку и повисла на руке у палача, и тот одну за другой пустил ей в грудь три пули. Веру солдаты утащили с собой.

Рассказывая об этой истории, младший лейтенант вскочил с дивана, взволнованно прошелся по комнате. Потом порылся в кармане, достал пестрого целлулоидного попугайчика с горошиной внутри.

— Вот нашли в ручонке у малыша, когда хоронили. Храню, храню и никогда я этого мальчика им не забуду.

Но история борьбы за дом 21-А этим только началась. Захватив его, гвардейцы сейчас же организовали круговую оборону, взяв под контроль своих пулеметов перекресток. Утром немцы начали контратаку. На улицу обрушились залпы снарядов, бомбардировщики волна за волной пикировали на нее. Гвардейцы стойко держались в окопчиках, за баррикадами в угловых окнах домов, ожидая атаку. И вот в бой ринулись немецкие танки. 12 тяжелых машин шли вдоль улицы, неся на броне автоматчиков.

В узком русле улицы закипел бой огромного напряжения. Бронебойщики, хладнокровно дождавшись, когда танки поровняются, стали стрелять им в борты. Пять танков запылало. Но остальные, осторожно обойдя эти жаркие костры, пошли вперед. У бронебойщиков кончились боеприпасы. Меняя позиции, перебегая от одного окна к другому, они уклонялись от шквального огня, который вели танки, и, выбрав момент, метали сверху гранаты. Еще три машины оста-

новились с развороченными гусеницами, но четыре продолжали двигаться. Из окон нижних этажей гвардейцы из автоматов скашивали танковый десант. Но противотанковые средства были исчерпаны. Тогда один высокий боец, герой, о котором тут говорят с огромным уважением, но имени которого никто не знает, с криком:

— Не пройдете, гады! Не пущу! — схватил противотанковую мину, прижал ее к груди и вместе с ней бросился под гусеницы головного танка. Раздался взрыв. Покачнувшись, стальная махина остановилась с развороченным корпусом. Остались три танка. Они проломили баррикаду и подошли вплотную к дому 21-А. И тут защитники дома пустили в ход старое, испытанное средство: из подворотни полетели зажигательные бутылки.

Но немецкие автоматчики уже успели соскочить с танков и, смяв двух бойцов, пытавшихся их задержать, ворвались в первый подъезд дома. Яростная схватка завязалась на лестнице. Немцев было втрое больше, чем наших гвардейцев, но гвардейцы стойко отражали удары. Боец Чепурной залег с автоматом на лестничной площадке, ведущей ко второму этажу, и пока за его спиной товарищи воздвигали баррикаду из домашнего скарба, он сдерживал немцев короткими очередями. Немцам удалось захватить только 9-ю и 10-ю угловые квартиры. Чепурной дал по ним последнюю очередь и, шатаясь, — он был ранен в плечо и бедро — стал подниматься наверх. Товарищи перетащили его через баррикаду.

В это время к немцам пришли подкрепления. Дав несколько выстрелов из мелкокалиберного миномета по окнам лестничной клетки, немцы пошли на штурм баррикады. У пятерых бойцов, защищавших ее, гранат уже не осталось, патроны кончались. Поэтому они били только наверняка, когда кто-нибудь из немцев пытался перелезать баррикаду. Они держали ее, пока, не поднявшись по пожарной лестнице во второй этаж, вторая группа немцев не ударила им в спину. И все же они успели отойти и снова закрепиться на третьем этаже. Раненого Чепурного они посадили на кухне у двери на балкон отбивать попытки немцев проникнуть по пожарной лестнице. Бой возобновился неравный и еще больше ожесточенный. Немцы попытались бросать за баррикаду гранаты, но, прежде, чем те успевали разорваться, бойцы хватали их налету и бросали обратно на головы фашистов.

— Вот вам за Сталинград. А эту за мать-Украину. А эту

за родной колхоз «Червоный шлях», — приговаривал боец Климук, ловко метая немецкие гранаты.

И немцы не выдержали. Они прекратили осаду, ушли в нижние квартиры. Но с рассветом они возобновили попытку очистить дом. На этот раз их миномет минут 10 бросал мины в окно лестничной клетки. Бурый дым взрывов, известковая пыль заполнили все непроницаемой пеленой. Но когда немцы пытались пролезть наверх, их снова встретили редкие, но меткие выстрелы из-за баррикады.

Гвардейцы, переждавшие бомбежку в квартирах, снова были на своих местах. Они постреливали по последней обойме, готовясь к рукопашной схватке. Но в это время наверху раздалось «ура». Оно грянуло неожиданно и продолжало нарастать. Это бойцы из соседнего блока, перебравшись по крыше, шли на помощь. На головы немцев одна за другой полетели гранаты. Это было так неожиданно, что немцы побежали, бросая убитых и раненых. С хода были взяты обратно квартиры 9 и 10. Дом № 21-А снова был полностью в наших руках. Неудачный штурм его обошелся немцам в 52 солдатских и 2 офицерских жизни.

Каждый день по ночам бойцы укрепляют дом, заделывают кирпичом оконные амбразуры, проделывают бойницы, окружают дом траншеями.

— Наш дом — это один из домов Сталинграда,—говорит младший лейтенант и ведет меня осматривать хозяйство этого своеобразного дота, где месяц тому назад мирно жили люди. Их вещи все еще стоят на своих местах, посыпанные известковой пылью, битым стеклом. В одной из комнат, должно быть чьей-то столовой, у замурованного окна, в которое просунут ствол противотанкового ружья, в глубоких креслах сидят два бойца—расчет противотанкового ружья — и при свете коптилки мастерят мундштуки из обломков немецкого «Мессершмитта». В другой, угловой комнате пулеметчики Жуков и Евтифеев у станкового пулемета. В этой комнате сохранился детский уголок — крохотная смешная мебелишка и какие-то коврики со зверушками на стенах. Младший лейтенант смотрит на них, потом достает из кармана пестрого попугая — память об убитом мальчике и задумчиво говорит:

— А у меня тоже вот есть дочка Света, четырех лет, и сын Георгий, Егорко — двух.

Потом он вдруг резко подходит к пулемету, дает две длинных очереди по окнам дома наискось, где сидят немцы.

Оттуда отвечают. Несколько мин сотрясают пол своими разрывами. Лейтенант говорит:

— Вот как вспомню о немцах — не могу. Всего затрясет, руки так и зудят стрельнуть, метнуть гранату, поработать штыком.

Мне опять вспоминается его фраза о том, что дом, который они обороняют, один из домов Сталинграда. И в самом деле, как в капле дождевой воды отражается солнце, так и в борьбе за этот дом отражено великое, эпическое упорство защитников города Сталина, сражающихся за каждую улицу, за каждый дом, за каждое окно в квартире, за каждую ступеньку на лестнице. И во всем этом борющемся, воюющем героическом городе немцев ненавидят так же непримиримо и жгуче, как в доме 21-А.

Б. ПОЛЕВОЙ

РЕДУТ ТАРАКУЛЯ

Мы долго шли по северной окраине Сталинграда, пробираясь какими-то задворками и садами, карабкаясь через баррикады, пролезая сквозь закоптелые развалины домов, стремглав пробегая улицы и открытые места. Наконец, лейтенант Шохин остановился, перекинул автомат с плеча на плечо и сказал хриплым, сорванным голосом:

— Дошли. Тут! Вот это у нас и зовут редут Таракуля.

Он показал на груду битого кирпича и балок, возвышавшуюся на месте, где когда-то, очевидно, стоял небольшой, приземистый, старинный, прочной постройки дом. Это происходило в глухой час гулкой, беспокойной фронтовой ночи. Холодная круглая луна серебрила седую от инея землю, пустые коробки когда-то больших и красивых домов, походивших теперь на истрепанные театральные декорации, подбитые снарядами телеграфные столбы, с бессильно болтавшимися кудрями оборванных проводов, чудом уцелевшую на углу красивую нарзанную будку, вкривь и вкось прошитую пулями.

Все тут — и мостовая, сплошь исковерканная и вспаханная разрывами снарядов и мин, и целые россыпи стрелянных гильз, и четыре просторных воронки от авиабомб, зацепевшие по краям и поэтому напоминавшие лунные кратеры из какого-то детского учебника, и, наконец, клочья темносерой немецкой шинели, заброшенной силой взрыва на

ветки молодого капитана, все говорило о том, что это место совсем недавно являлось ареной долгой и яростной схватки, центром которой был этот совершенно разрушенный дом на углу.

— Редут Таракуля, — повторил лейтенант Шохин, которому, видимо, очень нравилось это название, и, показав на прямоугольные отдушины в массивном, хорошо сохранившемся каменном фундаменте, добавил: — а это амбразуры. Видите, какой широкий сектор обстрела на обе улицы. Вот через них они и держали наступление целого немецкого батальона. Вдвоем — батальон. Вдвоем, понимаете!

В хрипловатом голосе лейтенанта, человека бывалого, воюющего третью войну и отнюдь не склонного к восторженности, командира взвода разведчиков, слышалось настоящее, неподдельное восхищение, восхищение воина, восхищение мастера и знатока. И мне живо вспомнилась во всех подробностях история этого дома - редута, слышанная в Сталинграде уже от нескольких человек, необычайная, почти невероятная и в то же время правдивая история, являющаяся одной из характерных страничек тяжелой героической эпопеи сталинградской обороны.

Бойцы - пулеметчики, старые друзья, спавшие в одной землянке, евшие из одного котелка и курившие из одного кисета, Таракуль и Начирпер получили задание командира батальона устроить пулеметные точки в этом доме на перекрестке двух окраинных улиц. Бой в этот день шел на другом участке, немцев здесь не ждали, и сооружение пулеметных точек было только одной из мер хорошей военной предосторожности. Получив приказ, спокойный, медлительный, неразговорчивый Начирпер и маленький, подвижной, вечно что-нибудь насвистывающий или напевавший Таракуль, быстро обошли пустой дом, облюбовали угловую комнату первого этажа, из окон которой можно было следить за всем, что происходит на скрещивающихся здесь улицах, и начали разбирать печь и заставлять кирпичами окна, чтобы оставить в них только узкие амбразуры. Силач Начирпер, стараясь не очень следить на паркетных полах и аккуратно обходя мебель, огромными охапками подносил кирпич, а его друг, насвистывая какую-то песенку, ловко укладывал кирпичи крест-накрест, чтобы они прочнее держались. Бой гремел далеко. Улицы были совершенно пустынны, но друзья, привыкшие на войне к неожиданностям, работая, не покладая рук, все время посматривали кругом.

Первая амбразура была уже готова, в пей установили пулемет и принялись было уже за вторую, когда Начирпер, принеся очередную охапку кирпича, увидел, что Таракуль не работает, а прильнул к пулеметному прицелу и, весь напружинившись, смотрит на улицу. «Немцы!» — догадался Начирпер. Он осторожно положил кирпич на пол и выглянул из-за косяка. Пятеро немцев с автоматами, болтавшимися у них на шее, как саксофоны, озираясь, крались по стенке вдоль улицы. Начирпен схватил винтовку, но Таракуль вырвал ее у него из рук.

— Разведка! Не спугивай. За ними еще припрут. Подпустим, а потом сразу по всем, — зашептал Таракуль, снова берясь за ручки пулемета.

В самом деле, дойдя до угла, немцы посовещались, осмотрели перекресток, один из них сделал какой-то знак. На улице показалась большая группа автоматчиков. Человек тридцать. Они тоже подошли к перекрестку и встали, прижавшись к стене, представляя собой удобную мишень. Они снова выслали вперед разведчиков. Но в это время две резких очереди потрясли воздух. Потом еще две. Несколько немцев упало, остальные побежали. Потом остановились. Часть начала стрелять из автоматов, а другая двинулась к своим убитым, чтобы их утащить. Две новых очереди подкосили еще нескольких, а остальные бежали, уже не оглядываясь.

— Есть! — победно гаркнул Таракуль, радостно сверкнув желтыми белками своих горячих цыганских глаз. Но Начирпер такой же спокойный, медлительный, молча показал ему на остов большого каменного дома напротив. В пустых окнах его было видно много серых, деловито суетившихся фигур, быстро занимавших оборону. В это время сразу с двух улиц к перекрестку густо, мелкими перебежками, прижимаясь к подворотням, к воронкам, к телеграфным столбам, хлынули немцы, охватывая дом с двух сторон.

Таракуль оторопел. Немцев было много, и, что особенно ему показалось тогда страшным, они были не только впереди, как он привык с ними встречаться в бою, но и с боков, заходили сзади. Первое, что захотелось сделать бойцу, — это бежать, бежать скорее, бежать к своим, пока еще не поздно вырваться из этого полукольца, спастись и спасти свой пулемет. Но он увидел, как товарищ его деловито перекатывал свой пулемет в соседнюю комнату, чтобы отразить

нападение немцев сбоку, и сразу же пришел в себя. Преодолев инстинктивный страх, он припал к пулеметному прицелу и стал короткими очередями выбивать, выкашивать перебегавших по улице немцев.

Те, что сидели в здании напротив, открыли по дому бешеную стрельбу. Но Таракуль уже не боялся. За кирпичной стенкой он чувствовал себя неуязвимым. Страх прошел. Он перерос в чувство волнующей грудь радости, когда немцы, десятки немцев там, на улице, вдруг побежали назад, перепрыгивая через трупы своих убитых и не обращая внимания на крики раненых. Теперь Таракуль тоже хладнокровно бил им в спину, и всякий раз, когда серая фигурка, точно споткнувшись, падала на землю и застывала, он приговаривал:

— Есть, есть, есть.

В соседней комнате работал (именно работал) пулемет Начирнера. Верный себе, хладнокровный, спокойный даже в самую жаркую минуту боя, Начирнер расчетливо, экономно бил короткими очередями. Он первым отбил атаку на своей улице, с винтовкой пришел на помощь товарищу и начал, тщательно прицеливаясь, бить по тем, что сидели напротив в доме. Те отвечали залпами из автоматов. Комната наполнилась известковой пылью. Пулеметчики легли на пол.

Когда атака была отбита и настала тишина, Таракуль добрался до приятеля. Его распирало чувство огромной радости, гордости собой. Он впервые осознал свои силы и от избытка этих сил, желая чем-то выразить свою радость, звонко хлопнул приятеля по спине. Тот молча отстранился, свертывая цыгарку, и тут Таракуль заметил, что приятель, который пять минут назад привел его в себя своим хладнокровием, был бледен, что пальцы у него дрожали и табак сыпался на колени.

— Чего радуешься, это ведь только начало,—сказал он своим ровным голосом и вдруг спросил: — А ты женатый? А дети есть?

И снова они расползлись по комнатам, каждый к своему пулемету. Слова Начирнера сбылись. Через час немцы предприняли еще одну атаку, а потом две, короткие и напористые, одну за другой. Пулеметчики отбивали атаки и с каждой новой схваткой действовали хладнокровней, уверенней, и каждый раз все больше и больше серых фигур в неестественных, изломанных, кукольных позах навсегда застывали на мостовой.

Тогда немцы подтянули минометы. Они стали бить из сада напротив и били по дому двадцать минут. С десяток мин разорвалось в верхних этажах. Казалось, все в доме было разрушено, разбито, разнесено в клочья и перемешано с обломками штукатурки. Но когда немцы снова бросились в атаку вдоль улиц, снова четко заработали два пулемета, и две смертоносных свинцовых струи преградили им путь. Пулеметчики пережидали обстрел в маленьком коридорчике и, как только минометы смолкли, опять выползли к своим боевым машинам.

Трудно сказать, что думали немцы. Считали ли они, что имеют дело с целым гарнизоном, что они наткнулись на замаскированный дот, или мужество двух пулеметчиков подорвало наступательный дух целого батальона, но они больше уже не пытались прорваться прямой атакой. Они подтянули три орудия и стали бить по дому. После каждого выстрела Таракуль кричал приятелю:

— Жив?

И тот спокойно, словно речь шла о чем-то обыденном, деловито отвечал:

— Жив.

Но вот снаряд угодил прямо в комнату, где сидел Начиркер. Когда смолк грохот разрыва, он не ответил товарищу. Таракуль бросился туда. Среди развороченных камней, разбросив раненые ноги, лежал грузный пулеметчик. Сдерживая боль, он кусал губу и сквозь зубы процедил:

— Ранен...

Что делать? — пронеслось в уме Таракуля. Теперь он остался один против целого батальона немцев. Но он обдумывал свое положение спокойно, без тени страха. В следующее мгновение он уже нес друга вниз, в подвал. Потом он перетащил туда пулеметы и боеприпасы. Он установил их в том же порядке, как и наверху, высунув стволы в прямоугольники отдушин. В это время раздались взрывы, от которых все здание подпрыгнуло и затряслось. Это разорвалась серия авиабомб. Немцы вызвали на помощь авиацию. Одной из бомб дом был разрушен. Груды кирпича и битого щебня завалили подвал, но массивные своды выдержали. Пулеметчик Таракуль и его раненый товарищ остались живы, погребенные под обломками и отрезанные обвалом от мира. Придя в себя, Таракуль даже обрадовался этому обстоятельству. Он мог теперь не опасаться нападения с тыла. Груда

развалин довольно надежно закрывала его от снарядов. Когда немцы опять пошли в атаку, они снова были отброшены огнем двух пулеметов. Завалепные обломками дома, Таракуль и его тяжело раненый друг, продолжали стрелять, а когда раненый лишался сознания, Таракуль (тоже раненый, но легко) бегал от одного пулемета к другому, простреливая обе улицы.

Вспоминая потом об этом, он никак не мог сказать, долго ли шла эта неравная и беспримерная борьба; он вообще не мог что-нибудь вспомнить, кроме того, что он стрелял из двух пулеметов, не видя перед собой ничего, кроме двух перекрещивающихся улиц, и не думая ни о чем, кроме того, что эти улицы, улицы Сталинграда, нужно во что бы то ни стало удержать. Он стрелял до тех пор, пока где-то вдали не услышал «ура», которое приближалось, нарастало, пока по обломкам асфальтового тротуара не затопали тяжелые шаги наступающей пехоты и перед амбразурами отдушин не замелькали родные, песочного цвета шинели. Тут он бросил пулемет, стал трясти раненого друга, крича ему в ухо только одно слово:

— Наши! Наши! Наши!

Когда подразделение командира Мохова очистило всю улицу, пришлось долго разрывать и даже подрывать камни, чтобы извлечь героев из-под развалин. Их освободили вовремя, за несколько минут до начала немецкой контратаки. Начпнера отнесли в госпиталь, а Таракуль вырвался из рук медсестры, перевязывавшей ему рану, схватил винтовку и бросился в новый бой.

Улица эта осталась у нас, а развалины дома, возвышающиеся сейчас на перекрестке, кто-то шутливо назвал «редутом Таракуля». Название это так к ним и приросло...

— Вы знаете, вот потом, когда очистим город и разобьем немцев, надо бы это место оградить забором, повесить здесь доску и на доске написать о том, на что способны дети советских бойца-сталинградца. И пусть все ходят и смотрят, смотрят и удивляются, — говорит лейтенант Шохин и, улыбнувшись, сам себя опровергает: — Чепуховый проект! Слишком много таких памятников пришлось бы оставлять в Сталинграде, на каждой улице, в каждом переулке. Нет, лучше мы построим тут новые, замечательные, красивые дома, чтоб хорошо, удобно, уютно жилось в них людям и чтоб люди, живя в них, добрым словом вспоминали о нас, защитниках Сталинграда.

И. ОЛЬХОВИК

КОМНАТА НА ТРЕТЬЕМ ЭТАЖЕ

Круглая серая граната с визгом влетела в окно, грохнулась об пол и покатилась в угол.

Симаков быстро схватил гранату и выбросил за окно. Внизу, на мостовой, раздался взрыв. Крохотная комнатка зашаталась.

Это была четырнадцатая граната, брошенная немцами в окно. Третий день сидят в этой осажденной комнатке четыре бойца. Немцы вначале предлагали им сдаться.

— Русские не сдаются! — ответил боец Симаков и швырнул гранату.

Немцы начали строчить из автоматов. Не помогало! Начали бросать гранаты — зажигательные, осколочные, фугасные. Первые три налету схватил красноармеец Снеговский и выбросил обратно, одну—Кущев, остальные—Симаков. Только Семилкин сидел на полу и, прислонившись к стене, испуганно вскрикивал.

— Перестанешь или нет? — закричал на него Симаков. —

— Патронов нет... Страшно... — дрожащим голосом бормотал Семилкин.

— Патронов нет — штыки есть, руки.

Все четверо были рядовые бойцы, беспартийные. Симаков год на войне, дважды ранен. Несколько месяцев на фронте Снеговский. И только Кущев и Семилкин впервые встретились с врагом здесь, в Сталинграде. Кущев взял себя в руки и подавил страх. Он видел, как умело и бесстрашно действует Симаков, учился у него и чувствовал себя с ним бодрее. Семилкин же не выдержал испытания — дрогнул.

— Русс! — крикнули снизу, — бей коммунистов, переходи и нам.

— Слышите вы, твари немецкие? — ответил Симаков, — здесь нет беспартийных. Мы все коммунисты!..

Это было сказано с такой убежденностью, как будто Симаков всю жизнь был в партии. И Снеговский, и Кущев почувствовали, что их сердца принадлежат партии. И хоть во рту не было и крошки хлеба, и хоть вышли давно уже патроны и гранаты, они не уйдут отсюда.

Немцы по лестнице начали карабкаться на третий этаж. В них полетели камни. Снеговский и Кущев выковыривали кирпичи из стены, а Симаков метко бросал их в фашистов.

Когда враг подбирался совсем близко, бойцы забывали обо всем: об усталости, голоде. Ими руководила злость к немцу, любовь к родному Сталинграду. Маленькую комнатку на третьем этаже они превратили в крепость.

Семилкин вначале равнодушно следил за действиями товарищей. Но ярость, в которую вошли бойцы, постепенно начинала охватывать и его.

— Винтовку! — потребовал Симаков. Инстинктивно подчиняясь ему, Семилкин подал винтовку, Симаков наотмашь начал бить ею фашистов, настойчиво карабкавшихся по лестнице.

— Что же я стою? — спохватился Семилкин.

Теперь дралось четверо против нескольких десятков.

Прошли еще одни тяжелые сутки. Потом еще и еще. Рубежом, за который драться надо насмерть, стала комната и для Семилкина. В солнечное утро с улицы донеслось родное красноармейское «ура».

В крохотной комнатке на третьем этаже, подступы к которой были завалены вражескими трупами, состоялась трогательная встреча наших воинов с тремя богатырями-сталинградцами и четвертым бойцом, искупившим свою тяжелую вину в жестокой битве.

В. ЛИДОВ

НА ЮЖНОЙ ОКРАИНЕ

Немцы ведут сейчас наступательные бои на узком участке Сталинграда. Ареной боев являются заводы и рабочие поселки.

Концентрация всех своих усилий и средств на одном узком участке фронта, характерна для тактики немцев в наступлении. Противник употребляет все свои немалые силы на то, чтобы овладеть хоть одной его важной частью и получить, таким образом, возможность сделать долгожданное заявление об успехах на берегах Волги.

Секрет упорной обороны Сталинграда не в выдуманных немцами фортификациях, а в стойкости защитников города, в

также в размерах Сталинграда и его планировке. Сталинград, вероятно, — самый длинный город в России. Он тянется по Волге на десятки километров, то сужаясь, то расширяясь вновь. Ручьи и речки текут в Волгу, размывая гористый берег, образуя глубокие балки. Они перехватывают город в нескольких местах, как бечевка вязку сосисок. Постройки мельчают, и кажется, что город переходит уже в пригород и вскоре кончится совсем. Но вот — мост через балку, и за ним опять большие дома, улицы, фабрики. Сталинград начинается снова.

Мы отправляемся в один из южных районов города. Этот район обороняет наша гвардейская часть. На первый взгляд, здесь все спокойно. Ходим по тихим улицам. Часть домов разрушена. Во многих домах ставни закрыты и наглухо заколочены досками: их жители выехали на время за Волгу. Но в некоторых домах живут. Дети играют на улицах, матери в огородах роют картошку. Сталгрэс, пробитая со всех сторон снарядами и осколками, отключила часть пригорода, занятую немцами, и продолжает частично работать, снабжая энергией районы, остающиеся в наших руках. Здешние жители спят в своих постелях, топят печи, готовят обед, развешивают во дворах белье, получают «Сталинградскую правду».

И все же жизнь здесь какая-то приглушенная, в ожидании бомбы или снаряда. Время от времени хоронят убитых при артиллерийском обстреле и бомбежке. Но все относительно на войне. Живущие в этих кварталах люди, считают себя счастливцами в сравнении с теми, которые оказались по ту сторону города. Они не спрашивают, как это кончится. Они спрашивают: скоро ли? Скоро ли немцев прогонят, скоро ли откроются предприятия, магазины и жизнь опять зазвучит громко?

На одной из улиц оградки палисадников сняты со столбов и положены плашмя в виде навесов, а под ними стоят орудия. Знакомимся с командиром орудия, старшим сержантом Николаем Филоненко. Он роется в карманах и отыскивает бумажки, где для памяти записал, когда и что он уничтожил своими снарядами: 13 танков, 57 автомобилей, 49 повозок, шестиствольный миномет, 7 пулеметных точек, около 600 немцев.

Стоит немного отойти от поселка, подняться в гору и втиснуться в ход сообщения, как попадешь на наблюдатель-

ный пункт. Отсюда видны цели, по которым бьет Филоненко. Это блиндажи и траншеи немцев и дорога, по которой они подводят свои резервы к Сталинграду.

Как чувствуют себя немцы, сидящие против нас в обороне? На-днях наш снайпер ухлопал, наконец, обер-ефрейтора Германа Вигребе. Они много дней сидели в земле один против другого, знали один другого в лицо. Сидя в окопе, Вигребе писал письмо своему брату Густаву. Теперь это письмо передо мной. «О себе хорошего писать нечего. Четыре месяца нет подвоза мяса и жиров. И единственная мысль, беспокоящая меня, — это о моем желудке. Вообще, вы не можете себе представить, что здесь происходит. На-днях пробегали собаки. Я стрелял. Но та, которую я подстрелил, оказалась очень тощей».

Наши бойцы на передовой получают два раза в день горячую пищу: мясо, кашу или суп, чай и, сверх нормы, свежую рыбу. Волжские рыбаки сами пришли к гвардейцам со своими снастями. Их жены тут же, в расположении части, чистят судаков. Ночью на передовые привозят уху, и ее аромат наверняка доносится до обоняния какого-нибудь гитлеровского собаколова.

С берега Волги видно поле боя. Идет артиллерийская дуэль. Там, где упал снаряд, поднимается облако пыли. Снаряды ложатся двумя рядами, недалеко один от другого. Один ряд — это наши попадания, а другой—немецкие. Наши снаряды ложатся возле отдельно стоящих домиков, а германские — у самого берега Волги. В артиллерийский концерт вступает еще одна неприятельская батарея. Она начинает класть снаряды вокруг нас. Один попадает в берег, вздымая каскад черной земли и черного дыма, другой — в воду.

Ту часть Сталинграда, где мы побывали сейчас, мы назовем все-таки мирным городом, ибо все относительно на войне. Посмотрим теперь туда, куда немец устремил всю свою ярость. Белые и темные дымки тут и там вьются над городом, и кажется, будто город живет и дышат заводы. Но это не дыхание жизни, это — дыхание смерти. Дым этот —от мелких пожаров, которые ни на один день не прекращались с 24 августа, когда немцы подвергли город первой страшной бомбардировке.

Я вижу отсюда каждый дом и каждое окно. Кто в доме: наш пулеметчик или немецкий мародер с мешком? Что за окном: жизнь или смерть? И чья это пушка нижет над

крышей кудрявые барашки шрапнельных разрывов? Но вот возникает новый пожар. Черный густой дым валит широким столбом. Это горит нефть или мазут на одном из заводов. Дым разливается по небу гигантской жирной лужей. Вот он достигает солнца, солнце сразу меркнет, и преждевременные сумерки окутывают Сталинград и Заволжье.

Ночь. Теперь не видно дыма, но видно пламя. Во многих местах горит Сталинград. Пусть горит, — мы отстоим его и возродим из пепла! По нескольку осветительных ракет сразу взрывается в кварталах, занятых немцами.

В осенний звездопад не отличишь падающую звезду от трассирующего снаряда. Сюда бы художника — написать для потомков эту феерическую сталинградскую ночь в сверкании героина, магния и фосфора, это небо, исчерченное полетом разноцветных пуль.

Ночью явственнее слышна канонада. Она мерно гремит над Волгой, как исправно работающая машина, без остановки месяц и двадцать дней. Светят прожекторы, пролетают невидимые бомбовозы, наши — туда, их — сюда. И вот неприятное: «Юнкерсы» идут к переправе. Они втыкают над ней свои «свечи». Три светящиеся бомбы недвижимо повисают в небе. «Им» все видно: баржу и буксир посреди реки и автомобили, скопившиеся в ожидании переправы. «Они» пикируют раз, другой, третий; свечи горят, барже некуда деться. Кто в ней: свежие бойцы, готовые вступить на священный берег Сталинграда, или эвакуированные из своих пещерных убежищ дети? Долго гудят зловещие раскаты бомб.

Неужели попала? Ночь еще велика, будет еще много паромов и много «Юнкерсов».

Утром опять ярко светило солнце. Мы долго ходили по улицам Сталинграда, прежде чем спуститься к переправе. Это наш, советский, незапятнанный фашистами Сталинград. Потом перебрались на левый берег и проезжали деревни Заволжья, где нет ни зелени, ни воды, где серой пылью покрыты дома и заборы, где нет ни травинки на темных широких улицах. По этому пути идут в Сталинград наши резервы.

А тех, кто едет оттуда, останавливают и спрашивают, подойдя поближе, почти на ухо:

— Ну, как Сталинград?

— Сталинград? Да, знаете, ничего. Держится.

И держаться будет!

В. ГРОССМАН, В. КОРОТЕЕВ

В ГОРОДЕ СТАЛИНА

В Сталинграде на одном из заводов состоялось торжественное заседание Сталинградского Городского Совета депутатов трудящихся совместно с представителями партийных, общественных и хозяйственных организаций и воинских частей, защищающих город.

Люди сходились поодиночке и небольшими группами, шли осторожно, во мраке ноябрьской ночи, ступая через рельсы, искореженную арматуру, мимо глубоких черных ям, вырытых фугасными бомбами.

Тяжелую темень раскалывали взрывы снарядов и мин, красные нити трассирующих пуль неслись в небо, словно искры от невидимого костра. Судорожно ощупывали облака немецкие прожектора, чуя гул наших тяжелых бомбардировщиков. Широкие, в полнеба, зарницы бомбовых разрывов на миг освещали черную волжскую воду, бесконечно длинные стены цехов с выбитыми стеклами, паровозы, недвижимо висящие в пролетах краны. Люди шли медленно, освещая себе путь электрическими фонариками, часовые окликали идущих, указывали дорогу у входа на затемненную лестницу. Вооруженный рабочий освещал фонарем пригласительные билеты.

И после долгого мрака все невольно щурились, входя в ярко освещенный зал, улыбаясь, глядели на электрические лампы. Все понимали великое мужество рабочих и инженеров, сумевших во время уличных боев под огнем артиллерии и минометов ярко и празднично осветить зал торжественного заседания.

Все — и мужчины и женщины были одеты в сапоги и ватные телогрейки, у всех были револьверы, многие держали в руках автоматы. Рядом садились красноармейцы, командиры Красной Армии, рабочие, директора заводов.

Тревожно позванивал при разрывах стакан, надетый на горлышко графина, стоявшего на столе. Над столом президиума висели большие портреты Ленина и Сталина, красный транспарант: «Да здравствуют героические защитники Сталинграда!».

Заседание открывает председатель исполкома Сталинградского горсовета Пигалев.

— Два поколения советских людей, — говорит он, — с одинаковым героизмом и преданностью отстаивают сейчас ок-

тябрьские завоевания. Старшее поколение, ветераны Царицына, те, кто завоевал советскую власть, и молодое поколение — сыны Сталинграда. Празднуя 25-ю годовщину Октября, мы вспоминаем тех, кто отдал свою жизнь за нашу отчизну, мы вспоминаем славных героев Царицына и Сталинграда. Народ никогда не забудет павших в боях за свободу. Перед их святыми могилами мы склоняем свои головы.

Пигалев предлагает почтить память погибших героев. Все встают.

Под бурные аплодисменты и возгласы «ура» в почетный президиум избираются члены Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с товарищем Сталиным.

В президиум избираются председатель городского комитета обороны, секретарь Сталинградского обкома партии Чуянов, секретарь горкома партии Пиксин, командующий и члены Военных Советов армий, защищающих Сталинград, боец Кондрашев, директора заводов Суворов, Землянский и др.

Собрание посылает братский привет бойцам и командирам, героям Сталинграда.

— Защищая Сталинград, — говорит тов. Чуянов, — мы защищаем плоды октябрьских завоеваний, свободное будущее всего человечества. Планы врага, хотевшего с ходу захватить Сталинград, рухнули. Мы с вами празднуем 25-летие Октября в Сталинграде. Три месяца стоит наш город, как богатырь, отбивая яростные удары врага.

Докладчик говорит о великолепном мужестве и стойкости защитников города Сталина. Он называет имена храбрецов, изумивших весь мир своими подвигами, — гвардейцев дивизии, которой командует Родимцев, о воинах подразделений Горохова. Он говорит о самоотверженности рабочих Сталинграда.

— Разве не настоящий воин машинист турбины Скотников? — восклицает докладчик. — Бомба попала в крышу, ударила в перекрытие, осколки раздробили штурвал. Скотникова осыпало сотнями мелких осколков стекла. Кровь лилась из рук машиниста, но он не ушел с поста до тех пор, пока не пришла смена. Сдав смену, Скотников упал без сознания. Или кочегар Харитонов? Снаряд попал в котельную, разбил паропровод. В клубах горячего пара, окутавшего котельную, кочегар остановил один котел, пустил другой и спас положение.

Заканчивая доклад, Чуянов говорит:

— Сталинград остановил наступление немцев. Поклянем-

ся же, товарищи, всему нашему народу, товарищу Сталину, что мы не пожалеем сил и жизни, чтобы отстоять наш родной и любимый город.

Участники торжественного заседания поднимаются с мест и единодушно аплодируют этим словам. После этого зачитывается письмо товарищу Сталину.

Не в пышном зале городского театра собрались участники торжественного заседания, не по празднично освещенным улицам приехали делегации сталинградских заводов. Они пришли из темных, наполовину разрушенных цехов, из подвалов, блиндажей, окопов, землянок. Но слава сражающегося Сталинграда придавала собранию этих вооруженных рабочих и красноармейцев величественную торжественность и красоту. В этой военной суровости лиц и одежд, в этом поблескивающем оружии, в этом тесном боевом единении рабочих, красноармейцев, краснофлотцев, сидевших рядом плечо к плечу, проявилась вечная бессмертная мощь советского народа, сила великой Октябрьской Социалистической Революции.

ДОКУМЕНТЫ

В ОБКОМЕ ВКП(б) И ИСПОЛКОМЕ ОБЛСОВЕТА

В соответствии с постановлением Государственного Комитета Обороны, в интересах сосредоточения всей гражданской и военной власти и установления строжайшего порядка в гор. Сталинграде и в прилегающих районах, представляющих ближайший тыловой фронт, создан Городской Комитет Обороны в составе:

Чуянова А. С. (председатель)
Зименкова И. Ф. (член комитета)
Воронина А. И. (член комитета)
Кобзева Г. М. (комендант города)

Сталинградский Городской Комитет Обороны приступил к своей работе.

(Из газеты «Сталинградская правда» за 2/XI—1941 г.).

23 октября 1941 г.

О ПРОИЗВОДСТВЕ ТАНКОВ И ПУШЕК ДЛЯ МАСКИРОВОЧНЫХ ОТРЯДОВ НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ

(Из постановления Городского Комитета Обороны)

1. Признать необходимым организацию маскировочных отрядов в составе народного ополчения и организацию производства маскировочных танков и пушек.

2. Предложить тт. Бондарь и Водолагину подготовить соответствующие предложения о размещении заказов по производству танков и пушек на предприятиях города Сталинграда для маскировочных отрядов народного ополчения.

4 ноября 1941 г.

МЕРОПРИЯТИЯ КОРПУСА НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ ПО ВООРУЖЕНИЮ И СНАБЖЕНИЮ ЧАСТЕЙ КОРПУСА

(Из постановления Городского Комитета Обороны).

1. Мероприятия командования корпуса народного ополчения по вооружению и снабжению частей корпуса за счет местных ресурсов области — одобрить.

2. Обязать руководителей предприятий, фабрик, заводов обеспечить выполнение намеченных мероприятий по снабжению материальной частью корпуса народного ополчения, организовав выполнение заказов в установленный командованием корпуса срок (15 ноября).

3. 7-го ноября с. г. на предприятиях провести воскресник, средства от которого отчислить на вооружение частей народного ополчения корпуса.

4. Предложить руководителям предприятий, фабрик, заводов и организаций оказать помощь корпусу народного ополчения в вооружении его частей и снабжении материальными ценностями, проявив максимум инициативы в изыскании дополнительных возможностей по вооружению народного ополчения.

5. Горкомам, райкомам ВКП(б) и всем партийным и советским организациям области оказать максимальную помощь корпусу народного ополчения в сколачивании подразделений, военном обучении их и постановке партийно-политической работы среди ополченцев.

6. Городской Комитет Обороны считает, что народное ополчение в настоящее время приобретает исключительно важное значение и предлагает всем партийным, советским, общественным организациям и в первую очередь их руководителям принять непосредственное участие в оказании помощи в боевой оснастке народного ополчения.

В Сталинградской области был создан корпус народного ополчения. В его состав входили: Сталинградская стрелковая дивизия, Донская казачья кавалерийская дивизия, танковая бригада, отдельный артиллерийский дивизион и дивизион минометчиков.

Части Сталинградского корпуса народного ополчения прославили себя боевыми делами.

Донская казачья кавалерийская дивизия, переданная в действующую армию за проявленную отвагу в летних боях 1942 г., была преобразована в гвардейскую, награждена орденом «Красного Знамени» и за достигнутые успехи в наступлении летом 1943 года получила наименование «Волновахской».

Батальоны стрелковой дивизии, танковой бригады и артиллерийский дивизион народного ополчения, совместно с истребительными отрядами, учебным танковым батальоном и отрядом морской пехоты держали оборону северо-западной части города с 23-го по 29 августа 1942 г., до подхода подкреплений.

24 августа, когда немцы пытались ворваться в Тракторозаводской район Сталинграда, из цехов Тракторного завода танки прямо с конвейера пошли в бой. Их повели экипажи ополченцев. За танками пошла пехота тракторозаводцев. Большинство рабочих вышли на позицию прямо с работы, с замасленными руками, в рабочих блузах.

10 ноября 1941 г.

О ПОДГОТОВКЕ ИСТРЕБИТЕЛЕЙ ВРАЖЕСКИХ ТАНКОВ

(Из постановления Городского Комитета Обороны).

1. Обязать РК ВКП(б) совместно с комсомолом в двухдневный срок укомплектовать районные отряды по подготовке истребителей вражеских танков из числа смелых, отважных, преданных комсомольцев и молодежи.

2. Просить командование Военного округа выделить командный состав для подготовки бойцов истребителей танков.

3. Запретить районным организациям отзывать бойцов истребительных отрядов и мобилизовать на какие-либо работы до окончания учебы.

4. Отряды по истреблению вражеских танков включить в составы районных истребительных батальонов НКВД.

5. Установить срок подготовки бойцов истребителей танков в течение месяца.

13 февраля 1942 г.

СЕКРЕТАРЮ РАЙКОМА ВКП(б), ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ИСПОЛКОМА РАЙСОВЕТА

Ввиду необходимости доукомплектования казачьей кавалерийской дивизии народного ополчения, переданной в кадры РККА, до штатного состава, вам надлежит сформировать казачью сотню из числа казаков добровольцев народного ополчения, экипировать ее, чтобы каждый имел полушубок, шапку, валенки, брюки с лампасами.

Работа эта является мобилизационной и должна быть закончена в 5 дней.

В помощь для проведения этой работы командируется представитель дивизии тов.....

Председатель исполкома Облсовета—командир корпуса народного ополчения — И. ЗИМЕНКОВ.

Секретарь Обкома ВКП(б), военный комиссар корпуса народного ополчения М. ВОДОЛАГИН.

Письмо это было послано в донские районы: Нижне-Чирский, Каганович ский, Тормосиновский, Чернышковский, Перелазовский, Клетский, Подтелковский, Калачевский, Верхне-Курмоярский и др.

Из этих районов в кавалерийскую дивизию было направлено около 500 казаков - добровольцев. Все казаки-ополченцы были экипированы. Колхозы Дона выделили казакам лучших строевых коней.

4 марта 1942 г.

О ПЕРЕДАЧЕ ЮЖНОМУ ФРОНТУ СТРЕЛКОВОГО И МИНОМЕТНОГО ВООРУЖЕНИЯ, ИЗГОТОВЛЕННОГО В ФЕВРАЛЕ МЕСЯЦЕ 1942 г. СВЕРХ ПЛАНА, УТВЕРЖДЕННОГО ГОСУДАРСТВЕННЫМ КОМИТЕТОМ ОБОРОНЫ

(Из постановления Городского Комитета Обороны).

Передать Южному фронту стрелковое и минометное вооружение, изготовленное на заводах Сталинградской области в феврале месяце 1942 г. сверх плана, утвержденного Государственным Комитетом Обороны СССР.

ПРИКАЗ

ПО СТАЛИНГРАДСКОМУ КОРПУСУ НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ

23 марта 1942 г. **№ 8** **г. Сталинград**

(Зачитать во всех подразделениях корпуса)

ТОВАРИЩИ

бойцы, командиры, комиссары и политработники подразделений и частей корпуса народного ополчения!

Суровые дни переживает наша отчизна. На священную русскую землю, политую кровью и потом наших предков, вторгся злобный и коварный враг, ворвались полчища германского фашизма.

Перед лицом грозной опасности по приказу великого Сталина на защиту родины поднялся весь народ. В нашей области, как и во многих областях страны, создалось народное ополчение.

Не впервые в истории русского народа созывается народное ополчение. Всегда, когда отчизне угрожали иноземные захватчики, когда их полчища вторгались на нашу землю, русский народ весь, от малого до старого, поднимался на защиту чести и независимости родины, выставлял против врага многотысячную рать народного ополчения. Русские люди, оставляя мирный труд, конно и пеше стекались под боевые знамена. Так было 700 лет тому назад при вторжении псов-рыцарей на исконно-русские—псковские и новгородские земли, так было при нашествии монгольских орд на Русь, при покушении шляхты на государственную независимость Московской Руси в 17 веке, при вторжении Наполеона в 1812 году.

Народ-богатырь, под водительством великих полководцев — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова — не жалея сил и жизни своей, бил непрошенных гостей, гнал их прочь с родной земли.

В 1917 году русский народ в братском боевом содружестве с другими народами страны, сбросил с своих плеч ярмо деспотизма. Вывеченный на широкую дорогу свободной жизни Великим Лениным, советский народ стал полновластным хозяином своей страны. Но злобный и завистливый враг не оставлял своих захватнических устремлений. На молодую

советскую республику пошли походом 14 государств. В их числе была и империалистическая Германия.

На священную борьбу с интервентами поднялся весь советский народ. Вдохновленный Великим Лениным и Сталиным, советский народ вооруженной рукой отстоял независимость своей родины, выгнал прочь интервентов за пределы своей земли. В те грозные, опасные для советской республики годы, блестящие страницы вписал в историю борьбы с интервентами и белогвардейцами пролетариат Царицына. Под непосредственным руководством Великого Сталина Красный Царицын выстоял перед натиском врага, сорвал его захватнические планы. Последующие годы были годами мирного созидательного труда. Советский народ, руководимый большевистской партией, Великим Сталиным, создал могучее социалистическое государство, обеспечил каждому нерушимое право на труд, отдых и образование.

И вот враг снова вторгся на нашу землю, нарушил мирную жизнь. Фашистская грабь-армия вероломно напала на нашу страну.

Обовшивевшие гитлеровцы, вкупе с итальянскими мародерами, румынскими уголовниками, бесчинствуют на нашей земле. Они сеют смерть и разрушения. Сжигают города и села. Грабят, убивают, издеваются над мирными советскими людьми. Уничтожают памятники вековой культуры и искусства. Нет такого преступления, на которое не пошли бы немецкие оккупанты.

Вот почему лютой ненавистью, пламенным гневом наполнены сердца всех советских людей к немецко-фашистским захватчикам.

Сталинский призыв—истребить всех немецких оккупантов до единого—стал святым делом каждого советского патриота. Как никогда сплоченный вокруг своей большевистской партии, советского правительства, вокруг Великого Сталина, советский народ не сложит оружия до тех пор, пока не будут уничтожены все до единого немецкие оккупанты, пока полностью не будет очищена советская земля от фашистской мрази.

Товарищи! В скором времени отправляется на фронт Отечественной войны Донская казачья кавалерийская дивизия, сформированная из казачьих сотен народного ополчения. Казаки-бойцы этой дивизии, как и бойцы всех частей народного

ополчения, горят неукротимым желанием как можно скорей встретиться с врагом, рубить и гнать его на Запад, вон из нашей страны.

Казаки-бойцы! Донское казачество много вписало славных страниц в историю русской земли. Иноземные захватчики не раз испытывали на себе сокрушительную силу удара казачьих клинков. Лихая казачья удаль, боевая ухватка, военная хитрость, неуловимость, стремительность казачьего налета на лихих конях-дончаках—все это приводит в трепет немецких вояк.

Верные сыны советского Дона! Высоко несите врученное вам трудящимися области боевое Красное Знамя. Свято выполняйте приказ Народного Комиссара Обороны товарища Сталина и наказ ваших отцов, матерей, жен и детей—изгнать из нашей страны немецко-фашистских захватчиков и отстоять честь и независимость нашего отечества.

Трудящиеся области уверены, что казаки-бойцы с честью выполнят свои обязанности перед родиной и вместе со всей героической Красной Армией наголову разобьют, в куски изрубят вшивую немчуру и с победой вернутся на колхозный Дон.

Одновременно на фронт уходит бронепоезд «Волжский богатырь», сделанный и вооруженный руками рабочих Сталинграда.

Никогда не померкнут страницы истории героической обороны Красного Царицына, под стенами которого шквальным, смертоносным огнем орудийных залпов бронепоездов был преграждён путь врагу. Именно под Царицыном было доказано, какую грозную боевую мощь имеют бронепоезда.

Бойцы, командиры и политработники 20 отдельного бронепоезда «Волжский богатырь»! В боях за родину множьте боевые традиции Красного Царицына, беспощадно разите врага, смело прокладывайте путь нашей героической пехоте.

Несколько экипажей с боевыми машинами отправил на фронт танковый полк тракторозаводцев. Ополченцы-танкисты отважно бьются с врагом. В их твердых руках сталинградский танк является грозным оружием.

Командование соединений корпуса народного ополчения выражает твердую уверенность в том, что ополченцы, влившиеся в кадровые части Красной Армии, верные славным боевым традициям области, носящей великое имя Сталина, будут самоот-

верженно сражаться на фронтах Отечественной войны за честь, свободу и независимость родины.

В оставшихся частях и подразделениях корпуса народного ополчения подходит к концу зимняя боевая подготовка. Наряду с боевой и политической подготовкой, ополченцы-рабочие, инженерно-технические работники, колхозники и служащие работают, не покладая рук, над тем, чтобы давать фронту изо дня в день все больше и больше вооружения, боеприпасов и снаряжения.

В связи с наступлением весенне-летнего периода, перед частями и подразделениями народного ополчения встают новые задачи.

Завершая без отрыва от производства учебно-боевую подготовку в зимних условиях, необходимо уже сейчас подготовиться к проведению учебных занятий в весенне-летний период по новым программам.

При этом обращаем внимание командиров, комиссаров и политработников на необходимость устранения условностей, на приближение всей учебной подготовки к боевой действительности, на усиление подготовки одиночного бойца и на отработку, в первую очередь, боевых действий небольших подразделений—отделения, взвода.

Командование корпуса призывает весь личный состав частей и подразделений еще упорнее взяться за боевую и политическую подготовку с тем, чтобы в любое время быть готовым влиться в ряды Красной Армии и вместе с ней громить немецко-фашистских оккупантов до полного их уничтожения.

Командующий
Сталинградским корпусом
народного ополчения
И. Ф. ЗИМЕНКОВ.

Военный комиссар
Сталинградского Корпуса
народного ополчения
М. А. ВОДОЛАГИН.

11 июля 1942 года.

О СОСТОЯНИИ И МЕРАХ УКРЕПЛЕНИЯ ЧАСТЕЙ НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ

(Из постановления Городского Комитета Обороны)

1. Предложить командованию народного ополчения, секретарям РК ВКП(б) до 15-VII-42 г. полностью укомплектовать стрелковую дивизию в городе Сталинграде.

2. Считать необходимым, кроме организованного танкового батальона в Тракторозаводском районе, сформировать дополнительно танковый батальон в Кировском районе и дополнительно два батальона на Тракторном заводе.

3. Предложить командованию народного ополчения сформировать специальные подразделения снайперов, минометчиков, автоматчиков из расчета по одному взводу на батальон, обратив особое внимание на их боевую подготовку и материальное оснащение.

4. Учитывая, что на многих штабных и хозяйственных должностях могут быть использованы женщины, а также имея ввиду специально подготовленных связистов, медсестер, снайперов, пулеметчиков и др. из числа женщин, предложить РК ВКП(б) и командованию народного ополчения развернуть массовую работу среди женщин с целью вовлечения их в подразделения народного ополчения.

5. Командованию народного ополчения не позднее 20 июля с. г. приступить к регулярным занятиям; тактические занятия подразделений проводить исключительно на местности окраин города Сталинграда.

6. Установить время военных занятий в частях народного ополчения не менее чем 6-8 часов в неделю, обязав при этом директоров предприятий, руководителей общественных организаций, заводов, в дни занятий после работы бойцов народного ополчения освобождать от сверхурочных работ для прохождения боевой подготовки подразделений.

7. В целях обеспечения высокой боевой подготовки бойцов, освободить от работы на производстве начальников штабов, возложив на них ответственность за организацию и прохождение боевой подготовки подразделений народного ополчения и командирской учебы...

8. Поручить командованию народного ополчения в 5-дневный срок рассмотреть вопрос о порядке оповещения сбора и подъема команд формирований, установив при штабах специальные дежурства.

9. Потребовать персонально от первых секретарей РК ВКП(б) повсеместного систематического руководства подразделениями народного ополчения, оказывая командному составу народного ополчения необходимую помощь в развертывании нормальной боевой подготовки и боевого сколачивания подразделений.

12 июля 1942 года.

О СТРОИТЕЛЬСТВЕ ОБОРОНИТЕЛЬНОГО РУБЕЖА

(Из постановления Городского Комитета Обороны)

Обязать руководителей стройорганизаций переключить на строительство рубежа инженерно-технический персонал и рабочую силу автогужтранспорта, все механизмы, могущие быть использованы на строительстве.

Обязать Сталинградский Горком, первых секретарей РК ВКП(б), председателей исполкомов райсоветов депутатов трудящихся города закрепить определенные участки работ за предприятиями и учреждениями района, организовать рабочие колонны из населения, поставив во главе их ответственных организаторов.

Обязать Сталинградский Горком, секретарей райкомов, парторгов ЦК ВКП(б) и директоров предприятий организовать на предприятиях города изготовление железобетонных дотов, металлических пулеметных и противоосколочных колпаков, противотанковых ежей, мин, надолб, колючей проволоки и других сооружений обороны, а также необходимого строительного инструмента (лопаты, кирки, топоры и т. п.).

Взять на учет все имеющиеся трофейные танки, бронемашины, бочки, броневходы, бракованные броневые изделия (башни) и другие виды изделий, могущие быть использованы как средство обороны.

Работающие на оборонительном рубеже должны быть обеспечены ломами, лопатами, топорами, пилами и другими необходимыми инструментами, а также бесперебойно питьевой кипяченой водой, местами для укрытия от возможных налетов вражеской авиации и медицинским обслуживанием.

Десятки тысяч сталинградцев работали на строительстве оборонительных рубежей. На предприятиях изготовлялись стальные ежи, броневые башни, железобетонные колпаки, сборные доты. Наряду с сооружением рубежа на подступах к городу, все окраины были опоясаны кольцом окопов, рвов, баррикад и противотанковых препятствий.

21 июля 1942 г.

О ПЕРЕВОДЕ 100% ФОРМИРОВАНИЙ МПВО ГОР. СТАЛИНГРАДА НА КАЗАРМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

(Из постановления Городского Комитета Обороны)

В связи с объявлением города Сталинграда на военном положении—перевести 100 проц. формирований МПВО на казарменное положение.

28 июля 1942 г.

О РАБОТЕ ПРЕДПРИЯТИЙ И УЧРЕЖДЕНИЙ ГОРОДА СТАЛИНГРАДА

(Из постановления Городского Комитета Обороны)

1. Установить во всех предприятиях и учреждениях, на фабриках и заводах, в институтах и т. п. круглосуточное дежурство из числа ответственных руководителей данного предприятия или учреждения.

2. Потребовать от всех руководителей предприятий и учреждений навести необходимый порядок и усилить бдительность в повседневной работе.

3. Предупредить партийных и хозяйственных руководителей, что за непринятие мер к соблюдению должной бдительности в работе предприятий в условиях военного положения и к установлению круглосуточного дежурства ответственных руководителей, они будут привлекаться к партийной и государственной ответственности.

13 августа 1942 года.

ОБ ИЗГОТОВЛЕНИИ ДВУХСОТ ШТУК СТАЦИОНАРНЫХ УСТАНОВОК ПО ЗЕНИТНЫМ ЦЕЛЯМ ПОД ПУШКУ «ШВАК»

(Из постановления Городского Комитета Обороны)

1. Для усиления обороны города и его коммуникаций изготовить 200 штук стационарных установок по зенитным целям под пушку «Швак».

2. Обязать директора завода т. Гопор к 25 августа 1942 года изготовить и сдать установки артиллерийскому управлению Сталинградского фронта.

3. Обязать управляющего 25 стройтрестом тов. Карт своевременно обеспечить изготовление сварной конструкции тумбы и вертлюга. Последнюю партию сдать не позже 22 августа 1942 года по установленному графику.

15 августа 1942 года.

О СБОРЕ МЕШКОВ И РОГОЖНЫХ КУЛЕЙ СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА

(Из постановления Городского Комитета Обороны)

1. Поручить ГК ВКП(б), райкомам ВКП(б) Сталинграда, горкому, райкомам ВЛКСМ и исполкомам райсоветов организовать среди населения сбор мешков, кулей и другой тары для строительства земляных укреплений, баррикад и ограждений важных сооружений и магазинов. Сбор провести по районам из расчета: каждая семья должна сдать один-два мешка.

2. Предложить председателям исполкомов райсоветов организовать приемку от населения мешков на складах торгов и орсов, возложив персональную ответственность за это дело на руководителей этих организаций.

3. Привлечь к проведению сбора тары пионеров, школьников, добровольные общества и т. д.

4. Обязать руководителей организаций и учреждений старые и негодные мешки и другую подходящую тару сдать на склады торгов соответствующих районов.

5. Обязать руководителей торгов организовать в местах приемки починку мешкотары. Предложить райкомам ВКП(б) и райсоветам привлечь для этого местное население.

15 августа 1942 г.

О ДИВИЗИИ НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ

(Из постановления Городского Комитета Обороны)

Обязать командование Сталинградской дивизии народного ополчения усилить учебно-воспитательную работу в дивизии народного ополчения, отобрав и сколотив наиболее боевую часть, могущую по первому приказанию участвовать в боевых операциях.

23 августа 1942 г.

О НАПРАВЛЕНИИ НА ФРОНТ ИСТРЕБИТЕЛЬНЫХ И РАБОЧИХ БАТАЛЬОНОВ

(Из постановления Городского Комитета Обороны)

В связи с непосредственной угрозой Сталинградскому тракторному заводу и городу со стороны наступающих войск противника из района Спартановки и Орловки, предложить командующему частями народного ополчения тов. Зимелкову и начальнику штаба истребительных батальонов немедленно направить на фронт на участок СТЗ (река Мечетка) части народного ополчения и истребительные батальоны: СТЗ, завода «Красный Октябрь», завода «Баррикады», Дзержинского района, Ворошиловского района, Ермаковского и частично Кировского районов. В первую очередь немедленно направить на фронт все действующие на Сталинградском тракторном заводе танки в количестве не менее 50—60 штук, а также 1200 бойцов, вооружив их за счет наличия пулеметов на заводе.

ПРИКАЗ

ПО СТАЛИНГРАДСКОМУ КОРПУСУ НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ

24 августа 1942 г. № 27 г. Сталинград

ТОВАРИЩИ

бойцы, командиры и политработники частей народного ополчения города Сталинграда!

До сегодняшнего дня мы все свое внимание и время отводили делу военной подготовки, готовились к тому, чтобы по первому зову партии и правительства выступить с оружием в руках против немецко-фашистских захватчиков.

Сейчас, когда враг подкатился к стенам нашего родного города, наступил час выполнить свой воинский долг перед народом, партией и правительством.

Встанем все, как один, на защиту родного Сталинграда. Отразим наступление врага. Вместе с Красной Армией будем, не щадя жизни, драться за каждый вершок Сталинградской земли.

Приказываю:

1. Комиссару части тракторозаводцев тов. Степанову выступить против прорвавшейся группировки немцев в районе с. Рынок.

Линию обороны и последующие свои действия согласовывать с генерал-майором тов. Фекляпко и командованием истребительного отряда. Оружие и боеприпасы взять из заводских ресурсов.

2. В связи с развернувшимся формированием боевых рабочих отрядов на предприятиях города, разрешить вступление в эти отряды как отдельным народоополченцам, так и подразделениям, изъявившим желание быть в рабочем отряде.

Командир Корпуса
И. ЗИМЕНКОВ.

Военный Комиссар Корпуса
М. ВОДОЛАГИН.

24 августа 1942 г.

ОБ АППАРАТАХ ОБЛАСТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

(Из постановления Сталинградского Обкома ВКП(б) и Исполкома Облсовета)

Ввиду нарушения деятельности областных организаций (бомбежками разрушены здания всех областных организаций) и потери связи с районами, вследствие образования фронта вокруг города—признать нецелесообразным держать аппараты организаций в городе и предложить руководителям областных организаций в течение суток отправить в Палласовку всех работников аппарата, оставив в городе оперативные группы в составе 3—5 человек.

Запретить выезд из Сталинграда медработникам и специалистам-строителям без разрешения Обкома ВКП(б) и Исполкома Облсовета.

24 августа 1942 года.

ОБ ЭВАКУАЦИИ ЖЕНЩИН И ДЕТЕЙ НА ЛЕВЫЙ БЕРЕГ ВОЛГИ

(Из постановления Городского Комитета Обороны)

В связи с создавшимися трудностями в продовольственном снабжении населения гор. Сталинграда и необходимостью вывоза женщин и детей на левый берег Волги, считать необходимым:

1. Назначить тов. Полякова А. М. особоуполномоченным Городского Комитета Обороны по обеспечению эвакуации женщин и детей на левый берег Волги, обязав его организовать расселение вывозимого населения в ближайших населенных пунктах Сталинградской области.

2. Назначить тов. Водолагина М. А. особоуполномоченным Городского Комитета Обороны по обеспечению переправы через Волгу раненых бойцов и эвакогоспиталей, а также раненого населения в первую очередь женщин и детей.

3. Назначить тов. Ляпина Ф. В. особоуполномоченным Городского Комитета Обороны по обеспечению снабжения и транспортировки эвакуированного населения из Красной Слободы, Средней Ахтубы и Ленинска в глубинные районы области.

Утвердить тов. Круцко Е. С. помощником тов. Ляпина по обеспечению снабжения и транспортировки населения из гор. Сталинграда.

Эвакуация женщин, детей и раненых на левую сторону Волги была сопряжена с большой опасностью и осуществлялась в труднейших условиях. Город и переправы все время подвергались вражеской бомбежке с воздуха. Огонь пожирал квартал за кварталом. Улицы центра города и Ворошиловского района, идущие к Волге представляли собой огненные коридоры. Сплошь горел берег Волги. Все причалы и мостки были уничтожены. Население выбиралось к берегу небольшими группами. В ожидании переправы оно укрывалось в 100—200 метрах от берега в щелях, блиндажах, водосточных трубах. Когда ослабевал налет вражеской авиации, а это бывало ночами, быстро производилась загрузка катеров. В первую очередь отправляли раненых и женщин с детьми.

ПРИКАЗ

ВОЕННОГО СОВЕТА ФРОНТА

25 августа 1942 г.

Военный Совет фронта приказывает:

с 24.00 25.8.42 года ввести в городе **Сталинграде** осадное положение.

ВОЕННЫЙ СОВЕТ ФРОНТА.

ПРИКАЗ № 1

ПО ГАРНИЗОНУ Г. СТАЛИНГРАДА

26 августа 1942 года.

С 24.00 25.VIII 1942 г. гор. Сталинград **объявлен на осадном положении.**

Приказываю:

1. Командирам частей, коменданту гарнизона и начальнику Областной Милиции принять суровые меры к сохранению в городе строжайшего порядка и дисциплины как среди гражданского населения, так и в воинских частях.

2. Всемерно охранять личную безопасность населения города, государственную собственность и имущество граждан.

3. Лиц, занимающихся мародерством и грабежами, расстреливать на месте преступления без суда и следствия. Всех прочих злостных нарушителей общественного порядка и безопасности в городе немедленно предавать суду Военного Трибунала.

Военному прокурору и Военному Трибуналу материалы на вышеуказанных лиц рассматривать в течение 24 часов.

Начальник гарнизона г. Сталинграда
полковник — САРАЕВ.

Военком гарнизона полковой
комиссар — КУЗНЕЦОВ.

Комендант города майор — ДЕМЧЕНКО.

Город Сталинград.

28 августа 1942 года.

О ПОМОЩИ РАНЕНЫМ БОЙЦАМ И КОМАНДИРАМ

(Из постановления Сталинградского Обкома и ГК ВЛКСМ)

1. Секретарям Ворошиловского, Тракторозаводского, Ерманского, Кировского РК ВЛКСМ немедленно организовать из комсомолок и девушек группы помощи раненым бойцам и командирам.

2. Призвать всех комсомольцев города к оказанию помощи раненым бойцам, командирам: добраться до переправы, пере-

правиться через Волгу и следовать до госпиталя. В этих целях на переправах Ерманского, Краснооктябрьского, Баррикадного, Тракторозаводского районов организовать круглосуточное дежурство групп комсомольцев и молодежи.

29 августа 1942 года.

О МОБИЛИЗАЦИИ 1000 КОММУНИСТОВ, КОМСОМОЛЬЦЕВ И РАБОЧИХ ЗАВОДА ГОР. СТАЛИНГРАДА ДЛЯ ОТПРАВКИ НА ФРОНТ

(Из постановления Городского Комитета Обороны).

Городской Комитет Обороны, заслушав сообщение тов. Чуянова о положении на фронте, отмечает некоторую стабилизацию положения в направлении Спартановки и Орловки. Вместе с этим Городской Комитет Обороны отмечает усиление натиска противника по р. Царица и в направлении авиаучилища. В связи с угрожающим положением на этом участке фронта и возможностью прорыва противника в Дзержинский район, Городской Комитет Обороны постановляет:

1. Считать необходимым мобилизовать тысячу коммунистов для отправки на фронт, прикрывающий авиаучилище.

Поручить тов. Куксову, тов. Петрухину и секретарям Кировского Райкома ВКП(б) тов. Бабкину, Ворошиловского—тов. Одинокову, Дзержинского — тов. Халфину, Ерманского—тов. Денисовой, Краснооктябрьского — тов. Кашинцеву, Баррикадного—тов. Романенко и Тракторозаводского—тов. Приходько немедленно отмобилизовать 1000 коммунистов и не позже 29 августа 12-ти часов дня передать командованию фронтом для усиления участка фронта в направлении авиаучилища.

2. Считать выполнение этой задачи неотложным и как боевым заданием Городского Комитета Обороны.

3. Довести до сведения члена Военного Совета фронта тов. Хрущева, что 29 августа будет отмобилизовано не менее 1000 коммунистов, комсомольцев и рабочих заводов г. Сталинграда.

Просить Никиту Сергеевича Хрущева распорядиться о выдаче автоматического оружия и винтовок мобилизованным ком-

мунистам, комсомольцам и рабочим г. Сталинграда и о приеме их командованием фронта.

Задание Городского Комитета Обороны о мобилизации 1000 коммунистов было выполнено райкомами ВКП(б) в срок и с превышением.

На сборный пункт в городском саду явилось 1245 человек. Тут же в саду мобилизованным было выдано оружие. Разобрав новенькие, поступившие прямо с заводов винтовки, пулеметы, автоматы и очистив их от заводской смазки, коммунисты построились отдельными командами.

Их приняли представители воинских частей, как боевое пополнение.

Со сборного пункта команды ушли на фронт, на защиту своего города.

30 августа 1942 года.

О СНАБЖЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ ГОР. СТАЛИНГРАДА ПРОДУКТАМИ ПИТАНИЯ

(Из постановления Городского Комитета Обороны)

Ввиду того, что значительная часть магазинов в г. Сталинграде разрушена, и в целях снабжения населения г. Сталинграда продуктами питания, Городской Комитет Обороны постановляет:

1. Утвердить следующие пункты снабжения и питания населения гор. Сталинграда:

по Ерманскому району:

Краснознаменская ул. (продмаг Инжкоопстроя),
Ленинская ул., дом № 29 (продмаг),
Набережная Волги (около памятника Хользунову);

по Ворошиловскому району:

Рабоче-Крестьянская ул., дом грузчика (продмаг),
Купоросный поселок (продмаг);

по Дзержинскому району:

Медведицкая ул. (магазин Трансторгпита),
Площадь им. 8 марта (быв. монастырь).

2. Обязать исполкомы райсоветов и директоров предприятий в остальных районах снабжение обеспечить через магазины ОРС'ов и торгов.

3. Считать необходимым открыть в Ермаковском районе по Коммунистической улице столовую для питания горячей пищей (столовая № 8 треста столовых).

4. Обязать трест столовых для населения, переезжающего за Волгу, открыть питательный пункт в здании драмтеатра им. Горького.

ПРИКАЗ
ВОЙСКАМ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ФРОНТА

1 сентября 1942 г. — № 4 — Действующая Армия

ТОВАРИЩИ

бойцы, командиры и политработники!
Доблестные защитники Сталинграда!

В течение месяца идет ожесточенная борьба за город Сталинград. Немцы потеряли сотни танков и самолетов. Через горы трупов своих солдат и офицеров озверелые гитлеровские банды рвутся к Сталинграду, к Волге.

Нам наша большевистская партия, наш народ, наша великая Родина поручили не допустить врага к Волге, защитить город Сталинград.

Защита Сталинграда имеет решающее значение для всего советского фронта.

Не жалея сил, презирая смерть,—не допустим немцев к Волге, не сдадим Сталинград!

Каждый из нас должен помнить, что захват немцами Сталинграда и выход на Волгу будет усиливать наших врагов и ослаблять наши силы.

Ни шагу назад!

Военный Совет требует от всех бойцов, командиров и политработников, от всех защитников Сталинграда беззаветной храбрости, стойкости и героизма в борьбе с зарвавшимся врагом.

Враг должен быть и будет разбит на подступах к Сталинграду.

Вперед на врага!
В беспощадный бой, товарищи,
за Сталинград, за Великую Родину!
Смерть немецким оккупантам!

ВОЕННЫЙ СОВЕТ

1 сентября 1942 г.

О ДОПОЛНИТЕЛЬНОМ СООРУЖЕНИИ БАРРИКАД

(Из постановления Городского Комитета Обороны)

В целях создания дополнительных укреплений обороны города и каждого предприятия, Городской Комитет Обороны постановляет:

Обязать секретарей РК ВКП(б), председателей исполкомов райсоветов депутатов трудящихся и руководителей предприятий немедленно приступить к строительству баррикад вокруг каждого предприятия с тем, чтобы превратить их в неприступную крепость для врага.

Строительство баррикад на улицах и площадях города, превращение крупных каменных зданий в узлы сопротивления и возведение оборонительных сооружений вокруг заводов, особенно успешно осуществленных в Краснооктябрьском, Ермаковском, Тракторозаводском и в нижней части Дзержинского районов помогло защитникам Сталинграда создать и довести до совершенства тактику уличных боев. В Сталинграде сражение шло за каждый дом, за каждый метр улицы, за каждый цех завода.

Секретарю Сталинградского Обкома ВКП(б)
тов. ЧУЯНОВУ А. С.

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ

23.VIII.42 г. в момент бомбардировки завода «Красный Октябрь» и центра города Сталинграда при РК ВКП(б) был сформирован истребительный батальон преимущественно из кадровых рабочих завода таких, как тт. Орлов И. С.—рабочий мартена № 2, Кузьмин—пом. мастера мартена № 1, Позныпев—рабочий листопрокатного цеха (командир батальона), Юшин — токарь новосреднесортного цеха, Яруев—цех № 1, Типилипский, политрук роты—рабочий чугунолитейного цеха, Каренин—рабочий цеха блюминг, Борисов—механик цеха № 5, Соколов А.—сталевар мартена № 1 и Ковалева Ольга—сталевар мартена № 1 и др. В данном батальоне все коммунисты и 1 комсомолец.

Батальон вооружен и отправлен на передовую линию Тракторного завода. Перед командованием батальона (командир

тов. Познышев и комиссар тов. Сазыкин, секретарь ЗК ВКП(б) была поставлена задача занять хутор, расположенный между аэродромом и Латашинским садом. Батальон при поддержке 282 пехотного НКВД полка пошел в атаку. Задача была выполнена успешно и хутор был занят. Рабочие дрались до последних сил, как верные патриоты своего родного Сталинграда. В боях геройски погибли тт. Ковалева Ольга—сталевар, Познышев командир батальона, Кузьмин—сталевар мартена № 2, Орлов—рабочий мартена № 2, Бондарев—нормировщик цеха № 5, а всего батальон потерял в бою 23 человека убитыми и 30 человек ранеными. В данное время батальон находится на отдыхе.

Кроме этого батальона из состава рабочих завода был сформирован второй, который 2.IX.42 г. отправлен на фронт. Добровольцами в батальон пошли тт. Алешкин—сталевар мартена № 2, Рыбин Г. И.—сталевар мартена № 1, Панкратов М. Е.—обер-мастер мартена № 1, Новодевичинский В. Н.—сталевар мартена № 2, Подберезников Ф. Т.—обер-мастер мартена № 2 и много других кадровых рабочих.

Для охраны порядка в районе и защиты от вражеского нападения создан рабочий батальон в количестве 200 человек и непосредственно в заводе из 130 человек.

В результате налета вражеской авиации в Краснооктябрьском районе убито 114 человек, тяжело раненых 106 и легко раненых 149. Разрушено и сожжено свыше 300 домов.

Формирования МПВО за прошедший период проделали большую работу.

Взвод управления под разрывами бомб четко производил наблюдение и разведку очагов поражения, хорошо организовал первую помощь пострадавшим, организовал население на ликвидацию очагов пожара. В этом отличились: тов. Чукеев К. М. командир взвода (преподаватель школы № 20), тов. Попов и тов. Ефимов, беспрерывно дежурившие на вышке во время бомбардировки.

Особенно хорошо во время налета работала медикосанитарная служба. Несмотря на беспрерывные взрывы бомб, тт. Зуева, Стрельцова, Комарова, Галаева. Фальковская Г. и Фальковская М. четко оказывали медпомощь пострадавшим раненым. Своевременно доставляли их в места специального лечения.

Хорошо также работал аварийно-восстановительный взвод.

В районе восстановлена работа 4 магазинов, в которые на 7-IX с. г. было завезено 6 тонн хлеба, 6 тонн муки, 6 тонн сельди, 1 тонна сахару и 30 тыс. яиц. Восстановлена работа 2-х пекарен. Подготавливается открытие фабрики-кухни. В заводе пущена электростанция и вода.

Секретарь Краснооктябрьского
РК ВКП(б) КАШИНЦЕВ.

7 сентября 1942 г.

В районе устанавливаются баррикады, с завода вывезено на строительство баррикад 525 металлических ежей.

КАШИНЦЕВ.

Председателю Городского Комитета Обороны, секретарю Сталинградского Обкома ВКП(б) тов. А. С. ЧУЯНОВУ

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ

Воскресенье 23 августа 1942 г. весь день над заводом летали вражеские самолеты, которые, очевидно, производили съемки, не сбрасывая бомб. Однако нами были получены сведения, что наземные войска фашистов стремятся прорваться к городу с северо-западной стороны, а вражеская авиация в начале вечера того же дня начала бомбежку центральной части города.

Руководством завода (хозяйственным и партийным) были немедленно информированы об обстановке начальники цехов и секретари парторганизаций, а также определены их конкретные задачи. Было решено оставить в заводе начальников цехов, их заместителей, секретарей парторганизаций и бригады рабочих от 15 до 25 человек в каждом цехе.

В середине ночи на 24 августа вторая смена рабочих небольшими группами была выведена из завода, а первая смена с утра 24-VIII—не была впущена в завод. При этом, чтобы не создавать скопления рабочих у завода, ко всем контрольным воротам завода и на дороги, ведущие к заводу, были выставлены коммунисты и комсомольцы.

Все объектовые службы и команды были расставлены по местам в соответствии с планом штаба МПВО.

Все эти мероприятия дали возможность свести к минималь-

ному количеству число жертв из состава рабочих и служащих завода, когда с утра 24 августа вражеская авиация начала бомбить завод. Всего за время бомбежки на территории завода имеем 6 человек убитыми и 40 человек раненых.

К 23 августа 1942 года все бойцы истребительного батальона, независимо от их специальности, были переведены на казарменное положение.

В течение ночи и утра 24-VIII были отобраны из рабочих и мастеров специалисты оружейники, которые вместе с пушками, были отправлены в распоряжение воинской части в район р. Мечетка на позиции. Эта группа рабочих и по сей день вместе с бойцами Красной Армии активно сражается на передовой линии обороны. В числе этой группы добровольцев: тов. Леонов—мастер по испытанию систем, бригадиры слесарей тт. Коньков и Сахаров, коммунист — слесарь 7 разряда тов. Юдин и др.

Из состава коллектива завода отобраны и направлены в распоряжение воинской части 250 человек, умеющих владеть современными видами оружия (автоматы, минометы и т. д.). Коммунисты минометчики и пулеметчики тт. Афонин, Былушкин, Устинкин и др. уже не раз ходили в контратаку.

Следует отметить, что работники завода в своем абсолютном большинстве показали пример организованности, дисциплинированности и мужества.

Оставленная в заводе группа работников цеха № 4 в количестве 60 человек во главе с начальником цеха тов. Замиряким и секретарем партбюро тов. Марьиновым покинула цех вечером 25 августа 1942 года, т. е. после того, как были собраны, отстреляны и сданы находившиеся в процессе сборки 50 систем и одна ремонтная 45-мм. пушка.

Мастер такелажных работ тов. Юров и бригадир тов. Князев, в обстановке массовых очагов пожара и непрерывных налетов вражеской авиации в короткий срок с крыши одного цеха перенесли зенитные установки на новую огневую позицию.

Дружно и сплоченно действовали работники энергетических цехов, находясь во время массовых налетов вражеской авиации на своих постах, а после бомбежки в течение 3-х дней восстанавливали одну турбину, системы водоснабжения завода, поселков и городскую сеть домов Краснооктябрьского района. Подан ток на хлебопекарню и хлебозавод № 2.

Безупречно и мужественно работала медико-санитарная команда и ее начальник—инструктор штаба МПВО тов. Таранова, оказав медицинскую помощь 25 человекам.

Мужество и героизм проявил инструктор штаба МПВО, секретарь парторганизации тов. Крючков. Он был выделен вышковым наблюдателем за воздухом.

Организованная нами переправа работает без перебоя, перевозя не только людей, но и наиболее ценное имущество завода. По дороге от левого берега Волги до Лещинска заводом созданы эвакопункты, туда переброшены продукты, гужевой и автомобильный транспорт для снабжения и подвозки людей до места назначения.

Переведенные на казарменное положение нач. цехов, отделов, часть секретарей парторганизаций организовали выдачу зарплаты рабочим своих цехов, обошли дома рабочих и побеседовали с ними об обстановке. С 28 августа по 2 сентября 1942 г. руководящими работниками завода и цехов определен характер разрушения и состояние оборудования, материалов и полуфабрикатов.

Со 2 по 6 сентября произведена очистка цехов, производится отбор деталей и агрегатов для сборки пушек.

По неполным данным на завод сброшено свыше 150 фугасных и свыше 2,5 тысяч зажигательных бомб.

4 сентября 1942 года из работников завода нами вместе с райкомом партии создана рабочая дружина из 200 человек. Кроме того, мобилизовано 230 человек на строительство баррикад, которые работают по настоящий день.

Директор ордена Ленина завода ГОНОР.

Парторг ЦК ВКП(б) ЛЮМАКИН

В ОБКОМ ВКП(б)

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ

Дзержинский РК ВКП(б) за время с 22-VIII по 9-IX с. г. проводил работы по укреплению обороны района и по оказанию максимальной помощи фронту.

В районе действующих предприятий насчитывается 9 руководство и коллективы которых, несмотря на ежедневную бомбардировку вражеской авиации и вывода из строя отдель-

ных цехов и агрегатов и ранения людей, интенсивно работают и обеспечивают запросы фронта и трудящихся района. Так, например, мельница № 4 (директор тов. Кошелев, секретарь парторганизации тов. Балащев) ежедневно дает готовой продукции 200—230 тонн.

Кондитерская № 4 (директор тов. Сучалкин, секретарь парторганизации тов. Обухова) дает ежедневно готовой продукции (хлеба) 3—5 тонн. Неплохо работают и такие предприятия, как, например: нефтебаза, I-я и III-я совбольницы, райпищекомбинат и др.

Для охраны социалистической собственности по предприятиям и торговым точкам района нами организован отряд в количестве 200 человек, который находится в ведении районного коменданта. Подобран командный и политический состав. Отряд полностью обеспечивает охрану социалистической собственности предприятий и поддерживает порядок в районе.

Районная комендатура совместно с этим отрядом ведет решительную борьбу с расхитителями социалистической собственности.

Значительное место в работе райкома ВКП(б) занял вопрос отправки коммунистов, комсомольцев и беспартийных военных возрастов на фронт.

23 августа в ночь под 24-е нами из числа состоящих в истребительном батальоне отправлено в распоряжение Тракторозаводского района 86 человек. В этой группе были автоматчики, пулеметчики и снайперы.

В соответствии с указанием Обкома ВКП(б) наш район должен был дать на фронт 100 человек, нами отобрано и отправлено 149 человек, из них более 50 проц. коммунистов и комсомольцев, остальная часть беспартийные.

По линии военкомата совместно с военным отделом РК ВКП(б) отправлено на фронт коммунистов и комсомольцев около 20 проц. из общего числа мобилизованных.

В работе райкома ВКП(б) значительное место занимает баррикадирование улиц района. На сегодняшний день баррикадирование закончено на 7-ми улицах (Смоленская, Солнечная, Коммунистическая, Пензенская, пм. Хользунова и около железнодорожного моста за полотном). В строительстве баррикад принимает участие более 500 человек.

Работа проходит исключительно в тяжелых условиях — при ежедневной бомбежке вражеской авиации и орудийного

обстрела. Особенно хорошо работают по строительству баррикад бойцы формирования МПВО района.

8 сентября мы получили дополнительное задание—забаррикадировать еще 5 улиц за полотном жел. дороги, это задание нами будет выполнено 10-IX-42 г.

Исключительно большую работу по тушению пожаров, по ликвидации завалов и оказанию медицинской помощи трудящимся района оказывает формирование МПВО района, наличие которого исчисляется на сегодняшний день в 304 человека. Исключительный героизм и мужество проявляют бойцы службы наблюдения, находящиеся на вышке. Они ежедневно подвергаются обстрелу из орудий и бомбардировке вражеской авиации, но постов не бросают, службу несут на отлично.

Самоотверженно работают бойцы медико-санитарного взвода под руководством врача-комсомолки тов. Лиходеевой, которые ежедневно оказывают медицинскую помощь пострадавшим от бомбардировки и орудийного обстрела. Помощь оказывается не только гражданам, но и бойцам РККА.

Не плохо работают бойцы аварийно-восстановительного и противопожарного взводов.

В работе РК ВКП(б) и райсовета значительное место занимает вопрос обеспечения питанием трудящихся нашего района. На сегодняшний день открыты и работают в районе 10 торговых точек и детская столовая с пропускной способностью ежедневно более 2000 человек.

Секретарь Дзержинского РК ВКП(б) В. ХАЛФИН.

9 сентября 1942 г.

Секретарю ОБКОМА ВКП(б)
тов. ЧУЯНОВУ

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ

23 августа 1942 года немецкие войска подошли к Тракторозаводскому району. В ночь на 24 августа были приняты меры к организации обороны района и СТЗ.

На линию фронта был вместе с войсковыми частями послан истребительный батальон района.

Истребительный батальон был собран по тревоге в 17 часов 40 минут 23 августа. Занял позицию на подступах к по-

селку и до 25 августа держал совместно с войсковыми частями оборону, а в 12.00 25 августа перешел в наступление на закрепившихся в лесопосадке немцев и несколько потеснил их. После батальон удерживал позиции, сковывая прорвавшуюся группу врагов и был смещен в ночь с 28 на 29 августа 282 полком. Далее батальон был трое суток на позиции во 2 эшелоне до смены его батальоном 172 стрелковой бригады. Особо отличились при выполнении своих обязанностей начальник штаба тов. Панченко и политрук тов. Салуткин, а также проявили умение и инициативу и личное мужество командир взвода тов. Москалев Иосиф Александрович, член ВКП(б), бывший боец конной армии Буденного, и комсомолец-боец тов. Талдыкин, которые уничтожили по одному немецкому автоматчику. Командир взвода тов. Храмов—член ВКП(б), пом. ком. взвода тов. Тупиков Петр Федорович—член ВКП(б), командир отделения тов. Зайцев В. Д.—член ВКП(б) также проявили настойчивость и мужество в ночном бою, лично отражая пулеметным огнем атаковавших их немцев.

В боях с немецкими частями при защите района было убито 5 человек бойцов и командиров истребительного батальона, ранено 10 человек, из них возвратилось в строй 5 человек. Среди убитых коммунистов — командир роты тов. Симонов, бросившийся первым в атаку, увлекая за собой бойцов. В настоящее время батальон несет охранно-патрульную службу на поселке.

Организовано строительство баррикад, линий укрепления района и огневых точек. На работе было занято свыше 2000 человек, которые в течение суток выполняли задание командования.

Все формирования МПВО были приведены в боевую готовность.

За период с 28 августа по 7 сентября районный штаб МПВО проделал большую работу по оказанию медпомощи бойцам Красной Армии и гражданскому населению.

Медикосанитарный взвод вместе с медработниками диспансера, больницы № 6 и роддома оказали медпомощь раненым.

Пожары, возникающие в районе, тушились противопожарными взводами и людьми дегазационной роты. 2 сентября с. г., когда не было воды в районе, все свободные люди были брошены на работу по локализации огня путем растаскивания горящих домов и других объектов.

Аварийно-восстановительный завод занимался восстановлением АТС, подвозкой воды на хлебозавод № 4 и фабрику-кухню. Это формирование имеет потери — убитых 5 человек и раненых 7 человек. За это время в районе от бомбардировок было 49 очагов пожара, сгорело 33 жилых дома и мелких построек, 16 объектов отстояли от огня команды МПВО.

Силами районной комендатуры и народного ополчения организовано усиленное патрулирование внутри района и охрана наиболее важных объектов.

23 августа в 20 часов по тревоге был собран отряд народного ополчения. Народоополченцы работали на оборудовании огневых точек, неоднократно занимали на различных участках обороны рубежи в 1 и во 2 эшелоне, т. е. использовались ополченцы на наиболее опасных участках.

Из рабочих и служащих района были организованы рабочие отряды (52 команды) с общим количеством более 3000 человек, которые использовались на строительстве рубежей, на аварийно-восстановительных работах и на работах в цехах завода.

На поселки посылались группы по 20—30 человек специально отобранных коммунистов-агитаторов для разъяснения населению военной обстановки и мероприятий, проводимых по району и заводу.

Райкомом ВКП(б) организован прием по радио и выпуск в заводской типографии сводок Совинформбюро, которыми обеспечивается население района и воинские части.

За этот период времени в первичные парторганизации поступило 2 заявления о вступлении в кандидаты ВКП(б) и несколько заявлений о вступлении в члены ВКП(б).

Работники СТЗ в момент прорыва противника к Сталинграду с севера проявили стойкость и организованность. В течение нескольких часов с завода на фронт было отправлено свыше 50 танков, 45 тягачей, запчасти, 1200 пулеметов. Ремонтные бригады систематически оказывали и оказывают в настоящее время помощь воинским частям.

Исключительную доблесть проявили работники СТЗ, отстаивая от пожаров цеха. Так были спасены прессовый цех, инструментальный цех (первый пожар 27 августа 1942 г.), цех № 5, кузнечный, нефтебаки. Пожарная команда завода во главе с начальником тов. Еряковым и комиссаром тов. Силиче-

вым под обстрелом сумела справиться с порученным делом. Для организации порядка и дисциплины на заводе организован отдельный вооруженный отряд рабочих в количестве 220 человек. Организованы вооруженные отряды в цехах: кузнечном, сталефасонном и других, которые несут службу по охране цехов.

В результате бомбежки начальник чугунно-литейного цеха тов. Малыш был ранен; его место занял секретарь партбюро тов. Суров. В кузнечном цехе место выбывшего из строя начальника цеха тов. Просвирова занял секретарь партбюро тов. Яковлев.

Секретарь Тракторозаводского РК ВКП(б) ПРИХОДЬКО.

Парторг ЦК ВКП(б) на СТЗ ШАПОШНИКОВ.

8 сентября 1942 г.

ПРИКАЗ

ВОЙСКАМ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ФРОНТА

13 сентября 1942 г. № 6 Действующая армия.

ТОВАРИЩИ

бойцы, командиры и политработники!

Уже больше месяца противник рвется к Сталинграду, ведя непрерывные атаки.

Доблестные войска Юго-Восточного фронта геройски и мужественно отражают эти атаки и уничтожают врага. Только за последние двадцать дней отражено до 80 танковых и пехотных атак и истреблено при этом сотни немецких танков и тысячи вражеских солдат и офицеров.

Темпы наступления врага с каждым днем заметно падают, противник выдыхается и свои потери, свою слабость стремится прикрывать лживой пропагандой, сбрасывая ежедневно тысячи листовок, пытаясь запугать наши войска несуществующим окружением, рассчитывая этим на подрыв морального состояния наших войск.

— Мы на эти происки ответим еще большим упорством — истреблять врага — и никогда не отдадим Сталинград, а на-

подступах к нему окончательно разгромим гитлеровских захватчиков. Таков приказ Родины, таков приказ Сталина.

Каждый боец, стрелок, разведчик, минометчик, пулеметчик, артиллерист, зенитчик, танкист, летчик, славный гвардеец, весь личный состав защитников Сталинграда свято, с гордостью выполнят свой долг защиты нашей любимой Родины.

Приказ зачесть во всех ротах, батареях, экипажах и командах.

ВОЕННЫЙ СОВЕТ СТАЛИНГРАДСКОГО И ЮГО - ВОСТОЧНОГО ФРОНТОВ

Тов. ХРУЩЕВУ Н. С.,
тов. МАЛЫШЕВУ В. А.,
тов. ЧУЯНОВУ А. С.

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ

В течение прошедшей ночи завод подвергался бомбежке с воздуха и орудийному обстрелу. Вызванные пожары в 25 цехе, инструментальном цехе и цехе 200—ликвидированы.

С утра сегодня завод также обстреливается с воздуха и с суши.

С вечера 24/VIII организован вывоз семей работников завода до причала в районе Метизного филиала и переправа их на левый берег Волги.

Имеющихся перевозочных средств крайне недостаточно, необходима помощь в получении хотя бы одного катера или городского трамвайчика и обязательно одной барки.

Положение на фронте известно из отрывочных данных отдельных командиров и штаба генерала Фокленко. Для охраны заводских складов выставлены отряды, вооруженные пулеметами.

Меры к сохранению порядка на объекте принимаются.

Просим Ваших указаний.

Зам. Наркомтанкопрома ГОРЕГЛЯД.

Директор СТЗ ЗАДОРОЖНЫЙ.

Парторг ЦК ВКП(б) ШАПОШНИКОВ.

15 сентября 1942 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВОЕННОГО СОВЕТА 62 АРМИИ

5 октября 1942 г. Действующая армия.

В целях усиления обороны заводов «Красный Октябрь», «Баррикады» и СТЗ и создания в них опорных пунктов из рабочих отрядов,—

Военный Совет Армии постановляет:

1. Призвать в Красную Армию и зачислить на все виды довольствия с 5-X-42 г. рабочие вооруженные отряды Краснооктябрьского, Баррикадного и Тракторозаводского районов, особый вооруженный отряд рабочих СТЗ и Истребительный отряд Тракторозаводского района.

2. Рабочий вооруженный отряд Краснооктябрьского района переподчинить 39 Гв. сд.; рабочий вооруженный отряд Баррикадного района и Истребительный батальон переподчинить 308 сд.; рабочий вооруженный отряд, Истребительный вооруженный отряд и Особый вооруженный отряд рабочих СТЗ переподчинить 37 Гв. сд.

3. В случае поступления приказа о передислокации частей — вооруженные отряды оставлять на месте и переподчинять их вновь прибывшим войсковым соединениям, с зачислением на все виды довольствия.

4. Отделу укомплектования немедленно оформить зачисление рядового и младшего начсостава отрядов в состав Действующей Красной Армии, а довольствующим отделам—обеспечить положенными видами довольствия.

5. Военным комендантам Краснооктябрьского, Баррикадного и Тракторозаводского районов—весь рядовой и младший начсостав комендантских взводов передать в распоряжение заградотрядов 62 Армии, где и зачислить их на все виды довольствия.

Командующий 62 Армии
генерал-лейтенант
ЧУЙКОВ.

Член Военного Совета Армии
дивизионный комиссар
ГУРОВ

С первых дней обороны Сталинграда и вплоть до 5-го октября 1942 г. рабочие отряды, истребительные батальоны, части народного ополчения действовали, как самостоятельные боевые единицы, подчиненные лишь в оперативном отношении командованию участком фронта. С 5-го октября они влились в части 62-й Армии.

ЮБИЛЕЙНАЯ СЕССИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР— ЗАЩИТНИКАМ СТАЛИНГРАДА

Доблестные сыны нашей великой отчизны!

Ученые советской страны горячо приветствуют Вас, героев Сталинградской обороны!

Вашей легендарной отвагой, вашим воинским умением, вашей пламенной любовью к матери-родине восхищен весь мир.

Своим великолепным отпором вы не только остановили врага, спасли от позора и смерти многие тысячи советских людей. Доблестной защитой Сталинграда вы сорвали злодейские планы Гитлера окружить и захватить Москву, вы отвели преступную руку, которая намеревалась ударить в самое сердце страны.

Вот уже три месяца наглый и злобный враг, захлебываясь в собственной крови, рвется к Волге. Сталинград опален порохом и дымом. Его дома искалечены бомбами и снарядами. Но он попрежнему несокрушим — город Сталина, символ гордой и несгибаемой воли советских людей.

Вы показали, дорогие товарищи, что есть сила, которую не сокрушить ни огнем, ни железом. Это—сила духа, сила патриотизма советского воина. Вы показали, что и развалины домов и тихие улицы заводских поселков могут быть превращены волей советских людей в грозные неприступные крепости. В ваших подвигах с новой силой возродилась геройская слава защитников Царицына, которых вел к победе великий Сталин.

Мы уверены в нашей победе. Будет и на нашей улице праздник! В этих словах вождя звучит ясная и спокойная уверенность в грядущем торжестве нашего правого дела.

Но для того, чтобы победить, нужна стойкость, стойкость и еще раз стойкость. Защищайте до последней капли крови священную советскую землю! Помните, что за вами Волга — великая русская река, воспетая народом. Помните, что от вашей борьбы зависит судьба нашей Родины. Как и в дни царицынской обороны, вас ведет в бой великий Сталин. Победа будет за нами!

Пройдут года. Кости фашистских разбойников истлеют в сталинградских степях. На берегах Волги вырастет еще

более прекрасный, еще более солнечный и богатый город Сталина. Но никогда народ не забудет тех, кто кровью своей отстоял наше будущее.

Честь и слава вам, дорогие братья!

Принято на заседании юбилейной сессии
Академии Наук СССР.

22 ноября 1942 года.

10 октября 1942 г.

О ПОЛОЖЕНИИ ДЕЛ В РАЙОНАХ ГОРОДА

(Из постановления Сталинградского Горкома ВКП(б)

1. Обязать райкомы ВКП(б) и директоров предприятий обеспечить эвакуацию рабочих и их семей на левый берег Волги.

2. Организовать связь с районами путем систематической посылки в районы людей для работы в тылу врага, организовать доставку в район газет, поддерживать связь с военными организациями своего района, с партизанскими отрядами.

Считать необходимым, чтобы один из секретарей райкома лично имел связь с командованием обороны данного района.

3. Составить списки погибших, раненых и без вести пропавших при обороне города.

4. Представить в Городской Комитет Обороны и Горком ВКП(б) списки особо отличившихся людей с подробным описанием их действий и роли в обороне города на предмет представления к награде.

5. Наметить практические мероприятия по коренному улучшению снабжения продовольствием населения.

6. Организовать ознакомление населения с обращением X-го пленума Обкома ВКП(б), доставив в районы города необходимое количество экземпляров обращения через связных райкомов.

7. Считать необходимым на очередном заседании Горкома ВКП(б) заслушать информации о положении дел в Дзержинском, Ерманском, Ворошиловском и Кировском районах Сталинграда.

17 октября 1942 г.

ОБ ОКАЗАНИИ ПОМОЩИ В ПЕРЕПРАВЕ НА ЛЕВЫЙ БЕРЕГ РЕКИ ВОЛГИ РАНЕНЫХ БОЙЦОВ И КОМАНДИРОВ РККА, НАХОДЯЩИХСЯ НА ОСТРОВЕ «ДЕНЕЖНЫЙ»

(Из постановления Сталинградского Горкома ВКП(б).

Предложить секретарям райкомов ВКП(б), совместно с начальниками штабов МПВО, не позднее 17 октября 1942 г. организовать бригады по оказанию помощи раненым бойцам и командирам, находящимся на острове Денежный, и обеспечить переправу их на левый берег реки Волги для эвакуации в госпитали.

17 октября 1942 года.

О ПЕРЕПРАВЕ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ, НАХОДЯЩЕГОСЯ НА ОСТРОВАХ РЕКИ ВОЛГИ

(Из постановления Сталинградского горкома ВКП(б))

Обязать секретарей РК ВКП(б) оказать всемерную помощь городскому населению, находящемуся на островах, в переправе их на левый берег реки Волги.

Обязать начальника Нижне-Волжского пароходства тов. Каченина немедленно организовать переправу на островах: Сарпинский, Денежный, Голодный и др. для перевозки населения города Сталинграда на левый берег реки Волги.

27 октября 1942 г.

О МОБИЛИЗАЦИИ КОМСОМОЛЬЦЕВ И МОЛОДЕЖИ НА ЗАЩИТУ СТАЛИНГРАДА

(Из постановления Сталинградского Обкома ВЛКСМ)

В районе Сталинграда идут ожесточенные кровопролитные бои. Сталинград переживает самые тяжелые дни. Враг стягивает все новые и новые полки и дивизии, пытаясь захватить Сталинград. Защитникам Сталинграда тяжело. Комсомольский актив, комсомольцы, молодежь области подают заявления в комсомольские организации, в которых просят добровольно

послать их на защиту своего родного Сталинграда, на помощь защитникам города.

Бюро Обкома, учитывая патриотическое желание комсомольцев и молодежи, постановляет:

1. Обязать райкомы, горкомы ВЛКСМ с 7 по 15 ноября 1942 г. провести отбор 2000 комсомольцев и молодежи, добровольно желающей пойти на защиту Сталинграда. С этой целью провести массовые молодежные митинги, комсомольские собрания под лозунгом: «Молодежь—на защиту Сталинграда».

2. Всех добровольцев пропустить через медицинскую и мандатную комиссии. Отобранных направить в г. Камышин, обеспечив их теплой одеждой, питанием, организовав для них товарищеские проводы.

На призыв Обкома ВЛКСМ откликнулись тысячи комсомольцев области. В комиссии по отбору добровольцев поступили заявления как от отдельных комсомольцев, так и от целых комсомольских организаций.

В полном составе ушла на защиту Сталинграда комсомольская организация колхоза «Красный профинтерн», Березовского района.

Из четырех тысяч трехста человек подавших заявления было отобрано 2200 человек. 17 ноября на митинге в г. Камышине комсомольцы приняли клятву: «...драться за каждый вершок сталинградской земли, не щадя жизни и крови своей».

После кратковременного военного обучения комсомольцы были влиты в части легендарной 62-й Армии.

ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ ИОСИФУ ВИССАРИОНОВИЧУ

ОТ БОЙЦОВ, КОМАНДИРОВ И ПОЛИТРАБОТНИКОВ СТАЛИНГРАДСКОГО ФРОНТА

ДОРОГОЙ ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ!

Двадцать пять лет тому назад народы Советского Союза, под руководством великой большевистской партии, свергли власть помещиков и капиталистов и создали свое социалистическое государство рабочих и крестьян.

С тех пор не раз нашему народу приходилось с оружием в руках отстаивать свободу и независимость Советского государства; славную годовщину 25-летия Советской власти мы

снова встречаем с оружием в руках, в борьбе против немецких захватчиков, пробравшихся на нашу землю.

В дни тяжелых испытаний мы, защитники Сталинграда, решили послать Вам, нашему полководцу, учителю и другу это письмо и наш горячий фронтовой красноармейский привет.

Мы пишем Вам в разгар великого сражения, под гром несмолкаемой канонады, вой самолетов, в зареве пожарищ, на крутом берегу великой русской реки Волги, пишем, чтобы сказать Вам и через Вас всему советскому народу, что дух наш бодр, как никогда, воля тверда, руки наши не устали разить врага. Решение наше — стоять насмерть у стен Сталинграда!

Более двух месяцев минуло, как проклятый изверг Гитлер со всей Европы стянул сюда, в приволжские степи, десятки своих лучших дивизий, тысячи танков и самолетов, чтобы захватить Сталинград и прорваться к Волге.

Мы хорошо понимаем замыслы врага. Захватом Сталинграда Гитлер пытается перерезать наш волжский путь, а затем, продвигаясь по Волге на юг, выйти к Каспийскому морю, тем самым отрезать нашу страну от главных источников нефти и захватить экономически и стратегически важные районы Советского государства. Таковы его коварные планы.

Мы понимаем, что если врагу удастся осуществить эти планы, тогда он немедленно бросит освободившиеся силы на Кавказ, против Ленинграда, против Москвы — сердца нашей Родины.

Сражаясь сегодня под Сталинградом, мы понимаем, что деремся не только за город Сталинград. Под Сталинградом мы защищаем нашу Родину, защищаем все то, что нам дорого, без чего мы не можем жить. Здесь, под Сталинградом, решается судьба нашей Родины, здесь, под Сталинградом, решается вопрос — быть или не быть свободным советскому народу.

Вот почему мы напрягаем все силы, вот почему мы сражаемся до последнего, ибо каждый из нас понимает, что дальше отступать нельзя.

Проходя по прифронтовым селам и деревням, мы видели, с какой любовью и надеждой смотрели на нас колхозники. Они верят в то, что мы не пустим немца дальше, что им не придется уходить из своих хат, в которых они провели всю

свою жизнь. Они верят в то, что немецкий грязный сапог не будет топтать поля, обработанные их трудом.

В наши части нередко приходят советские люди, вырвавшиеся из фашистского плена. Они рассказывают о тех чудовищных издевательствах, которые творят немцы на оккупированной территории. Мы слышим стоны наших братьев: украинцев, белорусов и других народов, страдающих под игом немцев. Реки слез проливают наши несчастные матери, жены и сестры, оставшиеся на оккупированной территории. И единственным, что их поддерживает, вливает в них новые силы — это надежда на нас, надежда, что наступит час, когда придем мы, их освободители.

Это будет самая лучшая минута в нашей жизни, когда мы сможем обнять дорогих и близких нам людей, людей, которые прошли через ужасы немецкого ада, людей, которые ложатся спать и встают с мыслями о нас.

Мы видим протянутые к нам костлявые руки наших матерей, исхудавшие ручонки наших детей; мы слышим раздирающий крик миллионов наших угнетенных братьев — «Скорей, на помощь к нам!»

Вот почему мы считаем своим долгом перед Родиной не только остановить врага, но и разгромить его и освободить наши земли от фашистской тирании. С этими мыслями каждый день вступаем мы в бой, с этими мыслями, сжимая наше боевое оружие, уничтожаем мы врага.

Мы ведем тяжелую борьбу. Враг с каждым днем свирепеет, враг неистовствует.

Тысячи самолетов ежедневно бросает он на нас, сотни танков с разных концов ползут в город, пушки и минометы противника безостановочно бьют по нашим позициям.

Немец хочет оглушить нас взрывами, бомб, он хочет ослепить нас пламенем пожаров, сломить нашу волю к сопротивлению. Но наши чудо-богатыри стоят непоколебимо. Бешеный натиск врага разбивается о героизм защитников Сталинграда.

На позицию, занимаемую 33-мя красноармейцами, немцы после артиллерийской подготовки бросили в атаку 70 танков и пехоту. Изрыгая смертоносный огонь из всех своих орудий и пулеметов, эти чудовища готовы были смять небольшую горсточку советских воинов.

Но не дрогнули славные защитники, не отступили и выш-

ли победителями. В этом неравном бою они сожгли 27 танков противника и истребили 150 гитлеровцев. Атака была отбита, уцелевшие танки врага удрали. Так воля русского бойца оказалась тверже немецкой стали.

На участок, обороняемый взводом младшего лейтенанта Калашникова, наступали две роты немцев, поддерживаемые минометным огнем.

Калашников приказал своим бойцам подпустить немцев как можно ближе, а потом огнем автоматов уничтожить противника. Удар был мощный, и немцы не выдержали, они побежали назад, теряя десятки людей.

Утром следующего дня они снова повторили атаку. Теперь немцев было уже 500; они наступали густыми цепями, ведя сильный огонь. Один за другим выбывали из строя защитники окопа. Их осталось только 11, но эти 11 были достойными защитниками Сталинграда. В трудную минуту Калашников подбодрял товарищей:

— Помните, ребята, мы сражаемся на улицах Сталинграда. Мы—сталинградцы!

Герои снова отогнали врага. Тогда, чтобы сломить упорство этой маленькой горсточки людей, разъяренные немцы обрушили на участок Калашникова артиллерийский огонь. И это не помогло. Немцы бросили против 11 храбрецов 40 бомбардировщиков. Позиция была буквально перепахана бомбами. Казалось, ничего не могло остаться на этой мертвой земле.

И все же, когда немцы снова бросились в атаку, их встретили залпы автоматов. Стреляли раненые, стрелял каждый защитник окопа, все, у кого еще хватало силы нажать спусковой крючок. И когда на помощь храбрецам подошла наша часть, улица перед окопом была усеяна трупами немецких солдат и офицеров.

Охраняя одну из сталинградских улиц, старший сержант Хвостанцев увидел, как на него надвигаются 6 немецких танков. Хвостанцев из своего орудия подбил 3 танка. Все снаряды были израсходованы, а три танка продолжали двигаться вперед. Он взял противотанковое ружье и подбил еще один танк. Оставшиеся два танка, гремя гусеницами, надвигались на героя. Патронов больше не было. Пятый танк он остановил, перебив ему гусеницы гранатой.

У героя не было уже никаких противотанковых средств, а шестой танк противника продолжал лезть в Сталинград.

Тогда он схватил последнюю гранату, прижал ее к груди и вместе с ней ринулся под гусеницы танка.

Герой погиб, но танки противника в город не прошли.

Так уже более двух месяцев сражаемся мы, бойцы-сталинградцы, так стоим мы насмерть, защищая любимый город на Волге.

Остановить врага под Сталинградом во что бы то ни стало—таков сейчас наш главный лозунг. Для этого требуется только одно — стойкость и дисциплина. Мы на своем опыте убеждаемся ежедневно, что враг не так силен, как его изображают трусы и паникеры, не так страшен чорт, как его малюют.

Чувствуя Вашу, товарищ Сталин, повседневную заботу о нас, Ваше руководство всей борьбой под Сталинградом, мы с упорством защищаем каждую пядь нашей земли. В огне этих битв закаляется наша воля, растет наша стойкость, оттачивается наше боевое умение и день ото дня крепнет сила нашего сопротивления. Здесь, под Сталинградом, немцы еще раз убедились в силе нашего советского оружия.

Здесь, под Сталинградом, мы сбили немецкую спесь и тупую немецкую самоуверенность. Еще в июле бахвалились немцы, что они в три дня возьмут Сталинград. С тех пор не один раз лаял Гитлер, хрипел Геринг и визжал Геббельс, устанавливая сроки взятия Сталинграда. Но стоит непоколебимо город-боец, реками крови расплачиваются фашистские мерзавцы за каждый шаг продвижения вперед. Не случайно немецкие солдаты называют дорогу на Сталинград дорогой смерти.

Со всех фронтов, со всей Европы согнал Гитлер сюда лучшие свои дивизии. Свыше 100.000 немцев, итальянцев, румын за два месяца нашли свою могилу на подступах к Сталинграду.

Гитлер бросил под Сталинград сотни танков, но и танки не смогли сломить нашего сопротивления. Около 800 танков превратили мы в кучу железного лома у стен Сталинграда. А город стоит гордый и непоколебимый.

Немцы бросили на нас самые крупные авиационные силы за все время войны, но и самолеты не помогли оккупантам. 1.002 немецких самолета лежат возле города в приволжских степях, превращенные в груды щепок искусством наших летчиков, зенитчиков и пехотинцев.

ДОРОГОЙ ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ!

Мы пришли сюда, в приволжские степи, со всех концов великой Родины нашей: с необозримых русских равнин, с украинских степей, из лесов Белоруссии, с гор Кавказа, из далекой Сибири.

Сыны всех народов нашего многонационального государства в тесной военной семье с одинаковой храбростью, с величайшей ненавистью к врагу защищают Сталинград, город, которым гордится весь советский народ. Мы защищаем его потому, что знаем, какое огромное значение имеет этот город для нашей Родины, для нашей Красной Армии.

Защищая Сталинград, мы помним, что в этом городе в летний зной, в зимнюю стужу, недосыпая, недоедая, вырастили мы, выходили первенца сталинских пятилеток, гордость нашей индустрии—Сталинградский тракторный завод.

Немец сжег проспекты, разрушил заводы Сталинграда, но израненный Сталинград остался непобедимым. Пепелища и развалины и даже камни его священны для нас.

Как и в славные дни царицынской обороны, вместе с нами защищают город рабочие сталинградских заводов. Среди них много ветеранов царицынских боев. Они рассказывают нам о Вашей мужественной работе в те дни, когда Вы своей железной рукой восстанавливали порядок в городе и руководили героической обороной Царицына. Эти рассказы вливают в нас новые силы.

Мы вспоминаем, как зимой прошлого года враг подступил к сердцу нашей страны — к Москве. В те тяжелые дни, которые переживала наша Родина, Вы постоянно поддерживали в советском народе уверенность в наших силах, уверенность, что враг будет разбит и победа будет за нами.

Вы организовали оборону нашей столицы, и славная Красная Армия под Вашим руководством нанесла немецко-фашистским войскам сокрушительный удар и отбросила врага далеко от Москвы.

Мы твердо уверены, что и сейчас, сражаясь под Вашим непосредственным руководством и, накопив опыт в боях с гитлеровцами, мы также нанесем сокрушительный удар по врагу и отбросим его прочь от Сталинграда.

Земля, политая кровью наших отцов, священна для нас. Ее можно изранить воронками бомб, ее можно изрыть градом снарядов, но покорить ее нельзя.

Во имя боевой славы наших отцов, во имя всего, что достигнуто за четверть века Советской властью, мы сражаемся теперь под Сталинградом.

Мы пришли сюда с разных концов советской страны, но, защищая Сталинград, каждый из нас знает, что здесь он защищает свою Родину, свою семью, свой народ.

Чувствуя грозную опасность, нависшую над страной, весь советский народ обращает к защитникам Сталинграда свои взоры. Тысячи писем летят в наш адрес со всех концов Советского Союза и в каждом из них приказ народа — не сдавать Сталинград!

Каждый трудящийся нашей страны, где бы он ни находился, чем бы он ни занимался, старается отдать максимум своего труда. Он знает, что каждый дополнительно выпущенный танк, самолет, каждый снаряд, каждый килограмм хлеба и мяса, сданные досрочно, помогают нам громить врага. Эта поддержка всего народа удесятеряет наши силы, повышает нашу ответственность перед Родиной.

Но не только народы Советского Союза — весь мир следит за нашей борьбой. Со всех концов мира до нас доходят голоса наших союзников, выражающих восхищение нашей борьбой. Принимая эту моральную поддержку, мы уверены, что недалеко то время, когда мы услышим об открытии второго фронта нашими союзниками. Это будет не только моральной, но и реальной поддержкой защитникам Сталинграда, это ускорит и облегчит победу над врагом, и тогда объединенные нации забьют осиновый кол в собачью могилу кровавого фашизма.

ДОРОГОЙ ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ!

Если бы фашистские изверги, людоеды не пошли войной против нас, мы занимались бы мирным трудом, и в эти дни писали бы Вам из светлых цехов наших заводов, из наших богатых колхозов, из университетов и школ.

Но теперь мы — воины, и наша главная задача — уничтожать озверелого врага и отстоять нашу Родину, не дать наш народ в рабство гитлеровской Германии.

Посылая это письмо из окопов, мы клянемся Вам, что до последней капли крови, до последнего дыхания, до последне-

го удара сердца будем отстаивать Сталинград и не допустим врага к Волге!

Перед лицом наших отцов, поседевших героев царицынской обороны, перед полками товарищей других фронтов, перед нашими боевыми знаменами, перед всей Советской страной мы клянемся, что не посрамим славы русского оружия, будем биться до последней возможности.

Под Вашим руководством отцы наши победили в царицынской битве, под Вашим руководством победим мы и теперь в великой битве под Сталинградом!

Да здравствует Великая Социалистическая Октябрьская Революция!

Да здравствует наша Родина—Советский Союз!

Да здравствует организатор побед над гитлеровской Германией — великий Сталин!

Письмо подписали бойцы, командиры и политработники Сталинградского фронта.

Октябрь 1942 г. был месяцем наиболее напряженных боев за Сталинград.

У защитников Сталинграда оставалась узкая полоса земли, за которой была Волга.

Немцы, стремясь сбросить защитников Сталинграда в Волгу, вводили в бой все новые и новые дивизии, бросали на штурм тысячи танков и самолетов.

Но сталинградцы не оглядывались назад. На занимаемых рубежах они стояли насмерть, перемалывая гитлеровские дивизии.

И вот в эти дни, когда город заволакивало дымом пожарищ, когда все содрогалось от взрывов, сметаясь осколками смертоносного металла, поливалось ливнем ружейно-пулеметного огня, в дни, когда нельзя было и голову поднять, по окопам, блиндажам и ДЗОТам передавалось из рук в руки письмо. Его внимательно, с глубоким чувством читал боец и командир и, прочитав, ставил свою подпись. Это было письмо бойцов, командиров и политработников Сталинградского фронта товарищу Сталину в связи с приближением 25-летия Советской власти. Под ним подписались все защитники Сталинграда. В письме товарищу Сталину они поклялись отстаивать Сталинград до последней капли крови.

Москва, Кремль. 6 ноября 1942 г.

ИОСИФУ ВИССАРИОНОВИЧУ СТАЛИНУ

ДОРОГОЙ ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ!

В день 25-летия Великой Октябрьской социалистической революции, мы, участники торжественного заседания партийного и советского актива, шлем вам от имени трудящихся Сталинградской области боевой, сердечный привет.

В обстановке ожесточенной битвы за наш родной город встречаем мы, сталинградцы, XXV годовщину Великого Октября.

Город, с которым связана вся наша жизнь, город, который мы так горячо любили и которым так гордились,—наш славный краснознаменный Сталинград, варварски разрушен немцами. Там, где возвышались построенные нашими руками заводы, дворцы, жилые дома, институты, школы,—сейчас горы развалин. Там, где цвели наши сады и скверы, — сейчас груды пепла. Святой кровью наших женщин и детей обагрились улицы города.

Тяжело писать эти строки, боль сжимает наши сердца, дорогой Иосиф Виссарионович, но дух наш не сломлен, жгучая ненависть к врагу еще сильнее укрепила нашу волю к победе, подняла всех на смертный бой с немецкими захватчиками.

Когда немцы прорвались к Сталинграду и над нашим городом, как и 24 года назад, собрались грозные тучи смертельной опасности, мы сказали себе: «Выстоим, как выстояли герои Красного Царицына. Мы—преемники великих сталинских традиций обороны Царицына, мы — сталинградцы и мы не посрамим боевой чести и славы своего города-героя, не отступим перед врагом».

Тяжело изранен наш город, разрушены наши заводы, сожжены наши жилища, но Сталинград жив, Сталинград сражается и будет сражаться до победы.

Ни шагу назад! Победа или смерть!—таков девиз защитников Сталинграда.

Мы знаем, что с нами весь советский народ, с нами Вы, любимый наш вождь и учитель. Это вдохновляет всех сталинградцев на новые героические подвиги, вливает в каждого защитника волжской твердыни новые силы в борьбе с врагом.

Клянемся Вам, родной Иосиф Виссарионович, что не сдадим врагу Сталинграда! Не пустим немца к Волге. Нет сейчас в Сталинграде и в области человека, который бы не отдавал себя целиком священному делу помощи доблестным защитникам родного города. И мы заверяем Вас, что с каждым днем будет расти и крепнуть сила нашего сопротивления врагу. Сталинград станет могилой немецко-фашистских захватчиков.

Да здравствует наш любимый Сталинград! Да здравствуют его доблестные защитники!

Да здравствует наш великий вождь Иосиф Виссарионович Сталин!

(Принято на торжественном заседании партийного и советского актива, совместно с представителями от рабочих, колхозников и интеллигенции Сталинградской области, посвященное 25-летию Великой Октябрьской Социалистической революции).

5 ноября 1942 года.

БОЙЦАМ, КОМАНДИРАМ И ПОЛИТРАБОТНИКАМ, ЗАЩИЩАЮЩИМ СТАЛИНГРАД

(Обращение торжественного заседания Сталинградского городского совета, посвященного 25-летию Великой Октябрьской Социалистической революции).

Торжественное заседание Сталинградского городского совета депутатов трудящихся, совместно с представителями партийных, общественных и хозяйственных организаций поздравляет Вас, славных защитников города Сталинграда, с 25-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции и шлет Вам от лица всех трудящихся города свой пламенный боевой привет.

Дорогие товарищи бойцы, командиры и политработники! Весь советский народ и особенно трудящиеся города Сталинграда с восхищением следят за Вашей героической борьбой против немецко-фашистских захватчиков и полны гордости за мужество, отвагу и стойкость, которые Вы проявляете в защите города, носящего имя великого вождя и учителя товарища Сталина.

Фашистское зверье, рассчитывающее с ходу занять Сталинград, овладеть нашей матушкой-Волгой и отсюда развивать дальнейшее наступление, напоролось на такое сопротивление, какое могут оказать только истинные сыны, любящие свою родину и готовые спасти ее ценой своей жизни.

Врагу дорого обошлась дорога до Сталинграда, сотни тысяч фашистских разбойников нашли себе здесь могилу. Однако смертельно раненый, но недобитый зверь собирает свои последние силы для того, чтобы с еще большей яростью и жестокостью расправиться с городом-героем и его славными защитниками.

Два с половиной месяца жестоких, кровопролитных боев с лютым врагом под стенами Сталинграда не сломили Вашей воли к борьбе и победе, и мы полны уверенности в том, что Вы и впредь не только не сдадите своих позиций, но нанесете врагу сокрушительный удар и в скором времени освободите наш любимый город от фашистской нечисти.

Советский народ и трудящиеся города Сталинграда уверены в том, что битва за Сталинград будет решающей битвой и она послужит началом полного и окончательного разгрома фашистских полчищ.

Товарищи бойцы, командиры и политработники, мы заверяем Вас, что в этой борьбе Вы будете не одни. Трудящиеся города Сталинграда вместе со всем советским народом еще больше напрягут свои силы, чтобы оказать Вам всемерную помощь в выполнении возложенной на Вас священной задачи.

Славные защитники Сталинграда. С Вами весь советский народ. Бейтесь до последней капли крови, беспощадно громите, отбрасывайте и истребляйте вражеские полчища!

Да здравствуют героические защитники Сталинграда!

Да здравствует великий полководец, наш вождь, друг и учитель товарищ Сталин!

Торжественное заседание городского совета депутатов трудящихся совместно с представителями действующей армии Сталинградского фронта, партийных и общественных организаций города, посвященное 25-летию Великой Октябрьской социалистической революции, состоялось 5 ноября на одном из предприятий Сталинграда.

Участники торжественного заседания обратились с публикуемым выше приветствием к доблестным защитникам города Сталина — бойцам, командирам и политработникам Красной Армии.

ПРИКАЗ

ВОЙСКАМ СТАЛИНГРАДСКОГО ФРОНТА

20 ноября 1942 года № 9 Действующая армия.

Товарищи красноармейцы, командиры и политработники. Настал час грозной, но справедливой расплаты над подлым врагом — немецко-фашистскими оккупантами.

Немецко-фашистские захватчики вероломно напали на нашу мирную страну, разоряют ее и оскорбляют наш великий народ.

Только недавно мы отпраздновали 25-ю годовщину Великого Октября. Октябрьская Социалистическая революция передала власть из рук помещиков и капиталистов в руки рабочих и крестьян, дала свободу и полное равноправие угнетенным народам России и невиданно преобразовала нашу страну.

Мы жили мирной жизнью, мы упорным трудом создавали заводы и фабрики, колхозы и совхозы, школы и университеты.

Мы все стали уже пожинать плоды нашего великого труда. Враг нарушил наш мирный труд, он хочет покорить нашу страну, а наш народ сделать рабами немецких баронов и помещиков.

Гитлер и его банда обманули немецкий народ, ограбили европейские страны и обрушились на наше государство. Врагу удалось дойти до Сталинграда.

У стен волжской твердыни мы остановили его. В результате действий наших войск противник в боях под Сталинградом понес колоссальные потери.

Бойцы и командиры Сталинградского фронта показали пример доблести, мужества и геройства.

Теперь на нашу долю выпала честь начать мощное наступление на врага.

За кровь загубленных фашистскими людоедами наших жен и детей, за пролитую кровь наших бойцов и командиров мы должны пролить потоки вражеской черной крови.

В наступление, товарищи!

Идя в бой, каждый из нас знает, что мы идем освобождать свою священную землю, свои города и села, свой народ от немецких мерзавцев, захвативших часть нашей страны и угнетающих свободолюбивых советских людей.

За время войны мы с Вами закалялись в борьбе, получили большой военный опыт. К нам на усиление фронта прибыли новые части. Мы имеем все условия для того, чтобы наголову разбить врага и мы это сделаем обязательно.

Идя в бой, мы знаем, что мы идем освобождать наших братьев и сестер, томящихся в фашистской неволе. В наших руках, товарищи, находится судьба Родины, судьба нашего великого Советского народа. От нас с вами, от нашего упорства и умения зависит—будет ли каждый советский человек жить в своей свободной стране или будет гнуть спину раба у барона.

Очистим нашу страну от гитлеровских поработителей и отомстим им за все надругательства, какие враг чинил и чинит на нашей земле.

Великая честь выпала сегодня нам—пять в сокрушительный бой на проклятого врага.

Какой радостной будет для нашего народа каждая весть о нашем наступлении, о нашем продвижении вперед, об освобождении нашей родной земли.

Мы сумели отстоять волжскую твердыню—Сталинград, мы сумеем сокрушить и отбросить вражеские полчища далеко от Волги.

Приказываю: войскам Сталинградского фронта перейти в решительное наступление на заклятого врага—немецко-фашистских оккупантов, разгромить их и с честью выполнить свой долг перед Родиной.

Товарищи, под руководством великого Сталина смело вперед к победе! Смерть немецким оккупантам!

Командующий войсками Сталинградского фронта генерал-полковник А. ЕРЕМЕНКО.

Член Военного Совета Сталинградского фронта Н. ХРУЩЕВ.

Начальник штаба Сталинградского фронта генерал-майор ВАРЕННИКОВ.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Передовая «Правды». «Героический Сталинград»	5
А. С. Чуянов. Сталинградская эпопея	9
Генерал-майор **А. А. Сараев.** В боях за Сталинград	20
М. А. Водолагин. Агитационно-пропагандистская работа в дни обороны Сталинграда	38
Бригадный комиссар **П. Доронин.** Сражаются большевики - сталинградцы	44
Б. Полевой. За Волгу-матушку	49
К. Симонов. Дни и ночи	52
В. Приходько. Завод - воин	59
С. Бабкин. Мы - сталинградцы, мы выстоим	63
В. Коротеев, В. Левкин. Мы строили Сталинград,— мы его отстоим	66
Л. Кудреватых. Утро под Сталинградом	72
В. Куприн, Д. Акульшин. День в Сталинграде	76
Евг. Кригер. Гнев добрых	79
К. Симонов. Солдатская слава	85
П. Ульев. Идя на собрание	93
Б. Полевой. Небо Сталинграда	94
В. Гроссман. Сталинградская переправа	97
Ив. Ольховик. Тридцать три богатыря	102
М. Розовский. Люди одной воли	105
Микола Рудь. Там, где сражался Коля Руднев	107
В. Гроссман. Сталинградская битва	113
» Направление главного удара	122
Н. Вирта. Живая легенда	136
Евг. Кригер. Сталинград в бою	141
В. Коротеев. Бои за Сталинград	148
Сержант **Логвинов.** Как подписывали письмо тов. Сталину	151
Ст. лейтенант **Ю. Чепурин.** 100 радиопередач для войск противника	152
Сл. Курин. В боях за «Красный Октябрь»	154
Т. Колесников. Верный сын Сталинграда	164
Красноармеец **И. Лысенко.** Мой город	165

Стр.

Газета «Сталинское знамя». Слава героям Сталинграда 166
« » Танкист Шолохов . . . 167
М. Хурамшин. Герой - связист 168
Газета «Сталинское знамя». Пулеметчик Илья Воронов . 168
Гр. Лим. Артиллерист Неумывакин 169
Л. Линьков. Сердца четырех 169
П. Ульев, И. Доманов. Сталинские соколы 173
Всеволод Иванов. Русское поле 174
Майор **П. Тронько,** капитан **В. Загурский.** Лилия . . 180
Ст. Сержант **И. Стаценко.** Саперы—в боях за Сталинград 183
З. Кац, М. Талалаевский. Орленок 184
Майор **К. Абросенко.** Волжская Военная Флотилия в обороне Сталинграда 185
Капитан административной службы **С. Липкин.** Первый залп с Волги 205
Ол. Курин. Волга воюет 208
Газета «Сталинградская правда». В противогазной маске под водой 211
Ст. лейтенант **Ю. Чепурин.** Катер идет на правый берег 211
Ол. Курин. Моряки на защите города Сталина . . . 212
Б. Полевой. Огонь с Волги 215
Газета «Сталинградская правда». Факел бессмертия . 218
Капитан **В. Колохсаев.** Стойкость 219
Гвардии капитан 3-ранга **Песков.** Ледовые рейсы . . 220
В. Куприн, Д. Акульшин. В одном квартале . . . 221
П. Дмитриев, С. Шухмин. В заводском поселке Сталинграда 224
Б. Полевой. Бойцы цехов 227
Л. Высокоостровский. Упорные бои за каждый дом Сталинграда 230
Б. Полевой. Дом 21/А 233
« » Редут Тарадуля 237
И. Ольховик. Комната на третьем этаже 243
В. Лидов. На южной окраине 244
В. Гроссман, В. Коротеев. В городе Сталина . . . 248

2. ДОКУМЕНТЫ

В Обкоме ВКП(б) и Исполкоме Облсовета. (Из газеты «Сталинградская правда» от 2 ноября 1941 года) . . 253
О производстве танков и пушек для маскировочных отрядов народного ополчения. (Из постановления Городского Комитета Обороны) 253
Мероприятия корпуса народного ополчения по вооружению и снабжению частей корпуса 254
О подготовке истребителей вражеских танков. (Из постановления Городского Комитета Обороны) . . . 255
О формировании казачьих сотен народного ополчения 256

Стр.

О передаче Южному фронту стрелкового и минометного вооружения, изготовленного в феврале месяце 1942 года сверх плана, утвержденного Государственным Комитетом Обороны. (Из постановления Городского Комитета Обороны) 256
Приказ № 8 по Сталинградскому корпусу народного ополчения 257
О состоянии и мерах укрепления частей народного ополчения. (Из постановления Городского Комитета Обороны) 260
О строительстве оборонительного рубежа. (Из постановления Городского Комитета Обороны) 262
О переводе ста процентов формирований МПВО Сталинграда на казарменное положение. (Из постановления Городского Комитета Обороны) 263
О работе предприятий и учреждений города Сталинграда. (Из постановления Городского Комитета Обороны) 263
Об изготовлении двухсот штук стационарных установок по зенитным целям под пушку «ШВАК». (Из постановления Городского Комитета Обороны) 263
О сборе мешков, горючих кулей среди населения города. (Из постановления Городского Комитета Обороны) 264
О дивизии народного ополчения. (Из постановления Городского Комитета Обороны) 264
О направлении на фронт истребительных и рабочих батальонов. (Из постановления Городского Комитета Обороны) 265
Приказ № 27 по Сталинградскому корпусу народного ополчения 265
Об аппаратах областных организаций. (Из постановления Сталинградского Обкома ВКП(б) и Исполкома Облсовета) 266
Об эвакуации женщин и детей на левый берег Волги. (Из постановления Городского Комитета Обороны) 266
Приказ Военного Совета фронта 25 августа 1942 года 267
Приказ № 1 по Гарнизону г. Сталинграда 26 августа 1942 года 268
О помощи раненым бойцам и командирам. (Из постановления Сталинградского Обкома и ГК ВЛКСМ) 268
О мобилизации тысячи коммунистов, комсомольцев и рабочих заводов г. Сталинграда для отправки на фронт. (Из постановления Городского Комитета Обороны) 269
О снабжении населения города Сталинграда продуктами питания. (Из постановления Городского Комитета Обороны) 270

Стр.

Приказ № 4 войскам Юго-Восточного фронта 271
О дополнительном сооружении баррикад. (Из постановления Городского Комитета Обороны) . . . 272
Из донесения секретаря Краснооктябрьского райкома партии 272
Из донесения директора завода «Баррикады» . . . 274
Из донесения Дзержинского райкома партии 276
Из донесения Тракторозаводского райкома партии . 278
Приказ № 6 войскам Юго-Восточного фронта . . . 281
Из донесения директора и парторга СТЗ 282
Постановление Военного Совета 62 армии 5 октября 1942 года 283
Обращение юбилейной сессии Академии Наук СССР к защитникам Сталинграда 284
О положении дел в районах города. (Из постановления Сталинградского горкома ВКП(б) 285
Об оказании помощи в переправе на левый берег реки Волги раненых бойцов и командиров РККА, находящихся на острове «Денежный». (Из постановления Сталинградского горкома ВКП(б) 286
О переправе городского населения, находящегося на островах реки Волги. (Из постановления Сталинградского горкома ВКП(б) 286
О мобилизации комсомольцев и молодежи на защиту Сталинграда. (Из постановления Сталинградского Обкома ВЛКСМ) 286
Письмо товарищу Сталину Иосифу Виссарионовичу от бойцов, командиров и политработников Сталинградского фронта 287
Приветствие Иосифу Виссарионовичу Сталину от участников торжественного заседания партийного и советского актива, посвященного 25-летию Великой Октябрьской социалистической революции . . . 295
Приветствие бойцам, командирам и политработникам, защищающим Сталинград от участников торжественного заседания партийного и советского актива, посвященного 25-летию Великой Октябрьской социалистической революции 296
Приказ войскам Сталинградского фронта № 9 . . . 298

Редактор **М. А. Водолагин.**
Ответственный за выпуск **К. П. Полупанов.**
Технический редактор **В. Ф. Крашенинникова.**
Художник **Н. Н. Скоков.**
Корректор **В. Г. Камендровская.**

Сталинградское книгоиздательство. Сдано в набор 4/XI—1943 г.
Подписано к печати 15/XII—1943 г. Печатных листов 19.
Учетно-издат. листов 18,5. Тираж 10000. НМ-25989.

Астрахань, типография из-ва „Коммунист". Заказ № 5168.